

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ УКРАЇНСЬКОЇ РСР

СТАНІСЛАВСЬКИЙ ДЕРЖАВНИЙ
ПЕДАГОГІЧНИЙ ІНСТИТУТ

НАУКОВІ ЗАПИСКИ

т. V

*ПРАЦІ КАФЕДР УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ
ТА ЛІТЕРАТУРИ, РОСІЙСЬКОЇ МОВИ
ТА ЛІТЕРАТУРИ, ПЕДАГОГІКИ*

СТАНІСЛАВ

1961

20

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ УКРАЇНСЬКОЇ РСР

СТАНІСЛАВСЬКИЙ ДЕРЖАВНИЙ
ПЕДАГОГІЧНИЙ ІНСТИТУТ

НАУКОВІ ЗАПИСКИ

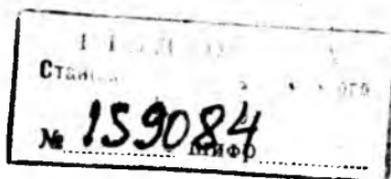
т. V

*ПРАЦІ КАФЕДР УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ
ТА ЛІТЕРАТУРИ, РОСІЙСЬКОЇ МОВИ
ТА ЛІТЕРАТУРИ, ПЕДАГОГІКИ*

НБ ПНУС

159084

СТАНІСЛАВ
1961

РЕДАКЦІЙНА КОЛЕГІЯ:

О. М. ВАРЧЕНКО, М. О. ВОЙТКО (відповідальний редактор), **С. С. ГУЦАЛО, В. М. КРАВЕЦЬ.**

Т. Г. ШЕВЧЕНКО НА СТОРІНКАХ ЗАХІДНОУКРАЇНСЬКИХ ПЕРІОДИЧНИХ ВИДАНЬ 60-х РОКІВ ХІХ СТОЛІТТЯ

Уперше твори Т. Г. Шевченка з'явилися на західноукраїнських землях ще в 40-х роках минулого століття. Це були вірші, опубліковані в альманаху «Ластівка», виданому Є. П. Гребінкою в 1841 році. В альманаху поруч з творами Котляревського, Квітки-Основ'яненка, Гребінки, Забіли, Писаревського, Боровиковського та інших авторів були вміщені твори Т. Г. Шевченка: «Причинна», «Вітре буйний», «На вічну пам'ять Котляревському», «Тече вода в синє море», І глава з поеми «Гайдамаки».

Один із перших поборників розвитку нової української літератури в Галичині на основі народної творчості та народної мови, організатор і керівник «Руської трійці» Маркіян Шашкевич, прочитавши твори в «Ластівці», в тому числі ранні твори Шевченка, висловив своє радісне захоплення ними. У вірші «Побратимові», присвяченому поетові Миколі Устияновичу, він писав:

Отак, Николаю, вкраїнські вірлята
І веселять душу й серця зогрівають,
Отак, Николаю, руські соколята
То в голос, то стиха матері співають.

Учасники гуртка «Руська трійця» І. Вагилевич, Я. Головацький, М. Устиянович, орієнтуючись у своїй творчості на народнопоетичну творчість, вбачали в Шевченкові взірць глибокого розуміння народних поглядів, дум, настроїв, народної душі, зразок розумного творчого використання народної словесної творчості, народної мови.

Року 1848 на з'їзді «руських учених» М. Устиянович сказав: «Як хочемо озброїтись у кріпость, послухаймо грімкого Шевченка!». І Устиянович, і інші колишні учасники «Руської трійці» в цей час були уже знайомі і з новими творами великого поета, зокрема з тими, що ввійшли до «Кобзаря» 1840 року та «Чигиринського Кобзаря» 1844 року. Так, у 1848 році на сторінках «Дневника руського» І. Вагилевич називає видання творів Шевченка, які з'явились до 1848 року, і характеризує їх. До

речі, автор згадує також «превосходну» поему «Кавказ», яка поширювалася в рукописах.

Ці факти свідчать про те, що, незважаючи на заборони, на штучні перегородки, що їх ставили, з одного боку, царське самодержавство, з другого, австрійський цісаризм, — твори великого Кобзаря проникали на західноукраїнські землі, знаходили там гарячий відгук серед передової інтелігенції, збуджували революційні настрої, розвивали класову і національну самосвідомість.

Проте в 40-х роках твори Шевченка ще не дійшли до широких верств трудового народу. В статті «Слівце правди Dzennik-ові Literask-ому про нашого батька Тараса Шевченка», вміщеній у щотижневику «Вечерниці» за 10 січня 1863 року, читаємо: «Були поправді декотрі межі першими нашими літераторами, що читали їх (твори Шевченка — В. О.), як от: покійний Маркіян (що їх собі навіть переписував), Я Головацький і Устиянович..., але ціла галицька громада їх не знала»¹. І далі:

«Вісті, що умер якийсь Тарас Шевченко, великий поет український, перелетіли до нас, мов стріла, і впали, мов та іскра електрична, в серцях наших молодят»².

Причиною того, що Шевченко був деякий час мало відомий у Галичині, автор статті вважає важкі суспільно-політичні умови життя галичан, відірваних від материнського лона, як він пише: «Із всіх синів святої Русі перетерпіли найбільше наші галичани, бо вони, так сказавши, поставлені були на стороні коло руського табору, найтяжчі удари спадали на них»³.

Каламутна хвиля реакції, що наступила після поразки революції 1848 року, на деякий час зупинила розвиток культурного та літературного життя, зробила чіткішим розмежування в рядах інтелігенції, породила примиренство, угодицтво. Значна частина галицької буржуазної інтелігенції, злякавшись революції, стала орієнтуватися на австрійський монархізм та реакційний панславізм.

Українська буржуазна інтелігенція, об'єднавшись із клерикальними колами, створила у Львові так звану «Головну раду руську», яка одверто й активно стала допомагати австрійській монархії у придушенні революційних сил народу. «Рада» здійснювала політику австрійського цісаризму — політику повного відмежування Галичини від Східної України, від Росії. Реакційна діяльність «Ради» суперечила волі і прагненням трудящих Галичини, що тяжіли до возз'єднання з єдинокровними братами на Сході, перешкоджала проникненню ідеалів передової української та російської літератури на західноукраїнські землі,

¹ «Вечерниці», 1863 р., № 2, стор. 13.

² «Вечерниці», стор. 13.

³ Там же, стор. 13.

гальмувала розвиток культурного національного життя в Галичині. Твори передової української літератури заборонялися і переслідувалися.

В таких умовах на протязі більше десятиріччя твори Шевченка не публікувалися ні окремими виданнями, ні в періодичній пресі. Сили реакції і мракобісся — одверті монархісти, клерикали, представники буржуазної інтелігенції, що йшли у них на повіді,— намагалися заглушити полум'яно-кличний голос революційної музи Шевченка.

В кінці 50-х-на початку 60-х років, незважаючи на національно-колоніальний гніт, на західноукраїнських землях помічається певне пожвавлення політичного і культурного життя. Розвиток нових, буржуазно-капіталістичних відносин, загострення класової боротьби в цей період визначили характер ідейної боротьби в усіх галузях культурного життя — в науці, в галузі освіти, в мистецтві, в літературі.

Сила революційного руху в Росії в період революційної ситуації 1859—1861 рр., ідеали передової демократичної літератури, ламаючи політичні та цензурні кордони, як могутній струмінь, вливалися в життя трудящих Західної України, піднімали, будили все передове, прогресивне.

В українській національній культурі кінця 50-х і початку 60-х рр. відбувався складний процес боротьби між двома основними напрямками — демократичним і ліберально-буржуазним. Представники ліберально-буржуазного табору (Куліш, Костомаров та інші), виражаючи інтереси новонародженої української буржуазії, виступали по-суті на захист старих суспільних порядків, підтримували кріпосницьку реформу, вороже ставилися до революційного руху народних мас. З позицій поміщицько-буржуазного націоналізму вони пропагували класовий мир, національну замкненість і відрубність. Вони ідеалізували козацьку старовину, проповідували клерикалізм і націоналістичні культурницькі прагнення.

На початку 60-х років у суспільно-політичній і літературній боротьбі на західноукраїнських землях виступають також два напрями: демократичний і буржуазно-монархічний. В буржуазно-монархічному напрямі було дві течії: одверто-монархічна — «москвофіли» і ліберально-буржуазна націоналістична — «народовці». «Москвофіли» орієнтувалися на російське самодержавство, на реакційну дворянську літературу, проповідували великодержавний шовінізм, вороже ставилися до прогресивної української культури. У «москвофільських» органах — в альманаху «Зоря галицкая jako альбом» на 1860 рік та в газеті «Слово» (1861—1887 рр.) спотворювалась українська мова: «москвофіли» штучно створили особливий жаргон — суміш російської, української та церковно-слов'янської мов. «Народовці», які вели з «москвофілами» так звану «азбучну війну», в суспільно-полі-

тичних питаннях орієнтувалися на австрійську ліберальну буржуазію, а іноді плазували біля ніг імператора Франца Іосифа. Свої буржуазно-націоналістичні погляди і прагнення «народовці» пропагували в періодичних виданнях «Вечерниці» (1862—1863 рр.), «Мета» (1863—1865рр.), «Нива» (1865 р.) та інших. Відомими представниками «народовців» були Кс. Климкович, В. Шашкевич, А. Кобилянський.

Своєю антинародною діяльністю і «москвофілі» і «народовці» перешкоджали боротьбі українського народу за своє національне та соціальне визволення. Вони гальмували розвиток передової української культури, і зокрема літератури.

Реакційно-монархічному та ліберально-буржуазному напрямку в суспільно-політичному та культурному житті періоду кінця 50-х — початку 60-х років протистояв демократичний напрям. Найвидатнішим представником цього напрямку був Т. Г. Шевченко. Демократичний напрям у літературі на західноукраїнських землях найяскравіше представляв Юрій Федькович — видатний поет — демократ, гідний учень і послідовник великого Кобзаря.

Українська демократична культура, розвиваючись під благотворним впливом і в органічному зв'язку з передовою російською культурою, відбивала настрої, інтереси, прагнення мільйонних мас пригнобленого трудового селянства. Вона відбивала і підносила волелюбні та патріотичні ідеали, ідеали дружби та братерства народів і усім своїм характером суперечила і протистояла буржуазній культурі.

З першої половини 60-х років твори Т. Г. Шевченка почали систематично з'являтися на сторінках західноукраїнських періодичних видань, зокрема в органах «народовців» — «Вечерницях», «Меті», «Ніві», в польських виданнях. Так, у польському „Dziennik-owi Literack-ому“, що видавався у Львові на початку 60-х років, в №№ 62—64 за 1861 рік були надруковані твори Шевченка: «Тарасова ніч», «Полякам», «Думка», «В степ до Кобзаря», «Суботів», «Сон», «До Основ'яненка».

Окремі вірші поета входять у шкільні підручники, поширюються в списках, в усній формі. Одночасно публікуються матеріали про життя поета, статті та відгуки про його творчість, вірші — посвяти Шевченкові, повідомлення про вшанування його пам'яті.

Публікація поезії Тараса Шевченка, а також творів Марка Вовчка, Юрія Федьковича, Леоніда Глібова та інших письменників, які належали чи близько стояли до демократичного напрямку в літературі, вносила в періодичні видання живий народно-демократичний струмінь. В неймовірно-задушливій атмосфері політичного та культурного життя Галичини, пробиваючи дорогу до народних мас, твори великого Кобзаря та його послідовників розвивали революційну енергію, кликали до боротьби

за визволення з-під національного і соціального гніту, ставали прапором революційної боротьби. Однак «народовці» прагнули пристосувати творчість поета до своїх «ідеалів», до інтересів мовонароджуваної національної буржуазії і з цією метою тлумачили її в дусі християнства та націоналізму.

Мовні суперечки, протиставлення українського народу братнім російському і польському народам, проповідь його «відрубності» і «виключності», популяризації християнського вірування — такий загалом ідейно-політичний багаж «народовських» видань 60-х років. Саме цим ідейно-політичним завданням і намагалися «підпорядкувати» «народовці» творчість Шевченка та інших письменників-демократів.

Уже в першому номері «Вечерниць» від 1 лютого 1862 року була визначена мета і завдання щотижневика. Автор «Переднього слова» зокрема писав:

«Йому (українському народові — **В.О.**) зростися з яким-небудь іншим народом не зможно, з його особим розвоєм розвився і його язик — самостатньо, а з того його потемненого язика має розвитися його письменна словесність, на котрій йому належить подати просвічення»¹.

Діяльність «народовців» зводилась до культурницького «каганцювання», за допомогою якого, на їх думку, народні маси стануть вільними і щасливими. В «Слові до земляків» редакція, повідомляючи про причини закриття «Вечерниць», говорить, що кожен повинен мати на оці «волю народу». Як же «народовці» розуміли цю волю? Читаємо «Слово» далі і знаходимо відповідь:

«А вольним стане наш народ, коли оцінить сам свої сили як належить, коли отрясеться з сторонських впливів в кождім — найперше же в язиковім згляді»².

Отже, воля — через ліквідацію впливів, і передусім впливів на мову (?). З цього приводу не можна не згадати влучну характеристику «діяльності» «народовців» та «москвофілів», дану М. М. Коцюбинським в його рефераті про Івана Франка, в якому він їдко висміював «язикові спори» галицької інтелігенції, підкреслив її «байдужність до живих народних інтересів, повне безсилля в духовній сфері, схоластичність, теологічний та догматичний спосіб думання»³.

Популяризація творів Шевченка на сторінках «народовських» органів мала загалом позитивне значення. Проте, намагання «народовців» «пристосувати» поезію Кобзаря до своїх ідеологічних цілей, релігійний культ, створюваний навколо імені та образу поета, возвеличення його клерикальними та націо-

¹ «Вечерниці», 1862 р. № 1, стор. 2.

² «Вечерниці», 1863 р. № 17.

³ М. Коцюбинський, Вибрані твори в 2-х томах, т. II. К. 1950, стор. 284—285.

налістичними колами, як «святого мученика» за ідеали християнства — все це не проходило безслідно і робило шкідливий вплив на певну частину мас.

У вступному слові до передплатників «Вечерниць» від 1 листопада 1862 року читаємо, що «...на кождім майже попівстві (тобто церкві — В. О.) побачиш портрет великого Тараса...»¹.

Непримиренного борця проти релігійного мракобісся, переконаного матеріаліста, який, між іншим, перед кончиною відмовився від сповіді, західноукраїнські попи з їх націоналістичними покровителями майже щороку «вшановували» в церквах, зокрема у Львові, в Станіславі. Про таке «вшанування» повідомляється у щотижневику «Вечерниці» від 21 лютого 1863 року. А в тому ж органі від 7 березня з удаваним обуренням редакція повідомляє, що у Станіславі не захотіли «у католицькому панстві клонитись православному генієві»². Знищуючись із пам'яті поета, редакція, на догоду націоналістичному панству, вважає, що народного співця можна обстріхувати і в православній і в неправославній церквах.

Передові кола інтеліганції, свідомі верстви трудового народу по-своєму і вірно сприймали і розуміли шевченківську поезію, яка кликала до боротьби проти всілякого гніту й несправедливості, піднімала почуття національної гідності та гордості. Дослідження публікацій творів поета в періодичних виданнях дає можливість прослідкувати ті шляхи і канали, по яких вони поширювались і доходили до народу.

Твори Шевченка почали з'являтися на сторінках «Вечерниць», починаючи з середини травня 1862 року. Початку їх публікації передувало повідомлення редакції — «До громади», в якому поета названо «першим нашим пророком..., котрого слово надало нам повагу меж народами»³. В повідомленні наводиться те місце з «Переднього слова» Куліша (альманах «Хата»), в якому він ставить ім'я Шевченка поруч з іменами Шекспіра, Байрона, Вальтер Скотта, Шіллера, Міцкевича, Пушкіна, Гоголя. Слідом за повідомленням в 3-х номерах щотижневика першою була надрукована поема «Відьма», а трохи пізніше — балада «Русалка».

В 20 (травневому) номері в щотижневику знаходимо вірш «Чи не покинуть нам, небого?» під назвою, даною, очевидно, редакцією, «Остання Тарасова дума». Тут же зазначається, що цей твір — останнє поетичне слово великого поета. Одночасно з публікацією творів Шевченка у «Вечерницях» вміщуються статті про його життя і творчість. Так, у наступному номері (21) була передрукована з «Основи» стаття Хуторянина (П. Куліша) «Чого стоїть Шевченко jako поет народний». Як і в інших стат-

¹ «Вечерниці», 1862 р., № 35, стор. 297.

² «Вечерниці», 1863 р., № 10.

³ «Вечерниці», 1862 р., № 16, стор. 121.

тих, опублікованих в «Основі», Куліш з хуторянсько-патріархальних, суб'єктивістських і націоналістичних позицій робить загальний огляд розвитку нової української літератури. При цьому він зводить наклепи на Котляревського. Натомість Куліш підносить Квітку-Основ'яненка, твердячи, наприклад, що один з героїв повісті «Маруся» Наум Дрот — той же Кішка Самійло народний» (?).

Характеризуючи творчість Шевченка, Куліш «доводить», що великого народного поета тільки «хуторяни та селяни знають і чують душею...»¹. Таке трактування Кулішем творчості українських письменників, і передусім Шевченка, грубо-суб'єктивістське, антинаукове.

В статті Кс. Климковича, одного з ідейних наставників щотижневика, — «Згадка за Шевченка; його смерть і похорони. Після Л. Жемчужнікова» («Вечерниці», 1862 № 22) подаються факти біографії поета. Розповівши про тяжкі умови, в яких проходило дитинство Шевченка, про те, що поет був «видертий колісь від родини..., кинений далеко од приятелів» (тобто на заслання), автор, проте, жодним словом не обмовився про революційну діяльність поета, про його революційну поезію, за яку він був засуджений на заслання. Тим самим стаття не розкривала образу Кобзаря як борця проти самодержавно-кріпосницького ладу, як великого революційного демократа, що закликав «громадою обух сталить» і «порвати кайдани». Лише уривки спогадів Л. Жемчужнікова, вклинені в статтю, давали уявлення про поета, як про правдолюбця, поборника прав та інтересів «сіроми», «голоту» — покріпаченого селянства:

«Він надто глибоко чув, надто близький був бездольній голоті, кріпосне горе завжди стояло перед його очима»².

В кінці статті автор змушений визнати, що він, дослівно подаючи спогади Жемчужнікова про народного поета, робить це «без найменшої примітки» зі свого боку і що його власна оцінка «була б тільки одиноким голосом вопіючого на пустині». Нічого не скажеш — правдиве визнання.

Біографічні факти, подані в статті Кс. Климковича, з наведенням спогадів Л. Жемчужнікова, дещо доповнюються в статті Лазаревського «Дитинний вік Шевченка (1814—1828)». В ній детально розповідається про дитинство поета, про його кріпацьке походження, про навчання в дяка тощо. При цьому цитуються уривки з віршів, зокрема з вірша «Козачковському». Автор підкреслює вразливість і допитливість вдачі малого Тараса, його живий інтерес до розповідей діда і батька про героїчне минуле, його природну обдарованість. В цілому стаття Лазаревського давала широке уявлення про життя та образ Шевченка,

¹ «Вечерниці», 1862 р., № 21, стор. 181.

² «Вечерниці», 1862 р., № 22, стор. 197.

хоч у ній були деякі фактичні неточності. Так, зокрема, Лазаревський невірно твердить про те, що нібито поет «до смерті матері..., живучи під її крилечком, не знав горя», що поет перебував «у сибірській неволі» тощо. Про революційну ж діяльність поета, про те, за що він був кинутий на заслання, і в цій статті жодного слова не сказано.

Про глибокий інтерес до творів народного поета, про їх поширення серед братніх слов'янських народів, зокрема польського, повідомляється в статті «Польські переклади з руського». Слов'янські письменники, говориться в статті, знайомлять свої народи перш за все з творами Шевченка, Квітки-Основ'яненка та Марка Вовчка. «Торік (тобто 1861 р.— В. О.) видав Совінський свій прекрасний переклад «Гайдамаків», сего ж року видає Горжалчинський два томи інших поезій Шевченка, повісті Квітки і повісті Марка Вовчка. Перший том поезії Шевченка, прикрашений портретом безсмертного поета, надрукований в Києві, лежить перед нами і причиняє нам велику радість, котру нашим родимцям уділити за обов'язок уважено»¹.

Популяризуючи далі поезію Кобзаря, редакція «Вечерниць» в №№ 31—32—33 за 1862 рік вмістила поему «Неофіти», назвавши її «прекрасною», а в №№ 35—36 — пролог до поеми «Гайдамаки» з приміткою:

«Поміщаючи пролог до «Гайдамаків», гадаємо, що прислужимося нашим землякам тим більше, що ні в окремишнім виданні «Гайдамак», ні в «Кобзарі» того прологу немає»². Слідом за «Неофітами» та прологом до «Гайдамаків» у щотижневнику на протязі 1862—63 рр. був надрукований ряд інших творів, серед них «Сон» («На панщині пшеницю жала»), «Чернець», «Чигирин», «Плач Ярославни», «Кавказ», «І мертвим і живим...», «Холодний яр».

Таким чином, зі сторінок щотижневика західноукраїнський читач вперше сприйняв революційний дух Шевченкової поезії. Проте, в той час, коли один з найвидатніших творів — поема «Гайдамаки» в перекладі Гайдебурова на російську мову була повністю опублікована в органі російських революційних демократів журналі «Современник», зазвучала на польській мові в перекладі Совінського, редакція «Вечерниць» явно побоялася повністю передрукувати її: адже поема з її революційно-романтичним пафосом не відповідала ліберально-поміркованим поглядам «богобоязливих» «народовців».

Більше того, щойно після опублікування «Неофітів» та прологу до «Гайдамаків» у щотижневнику з'явилася досить розтягнена стаття Г. Будеволі «Слівце правди Dzennik-ові Literack-о́му про нашого батька Тараса Шевченка», автор якої в душі

¹ «Вечерниця», 1862 р. № 22, стор. 199—200.

² «Вечерниця», 1862 р. № 35, стор. 354.

Куліша та Костомарова з усіх сил намагався викривити революційний зміст творчості поета взагалі, поеми «Гайдамаки» закрема. Стаття розпочинається осудом розгнуданих наклепів та версій, що їх поширював польський орган про український народ, його історію, мову, культуру, про Шевченка. Автор засуджує брудні вигадки про Шевченка то як про «різуна», «пияка», то як про такого, що, заїхавши до якогось польського пана на Волині в гості, «переіначив усі проти ляхів написані твори на їх користь»¹. В зв'язку з цим у статті поставлено завдання вияснити те «становисько», те місце, яке займає наш «безсмертний співак і пророк» в українській літературі.

Торкнувшись історії розвитку українського народу, твердячи про нього як про якесь «особие племя», як про народ «тихий, хліборобський... і релігійний», автор переходить далі до огляду розвитку української літератури, протиставляючи її літературам братніх народів. На його погляд, українські письменники — суть всі демократи, оскільки вони залишили «всіх можних панів і чиновників», образи яких змальовували, мовляв, письменники інших народів, а звернулися до образу «простого чоловіка» та до «далекої бувальщини», «старини».

Автор, подібно до Куліша, ставить творчість Квітки поруч з творчістю Шевченка і вище творчості Шевченка. При цьому він, правда, обмовляється, що коли Квітка в повістях «Маруся» та «Оксана», правдиво змалювавши образи нещасних дівчат, не виявив свого власного душевного настрою, то Шевченко в своїх творах, особливо в поемі «Катерина», облив ті образи, як він висловлюється, «ріками людської крові».

Аналіз ідейного змісту поеми «Гайдамаки», даний автором у статті,— примикає до тих оцінок твору, які давали йому Куліш та Мордовцев. Прочитувавши рядки з поеми:

А Україна навіки,
Навіки заснула,

в яких поет-революціонер передав глибокий смуток за героїчним минулим, висловив невдоволення пасивністю певної частини мас, автор майже дослівно повторює Куліша: «...вже не кровавим боєм, а праведним, святим життям нам тепер жити, і тільки тихо, смирно добувати своєї правди»².

Поема, як уже зазначалося, не була повністю опублікована, а провідні її мотиви в розглядуваній статті підносились явно перекручено і в тенденційному ліберально-буржуазному плані. «Народовці» боялися революційного руху народних мас, і саме слово «революція» було для них немилозвучним. Недаремно один з найреволюційніших творів поета — поему «Гайдамаки»

¹ Вечерниці, 1862 р. № 36, стор. 309.

² Вечерниці, 1863 р. № 1, стор. 5.

вони, як бачимо. намагалися приховати від народу або, принаймні, притупити її гостре революційне вістря.

В статті «Ми й вони», що є продовженням попередньої статті («Слівце правди»), автор далі розвиває суперечки в суспільно-політичних питаннях з представниками польської ліберальної буржуазно-націоналістичної інтелігенції. Полеміка, яку він веде, витримана в дусі ідеології українського буржуазного націоналізму. Твердячи про те, що «ідея руська (читай: українських буржуазних націоналістів — В. О.) польській ідеї діаметрально противиться», Будеволя заперечує можливість брати «за посередника... лядсько-руського союзу» Т. Г. Шевченка¹. Він прагне «довести», що нібито взаємні симпатії і дружба Шевченка з польськими громадсько-політичними діячами Б. Залеським, А. Желіговським та іншими, що з ними поет розділяв долю політичного заслання, з якими листувався, кому присвячував свої твори, були... випадковими.

З метою посварити братні народи, сіяти між ними недовір'я та чвари автор з буржуазно-націоналістичних позицій «пояснює» поезію Шевченка, заперечуючи — всупереч очевидним фактам — дружнє ставлення поета до польського народу в особі кращих його синів.

У віршах-посвятах Т. Г. Шевченкові, що зустрічаються на сторінках «Вечерниць», ім'я поета возвеличується, але зміст його творчості, його революційної діяльності по-суті опорочується. «Найбільшим із між синів», «позаяк руських сердець на землі» називає поета Є. Згарський у вірші «В день смерті Тараса Шевченка»². Одначе вірш витриманий в чужому постові релігійно-християнському дусі.

А в номері 9 за 28 лютого 1863 року повідомляється про «святкування» роковин Шевченка в православній церкві у Львові. Портрет поета був поставлений на тетраподі, біля нього зі свічами в руках стали «дванадцять академіків (духовних осіб — В. О.) у святочних свитах». Разом з ними співали і молилися віруючі «за душу Тараса». Внизу під цим повідомленням у траурних рамках публікується «вірш» Кс. Климовича «На вічну пам'ять Тарасові», пройнятий клерикалізмом і ненавистю до трудового українського народу. Якщо всі, говорить він, відцураються роду і «завіту України», який, мовляв, дав Шевченко, «тоді хай загине — хай люд той загине, сліду не оставить»³. От якого «добра» зичив українському народові «презавзятий патріот» і «убогих брат» Кс. Климович!

Духовне убозтво, політична безпорадність, нерозуміння на-сущних завдань сучасності, відірваність і боязнь народу, болото клерикалізму та націоналізму, в яке погрузли «народовці»,

¹ «Вечерниці», 1863 р., № 3, стор. 38.

² «Вечерниці», 1863 р., № 4.

³ «Вечерниці», 1863 р., № 9.

спричинили нетривкість їх позицій і швидку еволюцію поглядів від поміркованого лібералізму в першій половині 60-х років до одвертої і грубої реакційності в другій половині 60-х та наступних років. Ця еволюція особливо яскраво виявилася в «діяльності» одного з типових представників «народовського» угруповання Кс. Климковича.

Після закриття влітку 1863 року «Вечерниць», нібито зумовленого, за твердженням редакції, переслідуваннями, «народовці» згуртувалися навколо журналу «Мета», редактором якого став Кс. Климкович. Епіграфом до журналу він узяв слова Т. Г. Шевченка:

В своїй хаті — своя правда,
І сила, і воля!

прагнучи надати їм націоналістичного забарвлення. В «Передньому слові» до журналу редакція заявила, що тенденція цього органу полягатиме в тому, щоб «огнищем руської народної ідеї» сприяти швидшому розвитку духовного життя народу. Журнал буде впливати на народ безпосередньо або посередньо — через інтелігенцію. Проте, як визнає редакція, інтелігенція (мається на увазі буржуазно-націоналістична інтелігенція — В.О.) відірвана від народу, не знає його життя і лише народ «один зберіг нам в цілості святиню нашої народності»¹.

Далі в «Передньому слові» зазначається, що в журналі будуть друкуватися літературні твори і політичні статті.

Політичні та літературно-критичні статті, що рясно з'явилися з перших номерів органу, позначені тією ж націоналістичною тенденційністю у висвітленні суспільно-політичних питань, історії, явищ літератури, що й у «Вечерницях». В статтях підкреслюється, що головне завдання «русинів» (тобто українців-В. О.) навколо «народної просвіти», а не «в планах революційних».

Виступи журналу проти польських колонізаторів та російських великодержавних шовіністів з їх маячною політикою гегемонії царизму поміж слов'янських народів певною мірою відбивали процес національно-визвольної боротьби українського народу. Проте, найболючіше питання сучасності — питання соціального становища трудового народу під гнітом «чужих» і «своїх» гнобителів «народовці» намагалися підмінити питанням національним, ігноруючи при цьому спільні життєві інтереси і прагнення трудящих України, Росії і Польщі.

На всі лади сварячи «москалів», часто не розрізняючи «адміністративної частини» російського суспільства, «держави московської» від трудового російського народу, «народовці» іноді, правда, приходили до визнання того, що прогресивні люди Ро-

¹ «Мета», 1863 р., I.

«сії обстоювали право України на самовизначення, боролися за рівноправність і дружбу українського та російського народів.

Так, автор статті «Становище Русі»... писав:

«Все ж таки на славу московському народові признати треба, що не вся його поступова верства вдалася на тих лібералів з Москви (слов'янофілів на чолі з І. Аксаковим — В. О.)... ліберали з Петербурга..., що видали із проміж себе Іскандера і Бакуніна, — не признаються анітрохи до централістичних тенденцій своїх колежан з Москви, так дивно схожих з тенденціями теперішнього московського правительства»¹. Автор має, очевидно, на увазі статті О. І. Герцена про Польщу, в яких він виступив на захист національних прав поляків і українців, в яких він, за висловом В. І. Леніна, «врятував честь» російської демократії.

Твори Шевченка, статті та відгуки про нього після закриття «Вечерниць» друкувалися (щоправда, рідше) в «Меті», «Ниві», в щотижневнику «Русалка», що виходив у Коломії року 1866. Зокрема, в журналі «Мета» були вміщені вірші «Мені однаково», «Костомарову», «Заповіт»; в журналі «Нива», що став літературним органом «народовців» — вірш «А. Козачковському» та поема «Петрусь».

Привертають увагу відступи від оригіналу, перекручення в творах, що опубліковані на сторінках «Меті».

У Шевченка:

Малого сліду не покину
На нашій славній Україні,
На нашій — не своїй землі.
(«Мені однаково»).

В журналі:

Малого сліду не покину
На обезчещеній землі.

У Шевченка:

Та не однаково мені.
Як Україну злії люди
Присплять, лукаві, і в огні
Її, окраденую, збудять...
(«Мені однаково»).

В журналі:

Та не однаково мені,
Як Україну злії люди
Задуть вві сні і в огні
Вдову окрадену розбудять.

Подібні перекручення зустрічаються і в інших творах, зокрема у вірші «Костомарову». Замінюючи влучні і точні шевченківські слова слабшими своїми, порушуючи навіть структуру, ритміку вірша (наприклад, рядок «задуть вві сні і в огні» випадає з розміру), «низькопоклонники» поетові, як бачимо, «вільно» поводитися з його творами.

¹ «Мета», 1863 р. № 1.

Глибоке обурення викликає приписування Шевченкові — неспирмиренному борцеві проти поміщицько-буржуазного націоналізму націоналістичного гімну «Ще не вмерла Україна»¹.

Зводячи наклепи на великого поета революціонера-демократа, прикриваючись його великим, улюбленим в народі, ім'ям, Кс. Климкович став одним з перших популяризаторів націоналістичного твору, написаного нібито Шевченком, розпалювачем ворожнечі між українським, російським та польським народами. Свою ненависть до народів він одверто висловив у вірші «Тарасові на вічну пам'ять»².

Ім'я і творчість народного поета в другій половині 60-х років стають дедалі більше відомими і популярними. Незважаючи на прагнення «народовців» та інших реакційних угруповань сфальсифікувати його твори, «пристосувати» їх до своїх реакційних цілей, трудові маси, прогресивні кола інтелігенції із захопленням сприймали революційно-патріотичні ідеали шевченківської поезії, ідеали дружби і братерства народів.

У другій половині 60-х років одночасно із «святкуванням» шевченківських роковин у церквах, про що повідомляли періодичні видання («Мета», «Русалка» та інш.), влаштовуються публічні вечори, присвячені пам'яті поета, які згодом стають традицією. «Мета», наприклад, повідомляла, що 26 лютого (10 березня за н. с.) 1865 року в Перемишлі відбулися «музикально-декламаторські вечорниці. Прочунав старина — Перемишль з вікового сну!». В журналі подається програма і опис шевченківського вечора. Керівником вчора був історик, співак і декламатор Вахнянин. Він чудово продекламував розділ з поеми «Гайдамаки» — «Титар». На цьому вечорі виступив також Кс. Климкович, який намагався надати йому буржуазно-націоналістичного тону. Він не розкрив революційного значення поезії Кобзаря і закликав виконувати заповіт поета тільки шляхом поширення освіти серед «темних убогих братів».

Про велике вшанування пам'яті народного співця в 1866 році у Відні представниками братніх слов'янських народів розповідається в статті «П'яті роковини смерті Тараса Шевченка» на сторінках щотижневика «Русалка». Напередодні вечора було обрано шевченківський комітет на чолі з Вахнянином, складена програма, в якій передбачались доповідь, співи, декламації. На вечір прибули серби, словаки, чехи, поляки, словенці, хорвати, морави.

Доповідь про життя і творчість великого Кобзаря зробив Вахнянин, взявши епіграфом до неї заповітні, сповнені почуття дружби і братерства народів, слова поета:

¹ «Мета», 1863 р. № 4.

² «Русалка», 1866 р., № 10.

І мене в сім'ї великій,
В сім'ї вольній, новій
Не забудьте пом'янути
Незлим, тихим словом.

В доповіді розкривалася велика роль Шевченка в піднесенні визвольної боротьби українського народу, всіх братніх слов'янських народів. Після зачитання вітальних телеграм із Львова, Чернівців, Дрогобича, Тернополя і Бережан виступив представник чехів, який підкреслив загальнослов'янське і світове значення Шевченка. Зокрема він сказав:

«Браття! Дуже би ми милились, сли би думали, що Шевченко лишень про недолю свого народу сльози проливав, его серце било для кращої і вищої цілі. Ми его повинні поважати яко мужа, що величні ідеї Європи вістив, як западові з востоком подружитись, а тра знати, що він жив на Україні. Весь мир его обходив, ціле чоловіцтво було у него короною, а найкращою і найдорожчою перлою у сім княжеськім вінці був ему слов'янський нарід»¹.

Як свідчить автор статті, цей виступ схвально і дуже радо сприйняли учасники шевченківського вечора.

Всупереч намаганням «народовців» поставити великого українського поета у вузько-національні рамки, піднести його творчість у націоналістичному плані, на слов'янському вечорі у Відні було свято вшановано пам'ять Шевченка як людини великого серця, якій зрозумілі і близькі були думи та прагнення трудящих усіх національностей, як послідовного поборника і співця дружби і братерства народів, особливо народів слов'янських.

Полум'яна поезія великого Кобзаря, що зі сторінок західноукраїнських періодичних видань безпосередньо сприймалася і торкалася сердець трудящих, передової інтелігенції, окремі вірні оцінки творів поета доносили до них передові суспільно-політичні ідеали, волелюбні прагнення, гнівне осудження всілякого гноблення та несправедливості, благородне почуття братерської дружби народів. Твори Шевченка поруч з творами передової російської літератури робили могутній вплив на розвиток нової української літератури 50—60-х років на західноукраїнських землях. Цей вплив особливо помітний на творчості «буковинського солов'я», співця гуцульської бідноти Юрія Федьковича.

¹ «Русалка», 1866 р. № 11.

ское строительство, героический труд, коммунистическое воспитание масс, проповедь высоких нравственных идеалов — были главными, определяющими в поэзии Д. Бедного этого периода. Сам поэт в стихотворении «Проклятье навеки, навеки!» (1922 г.) метко определял сущность своего творчества:

И приспособлял всю свою «пиитику»
На восхваление того, что со всех точек зрения
Заслуживало рабоче-крестьянского одобрения¹.

Усилия рабочего класса, трудности борьбы, подвиги, достижения, радости и горести — все волновало поэта. Он вместе с массами в борьбе и труде:

Жарко там, но и тут горячо.
Хочешь всюду подставить плечо.
Всех, дошедших до усталости жуткой,
Освежить добрым словом иль шуткой.

(Т. XVII, 181)

X съезд Коммунистической партии (март 1921 года) принял новую экономическую политику, предложил правительству немедленно заменить продразверстку продналогом. Новая экономическая политика обеспечивала прочный экономический и политический союз рабочего класса и крестьянства в строительстве социализма. Она была единственно правильной при переходе от капитализма к социализму. С введением нэпа открывалась свобода торговли, заметно оживилась буржуазия, появлялись мелкие частные предприятия, росло кулачество.

Над частным капиталом устанавливался государственный контроль, и развитие его допускалось лишь в известных пределах².

Демьян Бедный принял самое активное участие в пропаганде новой экономической политики Советского государства. Правда, одно время после введения нэпа поэт чувствовал некоторую неловкость. В годы гражданской войны Д. Бедный патетически призывал красноармейцев, трудовой народ покончить с буржуазией. Еще один удар — и конец капитализму. А теперь (1921 г.) пролетарское государство допускает существование, хотя и временно, буржуазии. У некоторых членов партии введение нэпа родило сомнения. «Что за пора наступила?» — спрашивали они. Многие эту пору называли «загадкой». Для Д. Бедного

Не столь загадочна она,
Сколь неприятна... для поэта,
Который столько лет вопил,
Что час победный наступил.

(Т. III, 239).

¹ Демьян Бедный, Полное собрание сочинений в 19-ти томах, М.—Л., ГИЗ, 1925—1933, т. IX, стр. 157. В дальнейшем — римская цифра указывает том этого издания, арабская — страницу.

² История Коммунистической партии Советского Союза, М., 1959, стр. 329—330.

Поэт в стихах сулил журавля, «а жизнь подносит нам синицу». Путеводной звездой для Д. Бедного всегда был В. И. Ленин. И когда у поэта возникала тревога и сомнения, Ленин по-товарищески указывал ему на его ошибки. Поэт признавался:

И все ж. коль мне Ильич порою,
Встревоженный моей «нгрою»,
Грозит в окно: «Смири свой нрав!»,
Он, как всегда, я знаю, прав.

(Т. III, 240).

О своем отношении к нэпу Д. Бедный откровенно писал в фельетоне «До полного?!» (1926).

Знают все: в начале нэпа
Я упрямый был ворчун.

(Т. XII, 283).

Вскоре Д. Бедный преодолел свои ошибки. В октябре 1921 года в стихотворении «О нашем новом экономическом курсе» поэт-пропагандист разъяснял читателям сущность новой экономической политики, убеждал их в необходимости введения нэпа: страна наша сельскохозяйственная — необходимо учитывать интересы крестьян. Временно «мы должны кое-где кое в чем уступить». «Арендатели», несомненно, начнут налаживать свое дело, мы же должны за ними внимательно следить. «Новый курс» — это долгая, алая война». Обращаясь к рабочим и коммунистам, поэт говорил:

Нервы связи хозяйственной, фабрик и пашен
Удержите в хозяйственных ваших руках,
И тогда никакой нам противник не страшен!
Куйте вашу победу на ваших станках!!!¹

В связи с введением нэпа некоторых поэтов охватили панические настроения. Им показалось, что с переходом к нэпу кончилась революция. Д. Бедный выступил против уныния, пессимизма, паники и паникерства в стихотворении «Азбука», опубликованном в «Правде» 22 ноября 1921 года. Хотя на уныние ныне мода, он «не намерен унывать», напротив, необходимо гнать «всех нытиков долой».

Одна любительница поэзы,
Из крайне — «левых» героинь,
Вчера шептала мне: «Аминь»,
Рисуя мрачные прогнозы.
Я ей сказал: «Шалтай-болтай!
Не хочешь петь, так улетай!»²

¹ Демьян Бедный, «Эл!.. Эл!.. Стихи про нэп», ГИЗ, М.—Л., 1926, стр. 6.

² Демьян Бедный. Собрание сочинений в пяти томах. М., ГИХЛ, 1953—1954, т. 3, стр. 32. В дальнейшем — арабские цифры будут указывать том и страницу данного издания.

Поэт учил дисциплине, труду, готовности исправлять ошибки, умению ждать, выдержке, высокой политической сознательности; «пороть горячку безрассудно», нытьем делу не поможешь.

Эй, подтянитесь мил-друзи,
Чтоб близкий. может быть, всполох
Не захватил бы вас врасплох!

(Т. 3, стр. 33).

О нездоровых настроениях, появившихся среди некоторой части коммунистов, интеллигенции при переходе к нэпу, говорил В. И. Ленин в докладе на XI съезде РКП (б) 27 марта 1922 года. Во время отступления армии, говорил Ленин, «вы встретите настроение, до известной степени подавленное. У нас даже поэты были, которые писали, что вот, мол, и голод и холод в Москве, «тогда как раньше было чисто, красиво, теперь — торговля, спекуляция». У нас есть целый ряд таких поэтических произведений»¹. Ленин говорил о том, что пора перестать нервничать, кричать, суетиться, он призывал учиться практическому делу, учиться торговать. «Перестаньте умничать, рассуждать о нэпе, стихи пускай себе поэты пишут, на то они и поэты»².

Нездоровые, панические, пессимистические настроения в начале 20-х годов легко обнаружить в творчестве поэтов С. Образовича, М. Герасимова, В. Александровского, Э. Багрицкого, М. Светлова, Н. Асеева, В. Хлебникова и др. Именно этих поэтов имел в виду В. И. Ленин, когда говорил о нытиках среди писателей. Д. Бедный почувствовал в словах Ленина упрек за некоторые свои стихи о нэпе и в стихотворении «Как надо читать поэтов» («Правда», 31. III. 1922) писал:

Я пребываю в своей неизменной роли:
Популяризирую партийные пароли.
А на съезде я проглотил дегтю ложку:
Я де, нападая на нэп, сделал оплошку.
Но мне прощается провинность эта:
Что с меня взять с поэта,
Которому написано на роду
Поглупеть в 1922 году?³

В 1921—1923 гг. о нэпе Д. Бедный написал сорок сатирических стихотворений, которые печатались в газете «Правда», а в 1926 году вошли в сборники «Эп!.. Эп!.. Стихи про нэп» и «Хрюкающий нэп». Поэт высмеивал нэпманов, издевался над нэповско-буржуазной публикой, которую составляли спекулянты, «франты разутюженные», взяточники, «еще не обнаруженные», шулера «казино-эрмитажные», маклера «ресторанно-ампирные», коты — «сутенеры, бандиты и воры». Д. Бедный был обеспокоен тем, что в условиях нэпа развивается мещанство. Он хорошо понимал,

¹ В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4-ое, т. 33, стр. 252.

² Там же, стр. 255.

³ Демьян Бедный, «Эп!.. Эп!.. Стихи про нэп», ГИЗ, М.—Л., 1926, стр. 24.

что мещанство будет пытаться разлагать рабочий класс. Нам нельзя проглядеть дополнительной беды:

Чтоб наши крепкие рабочие ряды
Не стала разлагать мещанская зараза,—
Чтоб не могла пойти семья рабочих врозь.
Погрязши в липкую, зловоннейшую тину.
Чтоб желтой ржавчиной не выело насквозь
Ее стальную сердцевину!¹

Мировая буржуазия, сменовеховцы, западно-европейская социал-демократия, сами нэпманы много шумели о важной роли, которую якобы играет нэпман в нашей стране, усиленно распространяли клеветнические вымыслы о перерождении советского строя, о возвращении к капитализму. Отто Бауер, например, писал: «Вот они отступают к капитализму; мы всегда говорили: революция — буржуазная»². Партия разоблачала эти измышления. В «Интервью корреспонденту «Манчестер Гардиан» В. И. Ленин заявил:

«Нэпман»... обнаруживает гораздо больше шума, чем это соответствует его экономической силе...

Рабочие и крестьянство — вот основа политической силы в России. Во всех капиталистических странах крестьян грабят и помещики и капиталисты. Чем сознательнее становятся крестьяне, тем лучше они это понимают. Поэтому масса населения за «покупающими и продающими» нэпманами не пойдет»³.

Д. Бедный своими агитационно-пропагандистскими произведениями помогал партии разъяснять народу, что к старому капиталистическому строю возврата быть не может, что рабочий класс в союзе с трудовым крестьянством под руководством Коммунистической партии построит социализм, а нэпманы до поры до времени будут наливать соком, покрываться жирком, обрастать шерстью,

А должный срок придет, и мы все это стадо,
Как захотим, так обстрижем!⁴

Гордая вера в победу социализма, в несокрушимые силы народа-творца, в мировое значение завоеваний Великого Октября, в непобедимость революции, презрение и ненависть к скептикам, нытикам и паникерам звучат в знаменитой поэме «Главная улица» (7. XI. 1922):

Красного фронта всемирная линия
Пусть перерывиста, пусть не ровна.
Мы ль разразимся словами уныния?
Разве не крепнет, не крепнет она?

(Т. 3, стр. 100).

Д. Бедный, как истинный патриот, горячо откликнулся на борь-

¹ Демьян Бедный, «Хрюкающий нэп», ГИЗ, М.—Л., 1926, стр. 48.

² Цит. по книге: В. И. Ленин, Сочинения, т. 33, стр. 253.

³ Там же, стр. 370—372.

⁴ Демьян Бедный, «Эп!.. Эп!.. Стихи про нэп», ГИЗ, М.—Л., 1926, стр. 44.

бу с голодом, гневно разоблачал антисоветские козни мировой буржуазии и внутренних врагов.

В 1921 году Поволжье постиг страшный голод. Партия и Советское правительство энергично организовали помощь голодающим Поволжья. На страницах «Правды» появились стихотворения Д. Бедного о помощи голодающим. Эти произведения составили сборник «Проклятье», вышедший в свет в 1922 году (кооперативное издательство «Жизнь и знание»). Позже, в 1927 году, большая часть стихотворений из указанного сборника вошла в книгу «Братское дело» (серия «Библиотечка Демьяна Бедного»).

Передовая статья и другие материалы в «Правде» от 16 июля 1921 года были посвящены оказанию помощи голодающим. В этом же номере газеты было напечатано призывное стихотворение Бедного «Братское дело». Страшный зной — «злой, огнедышащий дракон» — иссушил землю, «ни ходы крестные, ни богомольный вой» не помогли. Буржуазный Запад и белогвардейщина, «затаившие одно лишь чувство-месть», с большой радостью встретили весть о голоде в Поволжье. Наконец, думали они, костлявая рука голода, не сумевшая задушить Советы в годы гражданской войны и блокады, придушит рабоче-крестьянскую Россию теперь, в 1921 году. Снова в сознании врагов родились бредовые мысли: погибнет Советская власть и можно будет усесться на спине народа.

А там... ах, только бы скорее!.. Ах, скорее!..
И рад уже эсер заранее ливрее,
в которой будет он, холуй своих господ,
Стоять навтыжку, храня парадный ход:
— Эй, осади, народ!.. Не то чичас по шее!..
Эй, осади, народ!..

(Т. 3, стр. 20).

Поэт обличал реакционность, бесчеловечность, корыстные эгоистические цели мировой буржуазии. Что может быть более бездушным, позорным, аморальным, чем отказ в помощи голодающим людям из политических, классовых побуждений?! Разоблачению международной комиссии «помощи» России, куда входили бывший французский посол при Николае II и Керенском Нуланс, генерал По и бывший московский фабрикант Жиро, сатирик посвящает фельетоны «Как они голодным помогают» (IX. 1921), «Проклятье навеки, навеки!» (1922). Д. Бедный указывал на подлость спекулянтов («Алтынники», X. 1921) и церковников («Плакаты», IV. 1922), которые довольны были тем, что странупостигло стихийное бедствие, и всячески выступали против оказания помощи терпевшим от голода¹.

¹ Разоблачению кулаков и буржуазии, которые радовались страданиям народа, Д. Бедный посвятил также стихотворения «Прокукишная помощь» (1921), «Добрая душа» (1921), «Собачья доля» (1921), «Проклятье» (1921), «Про кота Митрошку» (1922).

Д. Бедный вдохновенно и ярко запечатлел героическую борьбу рабочего класса, восстанавливающего народное хозяйство, строящего социализм. Он с большим творческим подъемом прославлял самоотверженный труд народа, новые отношения между людьми, рисовал образы мужественных строителей-созидателей, воспитывал уверенность в том, что народ преодолеет трудности и построит прекрасную жизнь. Еще в 1919 году в небольшом стихотворении «Завязь» поэт говорил:

Святое царство правды строится
В родимой стороне.
Незримой много силы кроется
В народной глубине! (Т. X, 5).

Запечатлевая первоначальный период строительства социализма в нашей стране, Д. Бедный писал:

Мы для фундамента лишь грунт ещё трамбуем
И подбираем лес на сруб.
(Т. III, 238. «Стружки»).

Крупные успехи на хозяйственно-экономическом фронте, рост культуры в стране рождали у поэта гордость и ликование. Он многообразно изображал советскую действительность этого периода. В обзоре «Депутатский почетный отчет» (1922) Д. Бедный радуется, что в Москве открыт трамвай — «425 вагонов в строе», работает круглый год водопровод и подает «по 13 миллионов ведер в сутки», «канализация заработала аккуратно», действуют бани: каждый день в Москве парится 160 тысяч! Уже осветили Москву, «с дровами дело идет на поправку», установлен контроль за хозяйчиками, чтобы они «на рабочих лапы не накладывали». Подобные произведения воспитывали читателей в духе жизнеутверждающего оптимизма.

Росло политическое сознание рабочих. Труженики фабрик и заводов самоотверженно восстанавливали производство, про социалистически относились к народному добру. Это новое отношение рабочих к государственной собственности Д. Бедный изобразил в стихотворении «Мой первомайский плакат» (I. V. 1923). В качестве эпиграфа поэт использовал сообщение из «Рабочей газеты» о том, что на Тульском заводе № 1 разбросан годный металл, части от машин и станков. Все это добро обречено на гибель в свалке. Новый хозяин — сознательные рабочие дают отпор расхитителям, бесхозяйственникам.

Вот, смотрите: у тульской свалки
Пролетарий душой скорбит.
.....
Место сыщет он каждой гайке,
Гвоздь к гвоздю отберет на подбор.
Вот — сказал бы я вражьей шайке, —
Вот где смертный тебе приговор!
Ясен жребий мне твой без гадалки.
Как понятна бессильная злость.
Каждый гвоздь, извлеченный из свалки,
Это в гроб твой — железный гвоздь! (Т. IX, 85)

В чем сила Советской республики? В высокой политической сознательности основной массы рабочих. Наши народнохозяйственные успехи, патриотизм и энтузиазм масс наносят смертельные удары по идеологии классовых врагов внутри страны и за ее рубежами. Вдохновенными стихами поэт поет славу тем, кто высоко сознательно, по-социалистически относится к труду, государственному имуществу, борется с недостатками, искренне желая их преодолеть.

Д. Бедный отлично знал жизнь рабочих, их дела, мечты и чаяния, часто посещал фабрики и заводы, выезжал на периферию. Он считал, что источником художественного творчества являются непосредственные жизненные впечатления, встречи с тружениками фабрик, заводов, полей, откровенные беседы с ними, искреннее желание оказать им помощь и поучиться у них. Непринужденно, предельно ясно, художественно выразительно поэт рассказал о героях труда 20-х годов в замечательном стихотворении «Тяга» (15. VI. 1924), которое И. В. Сталин в письме к Д. Бедному от 15 июля 1924 года очень удачно назвал «жемчужинкой»¹. Здесь поэт раскрыл противоречия и контрасты в жизни периода нэпа, с большой симпатией изобразил простого, скромного, честного рабочего — энтузиаста труда, человека высоко сознательного.

Приемом контраста Д. Бедный рисует два типа собраний — многолюдное, столичное и скромное, у вагона на вокзале Евпатории, на котором присутствует десятка два железнодорожников. Иронически поэт пишет о любителях долгих, торжественно-парадных собраний, где некоторые ораторы нередко произносят речи, состоящие из общих слов и штампов.

На эстраде — президиум солидный,
Ораторствует большевик видный,
Стенографистки его речь изувечивают,
Фотографы его лик увековечивают,
Журналисты ловят «интересные моменты»,
Гремя аплодисменты,
Под конец орут пять тысяч человек:
— Да здравствует наш вождь Имя-Рек!

(Т. 3, стр. 168).

Поэт с Имя-Реками не равняется: его тянет в народ, к простым рядовым рабочим. На таких собраниях, где избыток торжественности и славословия, по мысли автора, трудно выяснить подлинное положение вещей, настроение масс, условия их жизни.

Поэт стремится установить тесный контакт с живой действительностью, глубоко изучить положение народа.

Правдиво, без идеализации отражать жизнь — творческий девиз Д. Бедного. Его тянет в гущу повседневной жизни: «подслушать обрывок разговора, полюбоваться у остановки трамвайной

¹ И. В. Сталин, Сочинения, т. 6, стр. 275.

перебранкой случайной, уловить на улице меткое словцо, заглядеться на иное лицо, обшарить любопытным взглядом «пивную с садом». От зоркого глаза поэта ничто не ускользает.

Приехав в небольшой курортный городок Евпаторию, Д. Бедный первым делом идет к рабочим-железнодорожникам. Здесь, под открытым небом, на путях у вагона, без председательского звонка, начинается задушевная беседа поэта-большевика с рабочими. Обо всем говорили сердечно, «под конец про карман». Железнодорожники чистосердечно рассказали поэту о своем труде, о материальных недостатках. В центре внимания поэта — скромный труженик Емельян Димитренко — «служба тяги».

Праздник, не праздник — Емельян на пути.
«Емельян, подмети!»
Емельян подметает.
«Емельян, угля не хватает!»
Емельян кряхтит под кулем
С углем.

С Емельяна — пот ручьем, не росой,
На ногах ему соль разъедает мозоли,
Потому что — босой.

(Т. 3, стр. 171).

За свой тяжелый труд: «ему отдыха нет: не гуляй, не болей!» Емельян в месяц получает девять рублей. Материально Димитренко живет далеко не блестяще. За годы Советской власти выросло его политическое сознание: он трудится во имя процветания республики и свободного народа, сбросившего цепи капиталистического рабства. Перед читателем вырисовывается героический облик рабочего — патриота:

Димитренко — весь потный и черный, —
Он богат беспорный.
Любому Ротшильду, Форду
Он плюнет презрительно в морду.

(Там же).

Его щедрость достойна удивления: из своего небольшого заработка он отчисляет в МОПР, в Воздухофлот, Доброхим, «Долой неграмотность», кассу взаимопомощи, в общество охраны материнства и младенчества.

Д. Бедный не стыдился писать о наших трудностях, о недостатках, о нелегком материальном положении некоторых категорий рабочих. Но в стихотворении вы не найдете ни грамма пессимизма, нытья, напротив, жизнеутверждающее настроение пронизывает все произведение. На другой день поэт опять встретил Емельяна — «тот же потный и черный, но — приветливый, бодрый, проворный». Поэт и его герой верят, что жизнь станет лучше: ее построят сами рабочие под руководством Коммунистической партии. Исторический оптимизм, жизнерадостное чувство,

глубокая уверенность в том, что недостатки будут преодолены, — характернейшие особенности поэзии Д. Бедного.

«Тяга» — классический образец советской социально-политической лирики 20-х годов.

Образ положительного героя беззаветно преданного великим идеям пролетарской революции, энтузиаста строительства социализма, непримиримого борца против эксплуататоров, против всего косного Д. Бедный создает в ряде замечательных произведений: «В малом великое» (1922), «Памяти селькора Григория Малиновского» (1924), «Учительский съезд в 1925 году», «Клятва Зайнет» (1925), «Товарищ борода» (1926) и др.

Советская власть дала широкие возможности приобретать образование рабочим, трудовому крестьянству, чего не было и не могло быть при капитализме. Поэт взял из жизни один конкретный факт, в котором, как «солнце в малой капле вод» («В малом великое»), отразилось типическое, характерное, существенное в развитии страны — великая тяга народа к просвещению, к знаниям, к свету. Немолодой рабочий-печатник И. П. Константинов, обремененный большим семейством, при тяжелом материальном положении, окончил партшколу I и II ступени.

Он страстно желал овладеть знаниями, никакие препятствия не могли его остановить. До революции Константинов — забитый раб капитализма, ныне выпрямился, почувствовал себя подлинно свободным человеком. Для наших врагов он — только «обнаглевший хам», «разнузданный вандал». Для поэта-большевика Константинов — образ большой обобщающей силы, характеризующий стремление рабочего класса овладеть культурой, истинный защитник великих завоеваний Октября. Д. Бедный видит в рядовом рабочем Константинове истинного героя:

Сознанием классовым могуч,
Ты — исполин среди исполинов,
В твоих руках — к победам нашим ключ.
(Т. 3, стр. 77).

Всем нашим врагам: меньшевистским кликушам, белогвардейщине, нэпманам, мировой буржуазии —

Какой угрозою убийственно-наглядной
Является культурный подвиг твой!

(Там же).

Д. Бедный создает правдивый образ селькора, общественного пропагандиста ленинских идей — Григория Малиновского, загубленного кулаками, рисует героический образ узбечки Зайнет, нашедшей счастье в активном участии в строительстве новой социалистической жизни в Средней Азии.

В стихотворении «Товарищ борода», для которого использован материал из очерка «Студенты революции», опубликованном в харьковской газете «Коммунист» 10. III. 1926 года, поэт создает выразительный образ трудолюбивого скромного строителя

социализма, прошедшего суровую школу жизни. Д. Бедный показал, как идейно растет простой труженик в условиях Советской власти, как обогатился его духовный мир, с каким подъемом он участвует в строительстве социализма, какой радостью и счастьем наполнена его жизнь. Герою стихотворения сорок два года. «Он закалил свой ум и волю в тяжелой школе мучительной борьбы и черного труда». Десять лет был батраком у помещиков, другой десяток — «ремонтной клячею» на железной дороге, потом — «тюремный курс» за забастовки, участие в Февральской революции,

Потом «Октябрь», потом — как не считал мозолей,
Так не считал и ран — защита «Октябри»
От барских вырожденков, от Жапов и от Полей
И прочей сволочи, грозившей нам неволей.
(Т. 3, стр. 240).

В период мирного строительства социализма «Товарищ борода» — вузовец, овладевает знаниями, он твердый коммунист, защитник генеральной линии партии, оптимист, не боящийся трудностей. Он полон веры в мощь трудового народа и Коммунистической партии:

«Пускай там, кто сплошал, разводит навилонны
О страшных трудностях при нашей нищете
И не рассеянной в два счета темноте.
Да мы — то — те или не те?
Какой там пессимизм? Какие там уклоны?
Понятно, трудности. Нашли скулить о чем!
Да новое — гляди! — повсюду бьет ключом.
За гуж взялись-то миллионы!
(Т. 3, стр. 241).

Он — энтузиаст труда. Если бы ему осталось жить только месяц, сутки — не опустил бы рук: «Работе отдал бы последние минутки!».

В конце стихотворения Д. Бедный обращается к молодым поэтам с советом не искать «сверхмировых» сюжетов, а

Спуститесь, милые, туда,
Где подлинный герой — такой простой и скромный —
Свершает подвиг свой огромный,
Советский богатырь, «товарищ борода».
(Т. 3, стр. 242).

И ныне актуальнейшей темой для советской литературы является изображение героических дел простых людей. Н. С. Хрушев в своей речи на III съезде советских писателей 22 мая 1959 года призывал:

«Товарищи! Отражайте в своих произведениях великие дела, которые совершает народ, простые люди. Нужно, чтобы об этих людях знали, видели их лучше, чтобы они были примером для

всех, кто ведет борьбу под руководством Коммунистической партии за построение коммунистического общества»¹.

Гордость за свою великую страну, за успехи социалистического строительства звучит в стихотворении «Несокрушимая твердыня» (15. X. 1927), посвященном юбилейной сессии ЦИК СССР в связи с десятилетием Великой Октябрьской социалистической революции.

Замечательные достижения нашей страны радуют не только наших людей, но и многочисленных друзей за границей. К нам в 20-е годы приезжали рабочие зарубежных стран посмотреть, как мы живем, как строим социализм, как управляемся без помещиков и капиталистов. Есть что посмотреть, есть чему поучиться зарубежным друзьям.

Присматривается к нам пролетарский Разум
Любовным глазом,—
И нет перед ним никакого конфуза
У рабоче-крестьянского союза.—

(Т. XII, 162).

писал Д. Бедный в стихотворении «Путешествие Разума» (1927). Рабочий класс России смыл свое рабство, «свою темноту и немоту». Здесь же поэт давал отпор многочисленным клеветникам, которые всячески изощрялись в разного рода вздорных измышлениях на нашу страну. Д. Бедный призывает заграничных друзей, путешествующих по СССР, рассказать у себя дома правду о нашем государстве, ибо правда рассеивает вздор и нелепицы, распространяемые нашими врагами, чтобы опорочить величие наших дел, чтобы лишить уверенности мировой пролетариат в свое освобождение от цепей капитала, зародить в сознании рабочих сомнение, пессимизм, отчаяние.

Для построения социализма в нашей стране необходимо было создать основу социалистической экономики — тяжелую индустрию. Она должна обеспечить развитие всего народного хозяйства, перестроить сельское хозяйство на социалистический лад, развить легкую промышленность, поднять материальный уровень народной жизни, укрепить оборону страны.

Еще в сентябре 1917 года В. И. Ленин в статье «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» писал, что для России важнейшей проблемой является — догнать и перегнать наиболее развитые капиталистические страны в экономическом отношении.

«Погибнуть или на всех порах устремиться вперед. Так поставлен вопрос историей»².

Коммунистическая партия огромное внимание уделяла созданию материально-технической базы социализма.

¹ Н. С. Хрущев, Служение народу — высокое призвание советских писателей, М., 1959, Госполитиздат, стр. 32.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 25, стр. 338.

Д. Бедный, творчество которого с честью служило социалистической революции, включился в пропаганду усилий партии по созданию социалистической индустрии. Поэт горячо призывал к дальнейшему развитию техники, к изобретательству, к решительному улучшению качества работы, к дисциплине (цикл стихотворений «Приналяжем!», 1928—1929 гг.).

Его сатира высмеивала людей, равнодушных к реконструкции промышленности, головотяпов, покупавших за границей машины старых систем, так как они «подешевле». В фельетоне «Выместит!» (27. I. 1929) поэт резко критиковал подобных типов:

Кому суют — за деньги — хлам?
Или прохвостам иль ослам!
Пора уж — вывод сей отметим —
Скрутить хвосты и тем и этим!

Кто объявил себя однажды дураком,
Того отметить бы ослиным ярлыком,
Чтоб знали тресты все, правленья и заводы,
Что он — «убыточной породы»!

(Т. XV, 36—37).

Актуальными были для своего времени стихотворения «Перегнуть во что бы то ни стало» (1. II. 1929), «Догнать — перегнуть!» (17. II. 1929). В первом поэт в качестве эпиграфа приводит статистические данные о производстве автомобилей в США и СССР. В течение 1928 года в США произведено 4357384 автомобиля, в СССР 80000 автомобилей будет сделано в течение пятилетия (1929—1934). Цифры, как видим, разительны. И ныне наша страна еще отстает от США по производству автомобилей, но в ряде отраслей СССР идет впереди США.

Поэт писал, что отстали не мы, а те, «что правили до нас».

Наш путь: путь к жизни, иль к могиле.
Поймут рабочий с мужиком:
Или вперед в автомобиле,
Иль в кабалу назад — пешком!

(Т. XV, 38).

Д. Бедный был убежден в том, что наша страна догонит и перегонит в техническом отношении западноевропейские страны и США, он верил в неисчерпаемые творческие возможности свободного от эксплуатации народа:

Революционному творческому экстазу
Нету границ.
Революция движется не по паркету.
Труден путь, но должны мы упорно идти.
Другого пути
Нету!

(Т. XV, 40).

Ныне замечательные успехи советской науки признаны всем миром. В период революции наша страна была бедной, в ней было

много неграмотных, теперь она является страной, подготавливающей ежегодно почти в три раза больше инженеров, чем в США.

Д. Бедный зло высмеивал прогульщиков. Не обошлось без преувеличений: поэт ошибочно называл прогул истинно русским явлением, чуть ли ни национальной особенностью русских людей («Истинно — русское», 1929).

Д. Бедный призывал рабочих мобилизовать всю энергию на преодоление трудностей, на подъем производительности труда, на успешное строительство социализма. Этой теме посвящен политически острый фельетон «Спасительный сигнал» (5. III. 1929), в котором поэт объясняет, убеждает, призывает рабочих дать решительный отпор элементам, приносящим на производство рваческое отношение к народному хозяйству, а также тем, кто сеет панику, боится трудностей, которые были неизбежны в период грандиозной социалистической перестройки нашей промышленности, всего хозяйства, дать также отпор троцкистам, которые пытались противопоставить рабочий класс советскому государству; призывает рабочих участвовать в социалистическом соревновании, ведет борьбу против лодырей, всех злостных нарушителей трудовой дисциплины:

Нам лодыри наши — помеха,
Не помеха — беда,
Особливо, когда
Рушит всё разгильдяйство, попойка,
Там, где гнилая получилась прослойка,
Где мешает росту труда
Прогульщиков злостных орда!

(Т. XV, 45).

В фельетоне «Кто же мы?» (8. III. 1929) поэт писал о снижении себестоимости, о повышении производительности труда, пропагандировал лучший опыт в этом отношении, в частности, достижения завода «Красный выборжец», где началась успешная борьба с браком; гневно обличал нерадивое отношение к труду неосознательных рабочих, которые, чтобы не выходить на работу и получать деньги из страхкассы, наносили себе увечья, повреждения (впрыскивали под кожу керосин, делали ожоги рук серной кислотой...), призывал честно и добросовестно работать, апеллировал к классовому сознанию и гордости рабочих.

Но здесь же Д. Бедный допустил политическую ошибку, односторонне, изображая деревню дикой, косной, ленивой, пьяной. С раздражением он писал:

Деревня — тупая повитуха
Со своими припарками,
Свечными огарками,
С приговорами да заговорами,
С деревенскими вздорами,
С рабскою, вековой
Косностью трудовой.
С отлыниванием от работы
С понеделешка и до субботы...

С дикой пьянкой.
Злой перебранкой...
С потерей человеческого подобия,
С кляпченьем «способия»!

(Т. XV, 56).

Поэт, как видим, сгустил краски, распространил черты косности на все крестьянство.

И раньше в некоторых произведениях Д. Бедного встречались подобного рода ошибки. Показательно произведение «Слепые» (1918). На газетной вырезке со стихотворением рукой поэта написано: «Вл. Ильич разнес это стихотворение»¹. Оно было написано по поводу отступления наших войск под натиском белогвардейцев на одном из фронтов гражданской войны. Озлоблено поэт говорил:

Сермяжных воинов нестройная толпа,
Она — вне чести и позора,
Она — слепая!

Отступающие войска представлены поэтом как несознательная, политически отсталая, «спокойно — равнодушная» масса, мечтающая о том, как бы скорее разойтись по домам, она якобы безразлична к тому, кто победит: пролетариат или его враги.

Ее отрада вся — в нагруженных котомках,
Закабаленный дух отцов
Сказался рабскою отрыжкой в потомках:
За цели высшие здесь нет еще бойцов!

Идейное направление стихотворения оказалось политически ложным, за что и «разнес» его В. И. Ленин.

Тёмным, отсталым и косным выступает крестьянство и в повести «Мужики», 1919 г. (правда, в дальнейшем Д. Бедный переработал эту повесть).

Успехи рабочих вдохновляли Д. Бедного. С большим творческим подъемом он написал обозрение «Генеральная линия» (21. III. 1929), где рассказал о достижениях Каменской бумажной фабрики, которая долго слыла «старой калошей», жила «от починки до поломки». Вот эту фабрику рабочие сделали образцовой, приносящей государству доходы. Поэт поёт «славу» «ее рабочему составу». Совершенно иное положение было на Сясьском целлюлозно-бумажном комбинате. Завод строили вредительски, работа была из рук вон плохо организована, себестоимость продукции высокая, многие рабочие не являлись на работу, процветало пьянство, хулиганство. Поэт сатирически гневно бичует вредителей, нытиков, паникеров, лодырей, рва-

¹ Архив Д. Бедного. Институт Мировой Литературы (ИМЛИ) им. А. М. Горького, инв. № 1627.

чей, разгильдяев, призывает вести решительную борьбу со всеми теми, кто мешает нашему строительству.

«Нечисть», «моль»

Ленивая,
Блудливая,
Неторопливая,
Улестливо лицемерящая,
В наше строительство не верящая,
В канцеляриях трущаяся,
За дело берущаяся
Спустя рукава:
Кто в лес, кто по дрова

(Т. XV, 68).

подвергается общественному позору, обличению; поэт призывает

Верить в успех! И желать успеха.
Тогда будет дело — утеха...

(Т. XV, 69).

Обозрение имело большое значение: способствовало мобилизации рабочих на поднятие производительности труда, на решительное преодоление трудностей. Недоброжелатели Д. Бедного пытались высмеять это произведение.

Советская общественность была возмущена тем, что в журнале «Крокодил» (№ 34, 1929 г) появилась грубая карикатура на Д. Бедного. Автор обозрения «Генеральная линия» обвинялся в том, что якобы свои произведения создает при помощи ножниц и клея, используя много цитат из газет и других материалов. Редакция «Правды» выступила с критикой недостойной выходки «Крокодила». «Попытка высмеять один из самых боевых фельетонов Д. Бедного — «Генеральная линия» — отдает антибольшевистским духом. Те «чужие строки», которые, — якобы создавая фельетон только «ножницами», — привел в своем фельетоне т. Демьян, это — строки из знаменитого письма каменских рабочих, это — «голос пролетарского авангарда», как особо подчеркнул сам т. Демьян в подзаголовке фельетона. Как можно шире и целесообразнее использовать этот голос, эти «чужие строки», было предложено т. Демьяну Бедному непосредственно ЦК партии и самой редакцией «Правды». Д. Бедный исполнил задание ЦК и редакции с присущей ему быстротой и боевым пафосом, блестяще возглавил своим фельетоном кампанию против сяских вредителей. Вот какой «подвал» Д. Бедного стал в «Крокодиле» объектом ничем неоправдываемого зубоскальства, — говорилось в редакционной заметке газеты «Правда», от 17. IX. 1929 года.

Д. Бедного вдохновляли грандиозные перспективы развития народного хозяйства в первую пятилетку. 23. V 1929 г., в день, когда т. Кржижановский сделал доклад о первом пятилетнем плане на V съезде Советов СССР, поэт написал стихотворение «Бей!»,

в котором отражен энтузиазм, охвативший огромные массы тружеников — созидателей. Иначе воспринимали пятилетку враги нашей страны — мировой империализм и белоэмигранты. Иностранная печать публиковала клеветнические измышления о пятилетке, распространяла нелепые слухи о том, что наши планы нереальны. Поэт указывал на ничтожество клеветников, злопыхателей, которым всегда мерещился крах советской системы.

Приглядеться к ним: кастраты!
Ветошь, ржавчина и прах!
Глуноваты, слеповаты,
Знай, скрипят, как автоматы:
—«Кррр-рах!»
—«Гррр-рах!»
—«Хррр-рах!»

(Т. XIV, 70).

Д. Бедный вскрывает бешеную ненависть этих людей к коммунизму: «Им милее эшафот, чем представить жизнь — в коммуне». Капиталисты ненавидят пятилетку, ибо она — показатель быстрого роста могущества страны социализма.

Ясно что, врагов задело,
Почему, так лют их вой!
«Пятилетка» — вот в чем дело! —
Это тот же — В ногу! Смело! —
Бой!
Бой!
Бой!

(Т. XIV, 71).

Поэт посвящал стихотворения пуску новой домны («Тетке Домне Белорецкой», 1929), успехам рабочих Белорецкого металлургического завода («Только вперед!», 1929). Радовали поэта новые открытия отечественных ученых. Свое стихотворение «До атомов добрались» (25. XI. 1928) он закончил пророческими словами:

В науке пахнет тож кануном Октября!

(Т. XIV, 53).

Всю значительность этих слов можно оценить теперь, когда в нашей стране построены первые в мире атомные электростанции, ледокол «Ленин» на атомной энергии, когда наша космическая ракета достигла Луны.

Д. Бедный пристально присматривался, наблюдал, изучал жизнь крестьянства, видел ростки нового социалистического в быту деревни, своим творчеством боролся за их укрепление, агитировал за коллективные формы организации сельского хозяйства. Он призывал отбросить устаревшие способы ухода за землей, писал о необходимости внедрять в сельское хозяйство данные агрономии, культурно возделывать пашню («О земледельческом «Октябре», «Мои заклинания», 1922 г.). В выразительной басне «Хозяева честные» (1922) поэт рассказал легенду о

том, как бог, сжалившись над волками, дал им дойную корову и «жизнь у волков пошла с тех пор... не жизнь — малина!» Все волки хотели доить корову, но никто из них не желал ее кормить и поить: корова перестала давать молоко, еле держалась на ногах. Тогда волки начали рвать куски мяса. Обращайтесь к Никитам, Федорам, Вавилам и Панкратам, поэт призывал их культурию, а не хищнически относиться к земле:

Кто эта вечная кормилица — корова?
То наша общая кормилица — земля.
Что ж привело ее в такое истощенье?
А ваше «волчье обращенье»!

(Т. VI, 252).

Новое, советское быстро проникало в деревню. Даже в самых глухих уголках появились истинные энтузиасты, пропагандисты и агитаторы социалистических идей, верные помощники Коммунистической партии в строительстве социализма.

Д. Бедный рисует образ политически сознательной крестьянки, энтузиастки просвещения деревни Марии Голошубовой («Мария Голошубова», 1923). В ее родной деревне была «ночь и темнь без просвета», мужики пьянствовали: «Не учены, сла те боже! Нам книжонки ни к чему!» Мария первая выписала газету «Беднота», начала борьбу против косности, невежества, пьянства, кулацкого воя,

Наседала, добивалась
И добилась своего

(Т. 3, стр. 127).

Началась подписка на «Бедноту». Газета воспитывала крестьян, учила их культурным способам ведения хозяйства. Под влиянием газеты исчезали многовековые религиозные предрассудки.

Сеешь хлеб — гляди не в святцы,
А в газету «Бедноту»!

(Т. 3, стр. 128).

Социалистическая перестройка деревни — тема повести «Кострома» (17. VI. 1923). Поэт был приглашен на открытие электростанции, построенной силами крестьян, в деревне Шунге Костромской губернии. Открытие небольшой электростанции в деревенской глуши — начало великих дел по преобразованию всей экономики страны. Сам по себе этот факт имел чрезвычайно большой исторический смысл. Здесь, говорит поэт, нет чуда,

А лишь зерно размера малого,
Но зерно — чуда небывалого,
Чуда такого,
Что описать его толково,
Каким оно будет, достигнув зрелости,
Ни у кого не хватит смелости.
Может, это только по плечу
Одному Ильичу...

(Т. 3, стр. 152).

Несколькими штрихами поэт рисует образ героя труда, инициатора стройки—Стругова, человека, вдохновлявшего других на самоотверженный труд по перестройке деревни. Народ поддержал смелую инициативу Стругова. Работали дружно, с «огоньком»:

Сказали: да будет свет!
И вот: свет!

(Т. 3, стр. 154).

В соседнем селе Минском крестьяне организовали товарищество по совместной обработке земли, засеяли землю отборным зерном, приобрели новые машины — «урожаю надбавка, «сохе-матушке» — отставка!» Собрали хороший урожай, вовремя сдали продналог. При большом стечении народа из окрестных деревень крестьяне с. Минского совершили обряд расставания с «матушкой-сохой» — символом бедности крестьян. За старой сохой шел, согнувшись, ряженный дед Хренов, «седой комсомолец из деревни Подолец».

Завязив свою соху умышленно в грязь,
Дед ее топором сразу хрясь!
Хрясь!
«Вот те, старая ты! Разледающая!
Соха — матушка ты распронная!
Это ты мужиков превращала в калек!
Это ты меня гнула к земле весь мой век!
Это ты меня по миру даве пустила!
Это ты подвела мне живот!
Это ты, это ты мне мой горб нарастила!
Ну, так вот тебе! Вот!
Хрясь! Хрясь! Хрясь!»

(Т. 3, стр. 156—157).

Повесть «Кострома» отразила пафос социалистического строительства в деревне. Летом 1923 года по инициативе В. И. Ленина в Москве была организована сельскохозяйственная выставка: выросло много павильонов, представлен был богатый набор экспонатов. Она содействовала перестройке сельского хозяйства на социалистических началах, сыграла большую роль в повышении интереса крестьян к агрономической культуре. В октябре 1923 г. В. И. Ленин посетил Первую сельскохозяйственную выставку. Открытию выставки Д. Бедный посвятил стихотворение «Пролом в грядущее», в котором славил наши достижения, самоотверженный труд крестьян:

Народ, поставивши крест на былом,
В грядущее сделал пролом!

(Т. X, 46).

Поэт воздает должное проворству, железному упорству, изобретательству, скромности тружеников. Обращаясь к мировому империализму, Д. Бедный восклицает:

Вражья свора, гляди!
То ли будет еще вперед!

(Т. X, 47).

Поэт заглядывал далеко вперед, в завтра нашего государства. Его взору открывалась грандиозная перспектива могучего развития народного хозяйства социалистической страны, улучшения материальной жизни народа.

А как загадаешь вперед
Прямо оторопь берет:
При всей нашей осторожности
Открываются такие возможности,
Такой хозяйственный расцвет,
Что у меня и слов подходящих нет,
Чтоб расписать все хоть приблизительно.
Вот до чего все будет поразительно,—

(Т. X, 50)

писал он в стихотворении «Предвыборные речи» (1923).

В начале 20-х годов наблюдалось резкое расхождение между ценами на промышленные товары и на продукты сельского хозяйства, образовались, как тогда говорили, «ножницы». На эту, для того времени злободневную тему, Д. Бедный написал «Былину о могучем богатыре Тресте Синдикатовиче и о Микуле Самогоновиче» (2. XII. 1923). Эпиграфом поэт взял сообщение из газеты: «... в некоторых местах покупка в городе пары сапог обходится крестьянину в 80 пудов хлеба. Восьмидесятипудовые сапоги крестьянин оказался не в силах покупать». У молодого богатыря Треста Синдикатовича от товара склады ломаются, а цвет на товар покупателя. «Дружинушка хоробрая» из агентов, контрагентов и посредников устремляется в деревню в поисках покупателя. Издали слышится голос мужика. Оказалось — на дороге стоит крестьянин, на ногах у него «городские сапоги, новокупленные», мужичок не может поднять ногу:

«Сапоги эти самые новые
По цене по ржаной — стопудовые!
Мне не то, что пахать в них, крестьянствовать,
В них, проклятых, мне с места не сдвинуться!»¹

Яркая гипербола, использованная поэтом в фельетоне, убеждала читателя, что крестьянину недоступны промышленные товары. Советская власть занята думой, как помочь крестьянству, «как мужика к городу приблизить», укрепить смычку города с деревней, удешевить промышленные товары, сжать проклятые «ножницы»,

Чтоб почувствовал мужик облегчение,
Чтобы он покупал сапоги — скороходы,
Не платя за них ржи две подводы!²

К восьмой годовщине Великого Октября в «Правде» появилось замечательное стихотворение Д. Бедного «Разгадка» (1925).

¹ Д. Бедный, «Хрюкающий нэп», ГИЗ, М.—Л., 1926, стр. 30—31.

² Там же, стр. 35.

Враги Советского государства настойчиво пытались разрешить мудреную задачу:

Когда же рухнет он, проклятый новый строй?
Чем объяснить его проклятую живучесть?
(Т. 3, стр. 231).

Поэт объяснил, в чем сила и непобедимость нашей страны. Только при Советской власти расправилась «душа» народная. Мечты, чаяния, надежды народные, нашедшие отражение в изумительно поэтическом устном творчестве, в стране социалистической стройки начали с успехом претворяться в действительность. До пролетарской революции народ мечтал о лучшей жизни:

Он душу отводил в побаске, в сказке устной,
С искусством гения зашифровавши в ней
Мечты о красоте грядущих светлых дней.
(Там же).

Живя в невыносимых условиях материальной нищеты и рабочего бесправия, народ создал высокохудожественные образы жар-птицы, дубинки-самобоя, ковра-самолета, скатерти-самобранки, гуслей-самогудов, шапки-невидимки... Только в нашу советскую эпоху прежние мечты народа воплощаются в жизнь.

«Свет электрический — чем не твоя жар-птица?»

Все наши города, посадки, деревушки,
До самой худенькой избушки и клетушки,
Не брезгуя ничем, ни хлевом, ни жильём,
Мы электричеством зальём!

(Т. 3, стр. 233).

Волшебная дубина-самобой — непобедимая Красная Армия, фантастический ковер-самолет, стальные журавли — «наши чудо-самолеты!». В деревне появилось радио — «то наши гусли-самогуды». Крестьяне превращают землю в скатерть-самобранку. В древних сказках Ивашка бредил дворцами. Рабоче-крестьянское правительство передало под крестьянский санаторий бывший царский дворец в Ливадии. Идеологи дворян и буржуазии не смогли разгадать души крестьянина, твердили: «душа народная — потемки». Разгадка пришла в Октябре. Свободный народ стал хозяином своего счастья, вековые мечты превратились в явь.

Сопоставляя образы народно-поэтического творчества с реальной действительностью, поэт утверждал социалистический строй жизни, который несет человеку истинное счастье.

В бытовых зарисовках «Шефы в деревне» (1927) Д. Бедный показал, как в 20-е годы креп союз рабочих и крестьян, как проводился в жизнь лозунг партии «лицом к деревне», показал культурный рост деревни, тягу крестьянской молодежи к учебе, классовую борьбу, ненависть кулаков к Советской власти, неодолимый рост нового.

Для Д. Бедного, как и для В. Маяковского, не было незначительных тем. Совершенно неслучайно Маяковский заявил: «Несмотря на поэтическое улюлюканье, считаю «Нигде, кроме, как в Моссельпроме» поэзией самой высокой квалификации»¹. Всё, имеющее значение для народа, для государства, может быть темой для поэтического творчества. Животноводство. С точки зрения буржуазной эстетики эта тема неподходящая для поэзии, она не может вдохновить поэта. Иначе рассуждал Д. Бедный. Стихотворение «Еще одна вежа» (1929) он посвятил V съезду зоотехников. Поэт упрекает печать, которая часто много кричит о театральных горе-постановках, но слабо освещает работу подобных съездов. Д. Бедный не считал чем-то зазорным писать о проблемах животноводства.

В стихах воспевать вот этикие темы?
Писать не о философе Бэконе,
А о соленой свинине, бэконе?

К лицу ль, хоть какому, поэту
Писать про свинью, про корову, овцу?
К лицу!
Тонкоплюям противно, а мне не противно.
Демонстративно —
Жаль, что времени нет
Написать сладкозвонный, «бэконный» сонет! —
Зоотехникам нашим посылаю привет.

(Т. XIV, 61).

Поэт называет труд зоотехников героическим, призывает улучшить породы скота, преодолеть большую отсталость нашего животноводства. Радость охватывает Д. Бедного, когда он видит, как быстро механизмуется сельское хозяйство, поднимается урожайность полей. В стихотворении «Гиганты» (1929) Д. Бедный критикует тех поэтов-нытиков, которые все еще продолжают доказывать, что старая дореволюционная жизнь была хорошей. Путь подобных субъектов поэт противопоставляет героический труд рабочих из совхоза «Гигант». Примечателен образ рабочего Каширина, который героически преодолевает трудности:

Вот как тяжело порою!
Но не выйдет Каширин из строю!
Он горд и упорен. Его вы не троньте!
Он — на фронте!

(Т. XV, 85).

Каширины добились победы на фронтах гражданской войны, укрепили Советскую власть, они добьются замечательных успехов в строительстве социалистического хозяйства.

Поражение возможно ль, где в битву идут
Вот такие, как твердый Каширин, гиганты?!

(Там же)

¹ В. В. Маяковский, Полн. собр. соч. в 12 томах, Гослитиздат, 1939—1949, т. 12 стр. 28.

С уверенностью в непобедимости нашего дела заявляет поэт. Всесоюзному съезду ударников Д. Бедный посвятил стихотворение «В первую голову» (5. XII. 1929), в котором убедительно призывал мужественных строителей новой жизни повышать культуру труда, всемерно прививать нормы коммунистической морали, учил работать и жить по-социалистически:

Я в руки беру не арфу Эолу.
А трубу и готов надорваться, трубя:
Товарищи, в первую голову,
В первую голову
Переделать нам нужно себя!

(Т. XVII, 57).

В 20-е годы Д. Бедный в острых политических фельетонах («Чья правда — правдистее?», «К шапочному разбору», «Всему бывает конец», «Взвод», «Дымовка». Письмо «селькора» из «Белого коридора», «Барин с тросточкой», «Похоронный обряд или оппозицию учить — что мертвого лечить», «Ясность — прежде всего» и многих других) вел непримиримую борьбу против троцкистов, защищая генеральную линию партии. Поэт подвергал также резкой критике правых оппортунистов и буржуазных националистов. Тем самым поэт оказал большую помощь партии в борьбе с врагами ленинизма. Претворение в жизнь великих ленинских предначертаний Д. Бедный связывал с кипучей деятельностью нашей рабоче-крестьянской молодежи. В стихотворении «Черта с два!» (28. X. 1928), написанном к десятилетию Всесоюзного Ленинского комсомола, поэт с большим проникновением писал о нашей замечательной молодежи, которая завершит строительство социализма:

Певец иного поколенья,
С немой радостью порой
Гляжу я, полный умиленья,
На комсомольский бодрый строй.
Враги хотят нас сжить со свету.
А комсомольская братва?!
Глядите, сила какова!
И у меня тревоги нету.
Чтоб уничтожить силу эту?
Н-ну, черта с два!!

(Т. 3, стр. 320).

Поэзия Д. Бедного теснейшим образом связана с устным народным творчеством. Поэт с большим интересом изучал народное творчество, глубоко его знал, использовал лучшие образцы фольклора в своей поэзии, горячо призывал черпать из неиссякаемого источника народной мудрости.

На всесоюзном совещании пролетарских писателей 6 января 1925 года Д. Бедный говорил:

«Народ сам — великий творец, сам он — глубокий выразитель своих раздумий, сам он — коллективный создатель гениальных

песен. Подойдите к нему с уважением, слушайте его любовно и внесите воспринятое от него с благодарностью. И тогда вы сами за свои песни будете иметь народную любовь, уважение и благодарность»¹.

Д. Бедный указывал на необходимость для писателя овладеть богатством народного языка. «Умейте же говорить с народом его живым языком, прислушивайтесь сами к его живой речи и у него, у кого было мало слов, а «горя реченька, горя реченька бездонная», поучитесь «режиму словесной экономии». В малое количество слов народ умел вливать все свои упования, все свои скорби, все горе неизбывное»², — учил поэт рабселькоров в своей речи на Третьем Всесоюзном совещании рабселькоров в мае 1926 года. У писателей, по словам Д. Бедного, «должен быть голос, доходящий до читательского сердца. Вы должны «петь» так, чтобы сердце рабочего и крестьянина перед вами раскрывалось»³. Именно таким голосом обладал Д. Бедный. Поэт творчески перерабатывал мотивы народных песен, создавал новые песни социально-политического звучания. Д. Бедный в период гражданской войны и в 20-е годы переосмысливал старинные казачьи, народные лирические, хороводные, плясовые, шуточные песни. Некоторые свои песни «Коммунистическая марсельеза», «Красная винтовка», «Путеводная звезда», «Песня труда» и др. поэт создавал в традициях революционных рабочих песен конца XIX начала XX века.

Самой популярной песней Д. Бедного периода гражданской войны и начала 20-х годов являлась песня «Проводы» («Беднота», 15. XII. 1918), музыку к тексту которой позже, в 1922 году, создал композитор Д. С. Васильев-Буглай. Эта песня стала народной по бытованию. Для своей песни Д. Бедный использовал мелодию известной украинской народной песни «Ой, що ж це за шум учинився»... Песня Д. Бедного «Нас побить, побить хотели» (1929) по форме очень близка народной частушке:

Нас побить, побить хотели,
Побить собиралися,
А мы сами, атаманы,
Того дождался.

Творчество Д. Бедного 20-х годов богато пословицами, поговорками, меткими изречениями, выражающими народную мудрость. Приведем несколько примеров: «Лиха беда — начало», «Укатали Сивку крутые горки», «Молодость пьяна без вина», «Назвался груздем, полезай в кузов», «Наша хата, дескать, с краю», «Наше дело — сторона», «Худ приплод в высокосный год», «Касьян на что ни взглянет, все вянет», «Правдивый язык —

¹ Газ. «Правда», 1925, 15 января.

² Газ. «Правда», 1926, 30 мая.

³ Речь Д. Бедного на Всесоюзном совещании пролетарских писателей 6. I. 1925 г., «Правда», 1925, 15 января.

ядовитое жало», «На зеркало неча пенять», «Без труда нет плода», «Работа и мучит, и кормит, и учит», «Хлеб да квас, так все у нас», «На всех святых пива не наварисься», «Гули да гули, ан в лапти и обули», «Богат Ермошка, есть собака да кошка», «Богат Евтух, есть дух да петух», «Лежа на боку, не выработать и понюшки табаку», «Дорога ложка к обеду», «Неча наводить тень на светлый день», «Своя рубаша к телу ближе», «На тебе, убоже, что нам не гоже», «Либо пан, либо пропал!», «Все хорошо, что хорошо кончается!», «Бабушка на двое сказала», «Чьим умом живешь, того и песенку поешь», «На хитрости уйдешь далеко, да назад не воротишься», «Это, братцы, только цветочки, а ягодки будут впереди!», «Денег куры не клюют», «Поповское семя — живучее», «На чужой каравай рта не разевай», «Бедному одеться — подпоясаться» и др. По образцу народных пословиц и поговорок Д. Бедный создавал новые пословицы, афоризмы. Так, в его произведениях 20-х годов находим ряд афористических выражений: «Ни хлеб, ни одёжа не добываются лёжа», «Но пройди по всему свету, — лежачего хлеба нигде нету», «Глупость — сестра вечности», «Глупость многолика до бесконечности», «Две копейки расход, а пользы на год», «У хорошего стихотворения нет хорошего повторения», «Сеешь хлеб — гляди не в святцы, а в газету «Бедноту», «Прогул — энергии утечка, отрада пьяниц и нерях», «Прогул! Пристяжка к славной «тройке»: авось, небось да как-нибудь», «Пьянка — всех зол средоточие», «Трутням — праздник и по будням!», «Фомка с Еремкой — приятели, пьяные соревнователи», «Водка — кулацкая сила», «Пьяное море — народное горе», «Стаканчики да рюмочки доведут до сумочки, шкалики да косушечки доведут до плетушечки», «Дети — цветы земли», «Чтоб не умолкло пролетарское слово! Чтоб гремела большевистская речь!» и др.

В многочисленных фельетонах, агитационных повестях и отдельных стихотворениях 20-х годов Д. Бедный использовал тонический, сказовый, раёшный стихотворный строй. Стиховой опорой здесь являются концевые созвучия — рифмы мужские, женские, дактилические. В свое время раешным стихом пользовался А. С. Пушкин в «Сказке о попе и о работнике его Балде». Д. Бедный использовал первый раз такой стих в своей «Сказке о батраке Балде и о страшном суде» («Правда», 6. XI. 1918 г.). Д. Бедный был очень высокого мнения о народном раешном стихотворном строе и критиковал тех литераторов, которые пренебрежительно относились к этой форме стиха. В беседе с молодыми писателями 25 февраля 1931 года поэт говорил: «О стихотворном размере, которым я частенько пишу, говорят некоторые «знатоки», что это ни стихи, ни проза, а так — раешная скороговорка. Я эту скороговорку, столь пренебрегаемую литературными барами, но почему-то особенно любимую народом, вывожу умышленно на первое место. Довольно уже ее подержали в чер-

ном теле! Один только Пушкин гениальным чутьем уловил ритм и динамику размера, которым он написал знаменитую «Сказку о попе и о работнике его Балде»... Но не всякий может писать тем размером, каким написана сказка о Балде. Тут Пушкин, несомненно, был близок к разгадке нашей народной ритмики. Я думаю, что именно здесь выкристаллизуются ритмы будущего. Размером сказки о Балде мог только Пушкин так уверенно писать. Труднейший размер... Вся сила в последних, рифмующих, ударных словах. А перед этим легкая народная скороговорка. Возможностей у такого стиха не исчислить. Наши словесники до сих пор не сумели разобраться в этом стихе, уловить законы ритмические, ему одному присущие»¹.

Д. Бедный пользовался также ямбом, хореем, анапестом, дактилем, амфибрахием. Встречаются у него произведения, написанные александрийским стихом («Несокрушимая твердыня» и др.).

Поражает жанровое разнообразие творчества Д. Бедного 20-х годов. Он писал: повести, песни, басни, эпиграммы, частушки, пародийные ноты-послания, обозрения, шутки... Самым излюбленным жанром поэта был стихотворный фельетон на злободневные темы внутренней и внешней политики, боевой, агитационно-пропагандистский, славящий наши достижения, бичующий врагов социализма, прививающий читателям высокие нормы коммунистической морали.

Произведения Д. Бедного написаны живым, выразительным, ярким, простым народным языком. О стиле и языке своих стихотворений поэт справедливо писал:

Держась формы четкой, строгой,
С народным говором в ладу,
Иду проторенной дорогой,
Речь всем доступную веду.
Прост мой язык, и мысли тоже:
В них нет заумной новизны,—
Как чистый ключ в кремнистом ложе.
Они прозрачны и ясны.
(Т. 3, стр. 175, «Вперед и выше!» 1924 г.).

Встречаются в произведениях Д. Бедного и вульгаризмы, вроде: «скосивши буркалы», «не соплю утирать рукавом», «Ехте-дритта!», «талдычить», «писал с башкой обалделою» и т. д., которые, конечно, не могут украшать его поэзию. Некоторые фельетоны поэта страдают длиннотами, многословием, в них он чрезмерно цитировал различные источники (временами без особой нужды), тем самым превращая произведение в своеобразный монтаж.

Лучшие произведения Демьяна Бедного 20-х годов являются образцами революционной, социалистической, истинно-народной

¹ Демьян Бедный, «Вперед и выше!». Профиздат, М., 1933, стр. 31—32.

поэзии, воспитывают читателей в духе советского патриотизма, интернационализма, гуманизма, прививают им нормы коммунистической морали*. Поэзия Д. Бедного 20-х годов утверждала принципы социалистического реализма в нашей литературе. Она служила великому делу построения социализма в нашей стране.

* Об исключительной популярности поэзии Д. Бедного в 20-е годы писал М. И. Слуховский в исследовании «Книга и деревня» (ГИЗ, М., Л., 1928). «Особое место занимает Бедный. Успех его — потрясающий. Знакомься с деревенскими отзывами, постигаешь, какую исключительную силу может иметь умело преподнесенная агитация»... Далее автор приводит отзывы крестьян на «Избранные басни» Д. Бедного (изд. «Крестьянской газеты М., 1926): «Читал вслух на посиделках молодежи. Очень понравились, читал крестьянам, слушали с интересом: «Ай да Демьян, ловко шпарит, куда тут Крылову!»... «Он — наш поэт. Вся деревня живет его мыслью, песней, которые ежедневно льются по деревне»... «Прочитал с большим удовольствием. Хлестко, остроумно и правдиво высмеивает автор все непорядки в нашем мужицком быту. Здорово, видать, он знает деревню!», «...Ни один не сказал о ней что-либо в худшую сторону... Все грамотные ее берут и с большой охотой, а неграмотные слушают с большим увлечением»... (М. И. Слуховский, «Книга и деревня», стр. 112—113).

И. П. БОРОДИН

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ ЛИРИЧЕСКОГО ГЕРОЯ В ТРИЛОГИИ К. ПАУСТОВСКОГО «ПОВЕСТЬ О ЖИЗНИ»

(«Далекie годы», «Беспокойная юность»,
«Начало неведомого века»)

К. Паустовский, один из старейших советских писателей, на протяжении многолетней литературной деятельности написал сотни художественных произведений. В критической литературе¹ справедливо отмечается, что изучение наиболее значительных из них дает основания утверждать: основной мотив повестей и рассказов К. Паустовского — это мотив любви к человеку и родине, к богатой и разнообразной природе родной страны.

Проза его глубоко поэтична.

«Все, к чему ни прикасалось его перо, оказывается вовлеченным в атмосферу необыкновенно нежного лиризма, дышащего верой в хорошее, преисполненного доверия и любви к человеку»².

И глубокий лиризм, и романтически-светлая окраска художественных произведений К. Паустовского связаны с личностью лирического героя-романтика, беспокойного и любознательного человека. В ранних рассказах и повестях³ лирический герой выступает романтиком-мечтателем, его привлекает книжная экзотика дальних стран и путешествий. В других⁴ — это юноша, начинающий понимать, что романтически-прекрасное может иметь место и в окружающей его действительности; наконец, в наиболее зрелых произведениях⁵ — это герой, осознавший ту истину, что высший идеал прекрасного — в человеке-творце, труженике, ставшем хозяином родной земли.

¹ А. Эрлих, «Рассказы Паустовского», «Красная повесть», № 4, 1938, стр. 185—197. С. Львов, «Константин Паустовский», критико-биографический очерк, Детгиз, Москва, 1956.

² К. Зелинский, Вступительная статья к книге К. Паустовского «Повести и рассказы», издание «Московский рабочий», 1953, стр. 321.

³ См. «Блестящие облака», «Романтики» и др.

⁴ См. Повесть «Повесть о лесах», «Черное море» и др.

⁵ «Кара — бугаз», «Колхида», «Рождение моря» и др.

Вот почему в решении проблемы лирического героя — ключ к исследованию важнейших идейно-тематических, стилевых особенностей творчества писателя.

В трилогии «Повесть о жизни» как бы подводятся своеобразный итог о формировании взглядов, идей лирического героя, начиная с раннего детства и кончая годами человеческой зрелости. В ней показано, как шел к признанию революции рядовой интеллигент, выросший и воспитанный в либерально-демократической среде, далекой от понимания тех общественных сдвигов и классовых битв, которыми ознаменовалось начало XX века. Мысли и чувства, вкусы и симпатии лирического героя, от имени которого ведется повествование, его горизонт видения мира сказываются и на объекте изображения, и на характере его освещения. Здесь имеет значение, какие факты и события отбираются им в действительности, в какой мере меняется характер отбора в зависимости от изменившегося мировоззрения, от содержания его романтического идеала.

Понять, в каком направлении шел сложный процесс в определении положительного идеала главного героя-романтика, значит вплотную подойти к освещению основных проблем повести. И в первую очередь к решению вопроса об идейной значимости произведения; об особенностях его композиции и специфике жанра; о своеобразии художественных приемов и необычной эмоциональной настроенности поэтического языка.

В настоящей статье не ставится задача исследовать все названные проблемы. Цели ее гораздо скромнее: на материале трилогии «Повесть о жизни» проследить, как формировался характер романтического героя, под влиянием каких событий, в каких условиях и какими путями шло становление его положительного идеала; и как изменившееся мировоззрение сказывалось на полноте и глубине восприятия жизненных явлений.

Герой ранних произведений Константина Паустовского — это романтик, для которого светлые, возвышенные идеалы мыслятся вне связи с реальной действительностью¹. Об одном из ранних рассказов К. Паустовского «Белые облака» С. Львов пишет:

«...рассказ продиктован убеждением, что повседневная, окружающая жизнь, простые невыдуманные люди лишены поэзии, что поэзия присуща лишь далеким неведомым странам и загадочным искателям приключений...»².

В первой части трилогии, в повести «Далекие годы», впечатлительный мальчик, мечтающий об океанских даях и кораблях, совершающих необыкновенные рейсы под тропиками южных широт, не может прельщаться картинами будничной жизни.

¹ См. С. М. Роскин, «Путешествие из страны Грина». «Литературный критик», № 5, 1938, стр. 167--168.

² С. Львов, «К. Паустовский». Критико-биографический очерк, ДЕТГИЗ, 1956, стр. 16.

Свой идеал он видит в стройном, красивом гардемарине, юноше в форме морского училища. Для юного героя, проживающего в «сухопутном» Киеве, в нем сосредоточились все мечты о прекрасном. Гардемарин воспринимается им как

«...пришелец из далекого легендарного мира крылатых кораблей, фрегата «Паллада», из мира всех океанов, морей... всех ветров и всех очарований...»¹.

В дяде Юзе², с именем которого связаны необыкновенные путешествия и события, юного героя привлекают, разумеется, чудесные «шарики из бузины», рассказы о древнем Пекине и далекой Аляске. Но образ дяди, выражающий непримиримость к мещански-постылой, будничной жизни, возбуждает его интерес и своими беспокойными, тревожными поисками достойного дела, своими благородными поступками. И не случайно с такой теплотой рассказано об уходе дяди Юзи добровольцем к бурам, сражающимся за независимость; о том, как в годы революции 1905 года он совершает поступок, достойный истинного восхищения. Дядя Юзя пробирается к восставшим саперам и помогает им открыть прицельный огонь по крепостным фортам и наступающим казакам.

Правда, этот поступок не явился результатом спокойно принятого решения и не был следствием точно определившихся идейных воззрений. Это — романтический порыв, кратковременный и случайный, свидетельствующий об известных склонностях, качествах характера, но не больше. И мальчика он привлекает, надо полагать, именно своей необычностью, высоким, красивым порывом. И тем не менее этот эпизод в какой-то мере может служить свидетельством: сделан первый шаг к пониманию того, что прекрасное может иметь место и в «безусловной и суровой»³ действительности.

О новых деталях, характеризующих новые оттенки в мыслях и умонастроениях юного героя, можно узнать в главах, посвященных Киевской гимназии и ее обитателям⁴. Запоминаются отрицательные типы ограниченных администраторов, учителей — чиновников. Но не эти люди вызывают к себе интерес мальчика. Они никак не могли соответствовать его возвышенным романтическим идеалам.

Учитель географии Черпунов, старый, физически слабый человек, также мало подходит к роли традиционного романтического героя. И то, что он выделяется из многочисленного коллектива преподавателей, что ему посвящены душевные слова,

¹ К. Паустовский, Собр. соч. в шести томах, т. III, ГИХЛ, М., 1957—1958, стр. 74. В дальнейшем текстуальные примеры даются по указанному изданию.

² Там же, стр. 48—55.

³ С. Львов, К. Паустовский, Крпико-биографический очерк. ДЕГГИЗ, М., 1956, стр. 16.

⁴ См. К. Паустовский, т. III, стр. 98, 189, 197, 203.

имеет свои причины. На уроки географии Черпунов приносил бутылки, в которых «была вода из Волги, Рейна, Темзы, озера Мичиган, Мертвого моря и Амазонки»¹. Бесконечно влюбленный в свое дело, учитель сопровождал объяснения необычными примерами и иллюстрациями, давал возможность зримо представить новые страны, моря и континенты. И еще. В комнате Черпунова, напоминающей своеобразный музей, на почетном месте висел портрет художавого человека — Миклухо-Маклая, выдающегося ученого — гуманиста. Черпунов говорит: «Ты знаешь, кто это? Один из лучших русских людей. Путешественник Миклухо-Маклай... Он был великий ученый и верил в добрую волю людей. Он жил один среди людоедов на Новой Гвинее. Безоружный, умирающий от лихорадки. Но он сумел сделать столько добра дикарям и проявить столько терпения, что когда за ним пришел наш корвет «Изумруд», чтобы увезти его в Россию, толпы дикарей плакали на берегу, чтобы увести его в Россию, толпы дикарей протягивали к корвету руки и кричали: «Маклай, Маклай!»².

Черпунов — слабый человек, он потерпел крушение в личной жизни, он не совершил подвига Миклухо-Маклая, он не борется с социальным злом даже в отвлеченно романтическом плане. И все же не вызывает сомнения, что Черпунов поражает мальчика не только экзотическими атрибутами своей обстановки. Юный герой сумел заметить в нем любовное отношение к детям и творческий подход к своему скромному труду. Он смог увидеть под внешней оболочкой чудака-учителя прекрасного, сердечного человека.

И в дальнейшем формирование идейно-эстетических воззрений лирического героя развивается крайне медленно. Читатель получает возможность с большей точностью определить те явления общественной и политической жизни, которые вызывают осуждение повествователя. Его же положительные идеалы долгое время остаются неопределенно-расплывчатыми, неясными.

Вот в Киевскую гимназию приезжает сербский король. Отрицательное отношение к нему юноши-гимназиста объясняется тем, что он стал королем в результате «кровавого дворцового переворота и потворствовал порабощению балканских народов Австрией»³.

И гимназисты по-своему выразили пренебрежительное отношение к коронованной «особе». Как только король вошел в проход между синими гимназическими мундирами, мы дружно и весь голос грянули: «Жулье!» Это было похоже на «живию». Мы повторяли этот крик несколько раз. Он гремел в «седых стенах гимназии»⁴.

¹ К. Паустовский, т. III, стр. 98.

² Там же, стр. 102.

³ Там же, стр. 204.

⁴ Там же, стр. 206.

Заслуживает внимания и другой эпизод. Посещение гимназии царем Николаем II. Отношение мальчика-гимназиста к царю и его семейству определяется уже и тем, с какими подробностями и деталями описано это событие. Николай II, полковник, в упор посмотрел на гимназистов «светлыми, выпуклыми глазами»¹. Следом за ним «вошла, кивая, очень высокая сухая женщина в белом **твердом** платье, с огромной шляпой на голове... Лицо у женщины было **мертвое**, красивое и злое. Это была императрица. За ней гуськом шли девочки с тонкими **бескровными** губами, в **таких же твердых** белых платьях. Платья эти не **гнулись**»². (Подчеркнуто мною — И. Б.).

Сатирический характер описания невольно заставляет вспомнить образы другого царя и царицы, резко высмеянные Т. Г. Шевченко в его поэме «Сон». Бесцветные выпуклые глаза царя, «мертвое» лицо царицы, «бескровные» губы княжен — вот детали, подчеркивающие бездушные, мертвящую, злую силу этих людей.

Проходят годы. Окончена гимназия. Получен аттестат зрелости. Этим завершаются страницы повести «Далекие годы». Впереди — «Беспокойная юность». В какой мере уточнились общественно-политические идеалы лирического героя? Об этом трудно сказать что-либо определенное. Поиски еще впереди. Но как они будут развиваться? Некоторый свет на этот вопрос проливают замечания старого аптекаря Лазаря Борисовича. Он говорит: «Надо быть с народом. И за народ. Будьте, кем хотите... Но боритесь за хорошую жизнь для людей...»³.

Юноша близко к сердцу принимает слова Лазаря Борисовича.

«Я принял совет этого смешного человека и вскоре ушел в люди, в ту житейскую школу, которую не заменят никакие книги и отвлеченные размышления»⁴. С такими намерениями лирический герой встречает свою «беспокойную юность».

Во второй части трилогии описаны годы империалистической войны 1914—1917 гг. Лирический герой оказывается в самой гуще событий. Сначала он кондуктор трамвая «медной линии», которая проходила по густонаселенным рабочим людям окраинам Москвы и около «многолюдных вокзальных площадей»⁵, позднее — санитар военно-санитарного поезда Союза городов. У молодого человека, который решил «идти в люди», открылись редкие возможности быть в центре важнейших событий, угадать мысли, горести и заботы простого народа. Но здесь сказались особенности характера и воспитания, личные склонности

¹ К. Паустовский, т. III, стр. 251.

² Там же.

³ Там же, стр. 297.

⁴ Там же, стр. 298.

⁵ Там же, стр. 315.

и далеко неугасшие стремления к необычному, яркому... Они будут уводить повествователя от важнейших социальных проблем в мир личных раздумий и переживаний.

Стремление определить свой положительный идеал выразилось у писателя и у его лирического героя в обостренном интересе к человеку, к природе, к миру, в котором человек живет и трудится. В этом — соприкосновение с Горьким, с его ранними романтическими героями. Но Горький, находясь «в людях», проявляет горячий интерес к социальным условиям человеческого бытия. Его романтические герои выражают идеи, имеющие глубокое политическое звучание.

«Ранняя героическая романтика молодого Горького отражала под'ем революционного движения рабочего класса, начавшийся в 90-х годах прошлого столетия. Его романтика была полна веры в будущую победу, в силу героизм рабочего класса»¹.

Отсюда для Горького высшим положительным идеалом человека — является человек, активный участник революционной борьбы, преобразователь и созидатель. Вот почему естественен его творческий путь от героев революционной романтики к реальным героям, активным борцам против социальной несправедливости.

Лирический герой Паустовского свой романтический идеал утверждает иначе. «Паустовский не называет того критерия правдивости, идейности и действенности искусства, который позволяет судить о правдивости отбора фактов, деталей, слов»². Его высокий интерес к человеку, любовь к народу проявляется в лично-этическом плане, без четкого определения классово-исторической сущности своего отношения к ним. Неугасшая тяга к романтически яркому, необычному нередко приводит к тому, что он сосредотачивает свое внимание на событиях и лицах, поражающих своей внешней, броской необыденностью. Но эти эпизоды и явления далеко не всегда выражают истинную значимость исторических событий в их главном направлении.

Так, если говорить о второй книге трилогии, можно привести убедительные примеры, подтверждающие сказанное выше. Мы узнаем о старике, который долго ездил в трамвае с «неразмennым» сторублевым билетом; о конфликте кондуктора с городским головою Брянским; узнаем, как читал стихи И. Северянин и как в санитарном поезде оказался «великий аферист» Соколовский³. Много, с увлечением, с большим чувством говорится об отношении к природе.

¹ Волков А., Очерки русской литературы конца XIX и нач. XX века, ГИХЛ, М., 1955, стр. 83.

² Т Трифонова, Русск. сов. лит. 1954—1955 гг., Изд. АН СССР, М., 1956, стр. 259.

³ К. Паустовский, том III, стр. 382.

«Как я мог объяснить им, что в этом моем ощущении природы было... сознание среды, без которой человеку нельзя работать в полную меру сил. Люди обычно уходят в природу, как в отдых. Я же думал, что жизнь в природе

должна стать постоянным состоянием человека»¹.

Чувство любви к родной природе нераздельно связано с чувством невыразимой любви к человеку и к родной земле. Эта слитность у автора имеет особое значение. От природы — источника радостей, поэтических настроений и глубоких раздумий, он идет к мыслям о человеке, о родине. В восприятии родной природы, в своем отношении к миру притихших городов и заснеженных русских деревень герой остается ярко выраженным лириком, романтиком.

Любовь к природе так же, как и прием использования природы в раскрытии духовного мира человека не являются характерным лишь для К. Паустовского. Но у него этот прием получает особое развитие. Обычно художники используют явления и картины природы, чтобы оттенить, выделить, усилить ту или иную черту характера и т. д. У них путь — от человека к природе. Увлечение природой лирического героя К. Паустовского приводит к тому, что у него человек, его качества нередко оцениваются прежде всего по тому, как он чувствует, воспринимает природу. Даже оценка общественных событий лирическим героем дается сквозь призму чувств и настроений, вызванных определенным восприятием природы. Так свои чувства и настроения, свое отношение к началу войны 1914 года лирический герой выражает посредством изумительной картины осеннего листопада: «И все сыпалась и сыпалась листва, заваливала крыши, тротуары, мостовые...»².

Грустные мысли о первой военной зиме, о народных страданиях нашли также своеобразное поэтическое выражение в чудесной новелле — раздумьи «Россия в снегах»³.

В главе «Сырой февраль», завершающей вторую книгу трилогии, рассказывается о горестях простых людей, обездоленных и замученных войной. Но сперва идут описания подмосковной глуши, с разбойничьими лесами, непроезжими дорогами и гнилыми посадками. И на фоне этого запустения картины нищеты и отчаяния приобретают особое интонационное звучание.

«И по всему этому подмосковному простору, где ветер свистел в голых сучьях берез, был слышен подспудный, скрипучий женский плач. Плакали солдатки-матери и жены, сестры и невесты. Плакали безропотно, беспросветно. Как будто ниоткуда нельзя было ждать радости»⁴.

¹ К. Паустовский, т. III, стр. 324.

² Там же, стр. 208.

³ Там же, стр. 349.

⁴ Там же, стр. 547.

В передаче картин природы и связанных с ними событий лирического героя не привлекают реалистические подробности и детали горького деревенского быта. Здесь налицо своеобразные обобщения, призванные создать определенные впечатления, вызвать волну грустной эмоциональной настроенности. Все виденное сливается в образ, имеющем сильное поэтическое звучанье, но лишенном конкретных социальных примет. В повести об этом говорится следующее: «Впервые я увидел многие русские города и фабричные посады, и все они слились своими общими чертами в моем сознании»¹. Из сказанного выше о мироощущении лирического героя-повествователя вытекает и то, как воспринимается и передается им фронтовая обстановка. Империалистическая война изображается исключительно в плане личных восприятий юноши-санитара. А характер этих восприятий таков, что далеко не всегда значительные события непосредственно излагаются на страницах повести. Читатель узнает, как меняются чувства и мысли героя в условиях войны, какие личные невзгоды, переживания пришлось испытать ему на ее пыльных дорогах.

Нельзя оставаться равнодушным к горю его матери, много выстрадавшей в жизни, потерявшей на войне двух старших сыновей. Неподдельные чувства глубокой печали вызывает рассказ о смерти любимой девушки, рассказ, в самом названии которого следы грустной иронии². Глубокой человечностью проникнута новелла «В болотистых лесах»³. Лирический герой обнаруживает здесь такие качества души, которые невольно заставляют вспомнить рассказ Алексея Максимовича Горького «Человек родился».

Мы узнаем об отдельных раненых, слышим отголоски боев; но сложных противоречий, классовой сущности кровавой бойни герой не понимает, да еще и не может понять. И причины не только в сугубо личных восприятиях суровых будней войны. Этому имеется и другое объяснение. Оно кроется в непонимании классового, «внутреннего» смысла многих общественных свершений.

«...примерно до февральской революции я ничего толком не знал о революционном движении среди рабочих... Но нельзя сказать, что революционное движение совсем прошло мимо моей молодости. Я был свидетелем событий 1905 года, хорошо знал весь **внешний** (подчеркнуто мной — **И. Б.**) ход декабрьского восстания в Москве... Но меня прежде всего захватывала романтическая сторона революционных событий... Внутренняя же сущность событий долгое время сводилась к очень расплывчатому представ-

¹ К. Паустовский, т. III, стр. 352.

² Там же, стр. 447, новелла «Под счастливой звездой».

³ Там же, стр. 440.

лению, которое можно определить, как «борьбу за свободу»¹.

Вот почему и пребывание в фронтовой обстановке не способствовало быстрому определению его социальных идеалов. Общие, расплывчатые романтические представления лирического героя оказались настолько устойчивыми, что их не сразу смогли поколебать даже полные драматизма и реальной значимости события войны. Мы не сомневаемся, что на фронте — и среди раненых — были солдаты и даже офицеры, которые в какой-то форме осуждали войну; были среди них и такие, которые понимали истинные ее причины и смысл. Наконец, были большевики-агитаторы, смелые и решительные люди, которые обличали настоящих ее зачинщиков и виновников.

Трудно себе представить, чтобы отголоски этой борьбы не доходили до героя, который решил служить народу. И все же они вне поля зрения рассказчика; о подобных фактах даже не упоминается на страницах произведения. Правда, юноша тоже против войны. Но чтобы выразить его отрицательное отношение к войне, автор использует прием, помогающий понять эмоционально-романтическое восприятие событий лирическим героем. Особое настроение у него создается в тихом, безлюдном уголке, вдали от шума и грохота войны, на берегу весеннего Вепржа². В лесной халупе герой встречается с польским крестьянином, корзищиком Стасем, человеком необыкновенным, тонко понимающим природу. Стась рассказывает древнюю легенду о Жаворонке с Золотым клювом, который помог холопам победить ненавистного короля Янка Лютого и его рыцарей. Как бы обращаясь к событиям современным, Стась тихо заключает:

«Вот бы и нам, панове, — сказал он, посмеиваясь, — поискать того Жаворонка с Золотым клювом»³.

Лирический герой на это ничего не ответил. Но надо полагать, что высказанные мысли и довольно отвлеченный намек, попытка провести историческую параллель в таком плане были созвучны его настроению, его характеру восприятия событий.

Как видим, социальная, классовая сущность войны во всей своей реальной конкретности остается за чертой сюжета.

Все же к концу империалистической войны воззрения лирического героя претерпевают некоторые изменения. Юноша точно определяет свою будущую профессию, с явной отчетливостью выражает стремление служить народному делу.

«Что случится дальше, я не знал. Я знал лишь одно — что буду стремиться к писательству всеми силами души. Буду стремиться к нему ради служения своему народу;

¹ К. Паустовский. т. III, стр. 326.

² Там же, стр. 376.

³ Там же, стр. 382.

ради любви к волшебному русскому языку и к удивительной нашей земле»¹.

В заключении второй книги автор говорит, что «свое понимание прекрасного и справедливого, свое... представление о человеческом счастье, достоинстве и свободе» он уже может «выразить и передать окружающим...»²

Как показано было выше, эти слова не точно соответствуют действительному положению. Юноша не остался на месте в своем развитии. Он не только уяснил необходимость быть с народом, но раз и навсегда определяет свою будущую профессию. И все же четкого понимания сущности социальной справедливости, а следовательно, и сущности человеческого счастья у героя еще нет.

В третьей книге — «Начало неведомого века» — повествуется о времени, когда свершались величественные революционные сдвиги, происходила ломка вековых устоев. Обновленная революцией страна, ведомая Коммунистической партией, становилась родной для всех трудящихся и угнетенных.

Время и события предоставляли исключительные возможности для идейного развития героя, избравшего целью своей жизни служение народу. Но прежнее воспитание, остатки идеалистического миропонимания еще долго будут тяготеть над его мыслями и чувствами.

«Принять целиком Октябрь мне мешало мое идеалистическое воспитание. Поэтому первые 2—3 года Октябрьской революции я прожил не как ее участник, а как глубоко заинтересованный свидетель»³.

Эти строки многое объясняют в личности, поступках и рассказах лирического героя, хотя, по нашему убеждению, понятие «глубоко заинтересованный свидетель» не полностью соответствует истине. Факты, описанные в повести, дают право утверждать, что в первые месяцы октября повествователь выступает просто свидетелем событий; в следующий год — «заинтересованным свидетелем»; и только к началу 20-х годов можно говорить о «глубокой заинтересованности».

Захлестнутый событиями невиданной значимости и силы, он в первые годы еще не способен понять их историческое значение, их реальное величие и красоту. Многое воспринимается им в плане «туманной» революционной романтики. В этом нет ничего удивительного. Попытки изображать революцию в романтической окраске были характерны не только для К. Паустовского. Романтическая светлая вера в будущее определяла характер стихов А. Блока, поэзии Багрицкого и др.

«Революционная эпоха... была для Багрицкого овеяна самой

¹ К. Паустовский, том III, стр. 566.

² Там же.

³ Там же, стр. 578.

высокой романтикой, и в победе нового общества над старым видел он торжество романтического начала»¹.

«Туманная романтика бушевала в наших сердцах. Я не мог и не хотел ей противиться»², — заявляет герой повести.

Поражает пестрота и разнообразие картин, привлекающих внимание автора. Эпизоды о бурных событиях Октября перемежаются с пространными рассуждениями о типах старых журналистов; рассказы о первых заседаниях ВЦИКА — с воспоминаниями о старых московских особняках, пригородных прудах и парках, привлекающих автора своим запустением и тишиной. И постепенно вырисовывается определенная картина, помогающая уяснить, кому отдает свои симпатии и помыслы лирический герой.

Работая журналистом, путешествуя по стране, охваченной огнем борьбы, он прекрасно уяснил крушение старого мира и талантливо, с чувством удовлетворения обличает его представителей. Мы находим живописные рассказы об истерических припадках Керенского³; читаем проникнутый резкой сатирой рассказ о бесчинствах бандита Махно;⁴ тонко обличается демагогия меньшевика Мартова;⁵ разоблачается фальшь и антинародная сущность украинских буржуазных националистов⁶.

Перед читателем убедительно раскрывается нагота уходящего мира бывших людей. Становится ясно, что рассказчик не с ними, но он еще не может понять и тех, кто делал революцию. Ненавидя «приглаженных и либеральных интеллигентов»⁷, клеветующих на революцию и народ, он открыто заявляет о себе:

«Но это еще не значило, что я целиком принимал в то время революцию Октябрьскую. Многое я принимал, иное отвергал, особенно все, что казалось мне пренебрежением к прошлой культуре»⁸.

В это время важнейшее место в жизни занимали представители созидательного начала, те, кто в труднейших условиях боролись за создание государства рабочих и крестьян. Но их-то молодой журналист еще не может увидеть, понять и показать по-настоящему, занимая позицию свидетеля и даже позицию «заинтересованного» свидетеля. В этой связи большой интерес имеет глава «Синие факелы»⁹, в которой рассказано об уличных боях московских революционных рабочих с юнкерами. Герой

¹ История русской советской литературы, Изд. АН СССР, М., 1958, том I, стр. 398.

² К. Паустовский, том III, стр. 601.

³ Там же, стр. 573—574.

⁴ Там же, стр. 764.

⁵ Там же, стр. 629—630.

⁶ Там же, стр. 695.

⁷ Там же, стр. 578.

⁸ Там же.

⁹ Там же, стр. 585.

вместе с жильцами большого дома наблюдает за сражениями. Подробно описано место, где укрывались жильцы, как приходилось доставать питание и т. д. Можно найти описание, как выглядели отдельные красногвардейцы, какой вид имела улица и стены домов, изрешеченные пулями. Но ни слова о том, о чем думали и за что сражались эти люди с ввалившимися глазами, за что шли умирать одетые в простые одежды рабочие.

По мере развития революции новые эпизоды, картины и сцены все больше и больше притягивают к себе внимание рассказчика. Явное сочувствие большевикам слышится, например, в рассказе о выступлении больного Ленина на заседании ЦИКА¹ и особенно в главе «Зал с фонтаном»², где речь идет о встрече Ильича с демобилизованными солдатами. Когда заговорил Ленин, шум сразу утих, «будто ножом срезало»³. Вождь говорил простые, ясные слова. Суровые, изверившиеся солдаты прояснились улыбками; на их лицах появилось выражение такой заинтересованности, что солдаты забывали обо всем. И это глубочайшее уважение солдат к Ильичу, всепоглощающий интерес к его словам, понятным и близким, передано с таким чувством, что о симпатиях лирического героя к Ильичу не может быть двух мнений.

Весьма характерна и следующая деталь. Говоря о простых людях, о конкретных невзгодах и лишениях, о земных, реальных серошинельных солдатах, автор использует простые, но убедительные слова.

«Прилипшие к губам сигарки догорали. Дым от них поднимался синими струйками к потолку. Никто не затягивался — о сигарках забыли»⁴.

Именно потому, что гениальный вождь нашел для солдат «нужные» слова, его слушали так самозабвенно, что забыли даже о том, о чем редко забывает солдат — забыли о сигарках.

Так постепенно ширится идейный кругозор рассказчика, появляются качественно новые представления об Октябре и тех, кто руководил этой величайшей исторической битвой.

Но весьма примечательно, что даже на этом этапе новое понимание революционных свершений, как правило, передается не путем прямого утверждения положительного идеала. И здесь лирический герой в какой-то мере остается верным самому себе. Достаточно прочесть заключительную новеллу — «Последняя шрапнель»⁵. Она имеет глубоко символический смысл. В Одессу вступают красные. Но наступающие войска находятся за чертой сюжета. Свое отношение к ним герой передает через описание

¹ К. Паустовский, том III, стр. 631—632.

² Там же, стр. 622.

³ Там же, стр. 623.

⁴ Там же, стр. 624.

⁵ Там же, стр. 781.

тех, кто в страхе, в бессильной злобе, — а кто и по неведению — рвутся на заветную палубу готовых к отплытию кораблей интервентов. Последние пароходы отплывают с теми, кто покидает Родину. У автора нет враждебного чувства ко всем без исключения, покидающим землю своих отцов. Он сам еще недавно во многом заблуждался. Но он твердо стоит на своей родной земле, стоит рядом с красными кавалеристами на «конце мола». И подвижная гладь моря, скрывающая в туманной мгле уходящие корабли, навеки разделяет его с миром людей, «покидавших отечество, отказавшихся от своего народа...»¹.

Так заканчивается в повести сложный путь становления лирического героя, от лица которого ведется рассказ, чьи взгляды и вкусы сказались и на отборе жизненных событий и на характере их освещения².

На первых страницах трилогии мальчик видит свой идеал в гардемарине, посланце далеких морей, а в конце книги лирический герой чувствует себя счастливым потому, что прочно стоит на родной, обновленной революцией земле, рядом с вошедшими в город красными воинами; и перед ним раскрываются неограниченные возможности действительно служить народу в его трудовой жизни и борьбе.

Итак, материал повести дает основание сделать некоторые выводы:

Лирический герой от начала и до конца повести был и остается романтиком, но характер его романтизма, его романтический идеал претерпевает значительные изменения. Герой-повествователь в своем развитии, в определении своего идеала прошел путь от поисков прекрасного в необычном, наджизненном до утверждения, что истинная красота в родной природе, в человеке-созидателе, революционном преобразователе жизни. Отгалкиваясь от романтической экзотики, связанной с миром крылатых кораблей и необыкновенных путешествий, он приходит в конечном итоге к утверждению романтики жизни.

Неустанно утверждая любовь к природе, горячую веру в человека и его духовные силы, Паустовский на путях поисков своего идеала соприкасается с Горьким, с романтикой молодого писателя. Но в дальнейшем намечаются существенные расхождения. Герои Горького идут более быстро в своем развитии, высший идеал видят в социальных условиях человеческого бытия. Вот почему в дальнейшем они становятся участниками революционных событий, определяющих знамение эпохи.

Лирический герой Паустовского утверждает свое положительное начало в личном плане, в плане «общечеловеческого» внеклассового гуманизма. Его положительный идеал, развиваясь

¹ К. Паустовский, т. III, стр. 788.

² Статья была закончена до того, как появилась 4 книга — «Время больших ожиданий» (И. Б.).

и изменяясь, все же долгое время будет носить отвлеченно-романтический характер.

Это приведет к тому, что в своем движении он как бы остановится на определенном рубеже и с большим трудом будет идти к пониманию, что высшая сущность романтического идеала немыслима без определения и уяснения его конкретной социальной значимости.

Лирический герой-романтик не изменил убеждению, что природа — источник поэтического вдохновения, особый мир, полный неизъяснимой прелести и красоты. Но теперь для него эта красота в скромной, неяркой природе родной страны, в самом, казалось бы, обыкновенном пейзаже.

«Я старался находить черты хорошего всюду. И часто находил их, конечно. Они могли блеснуть неожиданно, как хрустальная туфелька Золушки из-под ее серого, рваного платья...»¹.

От природы художник идет к выражению своих патриотических чувств, от неё — к раскрытию духовного мира человека. Но такой путь — от природы к человеку, а не наоборот — нередко уводит лирического героя от реальных людей и событий в мир поэтических наблюдений и сугубо личных, подчас отвлеченных раздумий.

Повесть имеет автобиографический характер. К. Паустовский представляет лирическому герою полную свободу действий. Изображение событий дается то от лица мальчика, то юноши-гимназиста, то от имени возмужавшего, повзрослевшего журналиста, трудными, противоречивыми путями идущего к признанию великой правды жизни — правды революции.

В произведении важнейшие жизненные события показаны в свете их восприятия лирическим героем. Предоставляя широкие права рассказчику, писатель добивается свежести, естественности повествования. Мы получаем возможность наблюдать события так, как их наблюдал мальчик, юноша, молодой журналист. Это дает материал для понимания характера героя, для уяснения того, как постепенно расширялся его горизонт видения мира. Но в таком подходе кроются и свои недостатки.

На каждом этапе своего развития повествователь останавливается на тех событиях и эпизодах, которые понятны ему, созвучны его миропониманию, близки его романтическим идеалам. А это далеко не всегда бывали события, определявшие существенное, важное в жизни.

Надо полагать, что автор повести ставил задачу, ограниченную определенными рамками. А именно: рассказать о событиях, которые доступны были пониманию героя на каждом временном этапе его жизненного пути. Эпоха, ее важнейшие черты и осо-

¹ К. Паустовский, том III, стр. 184.

бенности передавались не в непосредственной своей реальной значимости, а так, как они воспринимались лирическим героем и людьми, в какой-то мере бывшими свидетелями, но никак не участниками исторических свершений. Вот почему в описании прошлого, особенно в подходе к событиям общественно-политического значения, в изображении грандиознейших революционных преобразований, наконец, в показе представителей созидательного, революционного начала — нет исторической конкретности и полноты, жизненной объемности.

Этих событий во всей их полноте и значимости не мог, естественно, понять лирический герой, отличающийся ограниченным мировоззрением.

И здесь, думается, прием самоустранения, прием, когда присутствует только точка зрения лирического героя и отсутствует точка зрения советского писателя, — нельзя признать оправданным¹. Художественно-допустимое вмешательство опытного, идейно-зрелого писателя во многом способствовало бы более полному, исторически-конкретному изображению жизни.

Сложный путь становления лирического героя, особенности его мироощущения, характер его романтического идеала во многом определяют художественную специфику повести. И в первую очередь этим определяются особенности жанра трилогии, некоторые вопросы композиции, особенности образной системы, своеобразие сюжетных построений. Исследование этих проблем дает материал для уяснения идейно-стилевой значимости этого незаурядного художественного произведения.

Но это уже не является темой настоящей статьи.

¹ С. Львов, Константин Паустовский. Критико-биографический очерк, ДЕТГИЗ, М., 1956.

Г. П. МАЗЕЦКИЙ

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ РОМАНА Т. ДРАЙЗЕРА «ОПЛОТ»

В 1946 году, вскоре после кончины автора, был издан роман Т. Драйзера «Оплот». Одной из особенностей творчества этого выдающегося писателя Соединенных Штатов было то, что замысел большинства его романов возникал и вынашивался параллельно, почти одновременно еще в ранний период или даже в начале его творчества. История создания романа «Оплот» особенно сложная. Мысль о создании романа, идея этого произведения, по словам жены писателя Элен Драйзер¹, возникла у Т. Драйзера еще в 1910 году, то есть тогда, когда завершалась работа над романом «Дженни Герхардт», определялись общие контуры «Трилогии желаний», материал для которой Драйзер начал собирать еще в конце прошлого века, до выхода в свет «Сестры Керри» (1900). Две первые части трилогии — романы «Финансист» и «Титан» были опубликованы в 1912 и 1914 гг. Тогда же, в 1914 году, Т. Драйзер начал непосредственно работать над романом «Оплот», но, написав несколько глав, отложил произведение и со всей страстью увлекся работой над романом «Гений», после опубликования которого в 1916 году возвратился к «Оплоту» и, создав почти треть произведения, вновь прервал работу. Издав затем еще несколько книг, написанных в различных жанрах, уже будучи буквально поглощен кропотливой и тщательной работой над романом «Американская трагедия», этим своим любимейшим произведением, Драйзер в 1920-21 гг. снова возвращается к «Оплоту», затем продолжает работу над ним в конце 1920-х и в 1930-х гг. Только в последние годы жизни писателя роман, наконец, по свидетельству Элен Драйзер, был переделан с самого начала, полностью закончен и подготовлен к печати.

Почему так затянулась работа над романом «Оплот», почему писатель так часто откладывал работу над этим произведением и как определить место этого романа в творчестве Драйзера,

¹ Элен Драйзер, «Моя жизнь с Драйзером», ИЛ, 1953, стр. 43

связанном с известной эволюцией как в мировоззрении, так и художественном мастерстве этого крупнейшего американского режиссера?

В нашей литературной критике сложная история создания романа «Оплот» не освещается. Обычно делаются попытки видеть в «Оплоте» яркое воплощение существенных изменений в мировоззрении Драйзера в 1920—1930-е годы. С этим нельзя согласиться.

Сравнение романа «Оплот» с «Американской трагедией» дает основание предполагать, что в связи с некоторым тематическим сходством этих двух произведений (психология преступления, образы Клайда и Стюарта) замысел «Американской трагедии» и его блестящее осуществление значительно снизили интерес писателя к роману «Оплот», «Американская трагедия» (опубликованная в 1925 году) как бы вобрала в себя или значительно истощила те творческие источники, которые могли питать и роман «Оплот». Но это еще не объясняет сложной истории создания «Оплота», причин частого откладывания работы писателя над ним. Ведь идея романа «Оплот» возникла у Драйзера задолго до начала его работы над «Американской трагедией». Нам кажется, что эти причины более серьезные и важные, они связаны с проблемой положительного героя в творчестве Т. Драйзера, с эволюцией творческого метода и мировоззрения писателя.

Элен Драйзер упоминает, что, вынашивая идею «Оплота», Драйзер хотел создать роман о «хорошем человеке»¹. Ясно, что такого «хорошего человека» Драйзер намеревался представить в образе Солона Барнса — центрального персонажа романа «Оплот». То есть в ранний период своего творчества, в начале работы над «Оплотом», пытаясь создать положительного героя в романе, Драйзер предполагал воплотить его в образе положительного буржуа. Не будем гадать, насколько удачным или неудачным вышел бы такой образ, если бы роман был закончен тогда же. Тот факт, что писатель пытался создать положительного героя («хорошего человека») в образе буржуа, только подтверждает ограниченность мировоззрения Драйзера раннего периода. Несомненно, что после 1916 года (написав около трети романа), Драйзер откладывает произведение потому, что тогда (1916—1917 гг., как известно, были переломными в его мировоззрении и творчестве) внимательный художник-реалист окончательно убеждается в надуманности, нежизненности своего замысла, его несоответствии действительности. Он, писатель-реалист, не мог создавать то, что противоречило принципу жизненной правдивости искусства. Именно поэтому, написав треть романа «Оплот», Драйзер переключается на другое произведение — «Американскую трагедию», задуманную в обычном плане его творческого метода. Идея этого романа совершенно не свя-

¹ Элен Драйзер, цит. произв., стр. 57.

зывалась с образом положительного героя. Казалось бы, что, закончив «Американскую трагедию», Драйзер еще в 20-х годах мог легко завершить и роман «Оплот», но он, естественно, теперь не мог закончить роман в таком плане, как он уже был почти написан. А переработанным в плане драйзеровского критического реализма «Оплот» идейно и тематически неизбежно должен был несколько повторять «Американскую трагедию» (как оно и получилось после переработки романа в 40-х годах). Вот это, нам кажется, и охладило интерес Драйзера к «Оплоту», завершеному только в последние годы жизни писателя.

В чем же заключалась сущность переделки, которой был подвергнут «Оплот» в период окончательного завершения работы над ним?

К сожалению, мы не располагаем текстом ранних, хотя и незавершенных вариантов «Оплота» (их было два), и поэтому мы не можем говорить точно о степени переработки романа перед изданием. Но во всяком случае революционные взгляды, которые разделял Драйзер не только в 40-е, но уже и в 30-е годы, не нашли своего непосредственного отражения в «Оплоте».

Сравнение «Оплота» со «Стоиком», третьей частью «Трилогии желаний», законченной также в последние годы жизни Драйзера, обнаруживает весьма заметную идейную разницу между этими двумя произведениями, которые беспокоили писателя до последних дней его жизни. В «Стоике», в финале романа, Драйзер в образе Беренис Флеминг, в ее мучительных поисках счастья и смысла жизни определяет (пусть еще в общих чертах, ведь писатель не закончил произведение) положительный идеал человеческой жизни. Ничего подобного мы не находим в романе «Оплот». Более того, роман лишен той цельности и целеустремленности в изображении и обличении буржуазного мира, какими отличаются «Американская трагедия» и «Стоик». «Оплот» не свободен от глубокого пессимизма и сложных противоречий, какие имеются и в «Дженни Герхардт», «Финансисте», «Титане», «Гении», то есть романах, созданных до 1917 года. И противоречия эти в конечном счете связаны с первоначальным замыслом «Оплота», в котором писатель хотел в центральном образе романа, образе финансиста Солона Барнса показать «хорошего человека». Получилось так, что герой романа, «добрый» богатый «деловой человек», как, например, Лестер в «Дженни Герхардт», сам становится жертвой того хищнического мира бизнеса, который он представляет, и художник даже не прочь вызвать сострадание к этой жертве, поэтизируя героя. «Оплот» гораздо ближе не к «Американской трагедии» и «Стоику» (не говоря уже о революционной публицистике Драйзера 30—40-х гг.), а к «Дженни Герхардт», «Финансисту» и «Титану».

Начало действия романа «Оплот» относится к концу прошлого века, то есть к периоду в развитии американского капита-

лизма, замечательно изображенному в «Финансисте» и «Титане», периоду завершения монополизации почти всех отраслей экономики США, когда в деле грязной наживы американских дельцов особо важную роль стали играть банки. В «Финансисте» и «Титане» ярко изображаются преступные методы обогащения американских капиталистов. И в «Оплоте» рассказывается, как «предприимчивые дельцы добывались в муниципалитетах концессий на водопровод, газоснабжение, эксплуатацию городских железных дорог и извлекали из них неслыханные доходы. Банки тоже вступали в эту игру, выдавая ссуды под дополнительное обеспечение и в чаянии крупных прибылей широко рискуя средствами своих вкладчиков. На Уолл-Стрите шла спекуляция вовсю»¹. Вот в это время в один из банков Филадельфии, благодаря счастливому стечению обстоятельств, поступает на работу молодой человек Солон Барнс, он и является главным героем романа. К нему относится название произведения — «Оплот». Сын разбогатевшего фермера, религиозного фанатика-квакера, Солон Барнс унаследовал от своих родителей религиозные убеждения, которыми и стремится неуклонно руководствоваться во всей своей деловой и семейной жизни. С самого начала романа, как и в «Американской трагедии», Драйзер представляет религию как темную силу, порожденную невежеством, порождающую невежество, разрушающую человеческую жизнь, служащую интересам бизнеса. Солон Барнс от природы был человеком «хорошим»: способным, даже незаурядным, трудолюбивым, исполненным стремления быть честным и т. д. Но неправильное, религиозное воспитание сделало его чрезвычайно ограниченным. «Солон воспитывался так,— пишет Драйзер,— как воспитываются обычно дети в фермерских семьях — подбирал случайные обрывки знаний, а остальное дополняла религия. В доме постоянно читались и цитировались библейские тексты, и Библия, ее поэзия, ее пророческий дух наложили неизгладимый отпечаток на весь душевный склад Солона. Он привык к мысли, что творец велик и всемогущ, а люди малы и ничтожны, подвластны воле творца и обязаны ему послушанием... Все эти представления, наряду с верой во внутренний свет, утвердились в сознании Солона как бесспорные и вечные; в них был для него источник знания, точного и глубокого, в них был ключ к разрешению всех житейских задач...»². Или: «Для Солона, — пишет с иронией Драйзер, — хоть он и не сумел бы выразить это словами — жизнь представляла сумму закономерных частных случаев, смысл которых был в том, что каждая из них несла в себе крупицу божественной воли... Только в религии Джорджа Фокса

¹ Т. Драйзер, Собор. соч. в 12-ти тт., т. 9, «Оплот», 1953 год, стр. 88. Все остальные цитаты — отсюда же.

² Т. Драйзер, «Оплот», стр. 40.

и Джона Вулмэна (основателей религиозной секты квакеров.— Г. М.) он видел спасение от всех бед земных»¹.

Драйзер в романе ясно и убедительно показывает, насколько ложны, лицемерны и несостоятельны эти моральные устои как в отношении жизни отдельной личности, в данном случае бизнесмена Солона Барнса, так и в отношении всей действительности империалистической Америки, каким несостоятельным, ложным является этот «оплот» в действительности.

Уже просто наблюдая жизнь в Филадельфии, Солон «волей-неволей... видел много такого, что тяжелым камнем ложилось ему на душу: целые кварталы, населенные беднотой, публичные дома, где открыто и нагло процветал разврат, притоны и кабаки, теснившиеся на каждом перекрестке и привлекавшие к себе самые подонки человеческого общества»². Солон «болезненно воспринимал эти новые для него стороны городской жизни». Но с фанатичной религиозностью и «честностью» в Солоне Барнсе как-то уживалась способность весьма практического и трезвого дельца-спекулянта, и он даже, следом за своим тестем, еще большим ханжой и спекулянтом банкиром Уоллипом, глубоко уверовал в «справедливость» мошеннической идеи церкви «о сущности богатства и о роли богача как управителя, выполняющего божью волю»³, о том, что все богачи якобы «лишь управители при господе боге»⁴.

Работая в банке, Солон Барнс все больше и больше убеждался, что представляют собой эти «управители при господе боге». Торгово-строительный банк, куда взял на работу Солон тестя его, председатель этого банка, крупный богач Джастес Уоллин, «был одним из старых банков Филадельфии» и уже имел хороший опыт, занимаясь «ограблением широкой публики»⁵. Пытаясь быть честным коммерсантом, Солон Барнс сначала «всячески старался итти навстречу мелким дельцам и предпринимателям, состоявшим в числе клиентов банка. Но мало-помалу ему пришлось убедиться, что и среди этих людей далеко не все безупречно в своих делах»⁶. Каково же было удивление Солона, когда, все больше вникая в коммерческие операции банка, он обнаруживает, что все члены его администрации (они же крупные спекулянты — предприниматели) — Уолкерсон, Бэйкер, Сэй, Эверард и Сэйблуорс — получали крупные доходы, цинично ограбляя публику с помощью мошеннических махинаций. Злоупотребляя доверием вкладчиков, они предоставляли неограниченные кредиты крупным промышленным компаниям, пре-

¹ Там же, стр. 92.

² Там же, стр. 95.

³ Там же, стр. 50.

⁴ Там же, стр. 55.

⁵ «Оплот», стр. 85.

⁶ Там же, стр. 108.

обладающая часть акций которых принадлежала им же. Мошеннически используя таким образом деньги вкладчиков, эти дельцы набивали свои карманы, подвергая свой банк угрозе краха, а значит и разорения всех его вкладчиков. На решительный протест Солона Барнса последовал довольно убедительный ответ этих дельцов, что такая «система ведения дел» «принята во многих банках страны». Таким образом, Солон Барнс очень скоро убеждается, что все эти дельцы, крупные богачи-спекулянты — не «духовные пастыри народа», как их представляет религия и во что верил он сам, а хищные волки, циничные грабители народа. «Люди, с которыми ему теперь приходилось работать, были из природы тех, кто постоянно стремится захватывать, господствовать, подчинять себе других. Там, где дело касалось денег, для них не существовало морали...»¹. Но ведь он сам помогал им грабить, ведь он сам мало чем отличался от них! Растерявшийся, морально подавленный, запутавшийся в своих убеждениях и действительности, Солон Барнс, добившись уже весьма внушительной карьеры, уходит из банка. Вера его «поколебалась в самых своих устоях»². Этому краху веры Барнса немало содействовала также трагедия в его собственной семье.

В семейной жизни, в воспитании своих детей Солон Барнс строго руководствуется предписаниями религии. Именно благодаря этому, в семье Солона господствует дух ханжеского лицемерия, косной замкнутости и настоящего невежества, в котором могут быть счастливыми только «мелкие душонки, не знающие иных стремлений, кроме стяжательства и погони за житейским благополучием...»³. Такими и оказались старший сын Солона Орвил и одна из его дочерей — Доротея. Остальные дети, люди с иными запросами и иными чувствами, становятся жертвами как уродливого религиозного воспитания в доме, так и уродливой действительности капиталистической Америки, где процветает эгоизм, индивидуализм и жестокость. Они слепо протестуют против уродливого религиозного воспитания в доме, но, беспомощные, вскоре становятся жертвами этой действительности. Такой оказалась судьба Этты и Стюарта. Бунтуя, они, каждый по-своему, но оба стихийно, стараются соприкоснуться с жизнью. Все это закончилось весьма печально. Потянувшись к науке и попробовав жить более самостоятельно, чувствительная и мечтательная Этта, обманутая одним циником, «известным художником», крайне разочаровывается в жизни, а Стюарт, сблизившись в школе с молодыми повесами, сынками богачей, становится соучастником гнусного преступления — изнасилования и убийства молодой девушки, дочери бедняка. (Бедных девушек, ослепленных окружающей роскошью и богатством, легко соб-

¹ «Оплот», стр. 212.

² Там же, стр. 281.

³ Там же, стр. 228.

лазняет мнимая дружба с богатыми людьми. Этот мотив проходит через многие произведения Драйзера. Писатель показывает, какой ценой дочери бедняков Америки платят за несколько часов счастья, когда, забывшись, можно хоть на коротенькое время уйти от проклятой нищеты и перенестись в недоступный для них мир роскоши и богатства). Попав в тюрьму, юный и малодушный Стюарт кончает жизнь самоубийством.

Образы и судьба Стюарта в «Оплоте» и Клайда Гриффитса в «Американской трагедии», несмотря на различие в материальном положении этих героев, особенно поучительны для империалистической Америки. Оба они изображены художником как типичное порождение и жертва ложного воспитания и уродливой действительности, растленного влияния на простого американца и американскую молодежь лицемерной религиозной морали, противоречащей действительности, а также кричащей, показной роскоши и богатства наряду с унижающей человека нищетой. Кроме того, в «Оплоте» Драйзер показывает, как растлевают молодежь декадентская, порнографическая литература, так широко рекламируемая и распространяемая в США. В доме Солона Барнса были под запретом все книги, в том числе и произведения великих реалистов, знакомящих человека с жизнью, зато в книжном магазине города, где жили Барнсы, юноша мог легко ознакомиться со всяческими порнографическими «произведениями» в отдельных изданиях или в виде картинок и фотографий в модных журналах и газетах. (И все это преподносится как «шик и блеск» американской культуры!). Пытаясь получить представление об окружающей жизни, о которой он ничего не знал по домашнему воспитанию, Стюарт полагал, что «настоящая жизнь... была описана во всех своих увлекательных подробностях на страницах некоторых печатных изданий... Стюарт с жадностью, — пишет Драйзер, — набрасывался на них, когда заходил в книжную лавку... в Дакле. Журнальчики типа «Стандарта» или «Полицейской газеты» пестрели фотографиями пикантных, полураздетых хористок и молодых людей, именуемых «светскими джентльменами», «денди» или «нашей золотой молодежью», чье единственное занятие в жизни заключалось, по-видимому, в содержании подобных девиц. Он даже видел их во сне, эти ночные цветы большого города»¹. Таким образом, характер и поступки Стюарта в «Оплоте» изображены как типичное порождение условий жизни буржуазного общества. И не остается никакого сомнения, что в трагической судьбе обоих юношей немалую роль сыграло их уродливое религиозное воспитание. Читатель вместе с автором симпатизирует Этте, взбунтовавшейся против ложных, ограниченных взглядов ее отца, Солона Барнса. Насмешкой автора по отношению к ре-

¹ «Оплот», стр. 187.

лигии квакеров и сочувствием к юноше проникнута жалоба Стюарта: «И почему никогда не разрешают поразвлечься немножко? Надоели до смерти все эти разглагольствования о внутреннем свете»¹.

Столкновение Солона Барнса с преступным миром капиталистов-спекулянтов, трагедия его собственной семьи в корне поколебали его веру в прочность всей системы, оплотом которой ему представлялась религиозная мораль квакеров. Сам Солон Барнс хотел быть честным. Но вскоре он убедился, что это была только мечта. Невозможно быть честным при такой системе, если ты не хочешь остаться позади, бедняком, отверженным. И тогда «бездушная корысть, составляющая сущность всякого бизнеса», предстала перед ним «чем-то уродующим и разрушающим нормальное человеческое существование. А ведь он был причастен к этому; разве не заседал он вместе с другими в правлении банка, разве не помогал осуществлять их планы, направленные к безмерному накоплению богатства ради той бесполезной роскоши, тех никчемных удовольствий, что ослепили своим блеском Стюарта и привели его к гибели»².

Роман «Оплот» изображает крушение мелкобуржуазных иллюзий о возможности «честной коммерции» в условиях капиталистической системы. Как и в «Американской трагедии», в «Оплоте» выражена трагедия всего строя капиталистической Америки. «Солону,— пишет Драйзер,— словно нанесли смертельный удар; то, что произошло, казалось ему частью какой-то трагедии, всего значения которой не вмещал его разум. Рушился, рассыпался прахом весь барнсовский мир»³, вера его «поколебалась в самых своих устоях». Куда девалась его уверенность? Куда девалась отражавшаяся в его глазах «сила морального убеждения, с высоты которого он судил обо всех явлениях жизни, в том числе и об ошибках собственных детей»?

В тех местах романа, где Драйзер повествует о финансовом мире США, «Оплот» очень напоминает «Финансиста» и «Титана», как бы попутно перекликаясь с этими романами, в которых так ярко изображен эгоистический мир бизнеса, капиталистический образ жизни. То, что так детально изобразил Драйзер на громадных полотнах «Финансиста»,— рост власти монополий в США, циничное и безнаказанное ограбление народа кучкой хищных воротил и всеобщую горячку обогащения, охватившую страну,— нашло свое отражение и в «Оплоте». «Жажда власти и денег словно была разлита в воздухе,— говорит Драйзер в «Оплоте» об Америке конца XIX — начале XX-го вв. «Даже в Дакле (теперь пригород Филадельфии.— Г. М.), этом патриархальном городке... даже здесь,— пишет Драйзер,— Солон уже подмечал

¹ «Оплот», стр. 187.

² «Оплот», стр. 287—288.

³ «Оплот», стр. 280.

у многих фермеров, торговцев и обыкновенных горожан... стремление урвать свою долю добычи». В Филадельфии «совсем недавно клика продажных политиков попала на том, что использовала муниципальные средства для финансирования частных предприятий и для биржевых спекуляций. Их махинации были разоблачены и планы сорваны, но только одного человека удалось арестовать и засудить... Большинство дельцов помельче и просто зажиточных граждан тянулось к тем, у кого была сила, власть и успех, в убеждении, что собственное их благополучие зависит от ума и способностей этих финансовых воротил...» А эти последние «охотно, даже с радостью, преклоняли колена перед еще более крупными представителями местной финансовой олигархии — Биддлами, Дрекселами, Уайденерами, или же такими пью-йоркскими магнатами, как Вандербильты, Гульды, Морганы, Рокфеллеры. Видимо, всякому, кто занимался банковским делом, полезно было соприкоснуться с этими и подражать их примеру»¹.

Наконец, на страницах «Оплота» нашла свое отражение напряженная классовая борьба в США в годы кризиса (1919—1922), до которых доведено действие романа. Мимо внимания героя романа, Солона Барнса, не прошли «разговоры о том, что рабочие не получают за свой труд справедливого вознаграждения», что в стране «один за другим возникали профессиональные союзы, выдвигались настойчивые требования восьмичасового рабочего дня». В самой Филадельфии, на большой ковроткацкой фабрике Уилкерсона, одного из сотрудников банка, где работал Солон, «вспыхнула забастовка, и во всем городе только об этом и говорили. Уилкерсона обвиняли в том, что... он или его приказчики беспрестанно снижают сдельные расценки, так что заработка его рабочих не хватает даже на то, чтобы кое-как прокормиться. Забастовщики вели борьбу, выставляли пикеты у фабричных ворот, не пропуская набранных Уилкерсоном штрейкбрехеров. И в конце концов Уилкерсон обратился к судебным властям, требуя постановления, запрещающего забастовщикам мешать работе его фабрики»².

Нашедшие место в романе отзвуки классовой борьбы в США начала 20-х годов свидетельствуют о том, что Драйзер в то время, когда создавался роман, понимал, что рабочее движение несет угрозу власти капитала и что капиталисты легко не сдадутся. Именно такие мысли — о страхе американских капиталистов перед будущим и уверенность писателя в грядущих классовых боях в стране — заключены в реплике Уилкерсона на замечание Солона по поводу стачки на его фабрике: «мы должны сплотиться и занять твердую позицию, не то через несколько лет

¹ «Оплот», стр. 115—116.

² Там же, стр. 263—264.

ни один американский предприниматель не будет чувствовать себя хозяином своего предприятия»¹.

Но, к сожалению, несмотря на все достоинства этого произведения, «Оплот», как и все дооктябрьские романы Драйзера,— сочинение глубоко пессимистическое. Ни зашедший в тупик герой романа, ни его автор не находят выхода из уродливой действительности. Более того, после перенесенного испытания и разочарования в своей вере Солон Барнс ищет спасения ... снова — таки в религии квакеров (!) и даже, как свидетельствует изображенный в конце романа символический эпизод с ужом, Барнс находит успокоение в бесконечном смирении и в идее милосердия и любви ко всему живому. Даже Этта, единственная героиня романа, когда-то подававшая надежды своим бунтом против замкнутого и ложного мира Барнсов и вызывавшая глубокую симпатию у читателя, в конце концов, отступив перед действительностью, возвращается в свой дом, утратив всякую надежду на счастье. «Я плачу о жизни»,— говорит Этта в конце романа. И горьким плачем о жизни является сам роман «Оплот». В жизни чувствуют себя хорошо только мелкие душонки, люди интеллектуально и духовно ограниченные, ничтожные, карьеристы и лицемеры, какими изображены в романе сын Солона — Орвил, сотрудники Солона по банку и прочие «деловые люди».

Слабой стороной «Оплота», связывающей его с дооктябрьскими романами Драйзера, является об'ективизм художника в изображении американской действительности. Нам кажется, что в «Оплоте» об'ективизм Драйзера сказывается наиболее сильно. Возможно это объясняется тем, что в образе Солона Барнса писатель пытался сначала изобразить «хорошего человека», что привело только к досадному противоречию: ограниченного и невежественного героя романа Солона Барнса Драйзер явно приукрашивает, поэтизирует. Об'ективизм писателя особенно затрудняет определение отношения Драйзера к героям романа, и прежде всего к Солону Барнсу. Об'ективизм, как кажется, сильно снижает драматизм романа «Оплот», повествование его течет сравнительно вяло, так как отношение автора к главному герою весьма неопределенное, раздвоенное.

Все это снижает художественные достоинства и идейное содержание романа «Оплот».

Написанный в духе критического реализма, роман Драйзера «Оплот» выносит суровый приговор буржуазному обществу, уродующему человеческую жизнь, он дополняет богатую галерею полотен выдающегося писателя, посвященных изображению капиталистической Америки. Перед их жизненной правдой смешной нелепостью выглядят лживые теориейки о «народном капитализме». Бездушная корысть, составляющая сущность всякого

¹ Там же, стр. 264.

бизнеса, уродует и разрушает нормальное человеческое существование — вот основная мысль «Оплота». И жаль, что миру бизнеса писатель в нем так и не противопоставил тот новый мир, мир рабочего класса, в победу которого Драйзер так твердо верил в те годы, когда не только заканчивал, но и переделывал с самого начала свой роман о «хорошем человеке».

Л. Я. КИРИНА

ФУНКЦИИ ФОРМ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ ГЛАГОЛА В ПУБЛИЦИСТИКО-ДЕЛОВОМ ЯЗЫКЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII ВЕКА

Одно из центральных мест в русской грамматике принадлежит глаголу, в системе которого очень важное значение имеет категория времени. Изучение категории времени является, несомненно, актуальной задачей.

Научная грамматика накопила значительный материал о категории времени глагола в современном русском языке (труды А. Х. Востокова, И. И. Давыдова, К. Аксакова, Ф. Буслаева, Л. П. Размусена, А. А. Потебни, А. А. Шахматова, А. М. Пешковского, В. В. Виноградова, Н. С. Поспелова, П. С. Кузнецова и др.).

Хуже обстоит дело с изучением значений и оттенков этих значений временных форм глагола в русском языке на более ранних этапах его развития, хотя известное внимание этому вопросу и уделялось в трудах А. А. Потебни, Е. С. Истриной, В. И. Борковского, Т. П. Ломтева, С. Д. Никифорова, а также в некоторых диссертациях последнего времени¹.

Совершенно недостаточно изучены функции временных форм глагола в языке XVIII века, являющегося одним из важнейших периодов в развитии русского языка, периода, когда формировался русский национальный язык.

Целью настоящей статьи и является описание значений и оттенков значений форм прошедшего времени глагола, особенностей их употребления, а также описание тех синтаксических условий, в которых выявляется то или иное значение, в публицистико-деловом языке первой трети XVIII века.

¹ См. диссертационные работы Т. С. Розановой «Настоящее и будущее простое время глагола в памятниках русской письменности XI—XIV веков» (1952); О. Т. Бархатовой «Система спряжения глагола в деловой письменности северо-западной Руси XII—XV вв.» (1955); М. Н. Кожипой «Морфология глагола в «Ведомостях» Петровского времени» (1953); В. Приходько «Формы и категории глагола в произведениях А. Д. Кантемира» (1953) и некоторые другие.

Материалом для исследования послужил в основном язык такого интересного памятника первой трети XVIII века, как «Книга о скудости и богатстве» И. Т. Посошкова¹.

Временные формы этого памятника обследованы исчерпывающе.

Кроме того, был учтен материал, содержащийся в других деловых документах первой трети XVIII века.

История форм прошедшего времени в русском языке на протяжении эпох, засвидетельствованных письменными памятниками, как известно, в общих чертах сводится к тому, что вместо разрушавшейся древней системы многочисленных прошедших времен постепенно утверждается одна форма прошедшего времени, именно перфект, который принимает на себя функции всех исчезнувших времен. При этом на протяжении эпох меняется и сама внешняя форма перфекта. Из формы сложной, аналитической он постепенно превращается в простую, синтетическую форму. Процесс этот чрезвычайно длительный, имевший место на протяжении нескольких столетий и уходящий своими корнями в глубокую древность.

Основную роль в вытеснении простых форм перфектом сыграло изменение значения перфекта. Если первоначально перфект обозначал качество, свойство субъекта, в настоящий момент явившееся результатом совершения действия в прошлом, то постепенно он начал выражать действие, происшедшее в прошлом, но результат которого длится и в настоящий момент. Перейдя от значения качества, свойства к значению действия, перфект превращается из причастия в глагол, который постепенно принимает на себя и значения, присущие другим прошедшим временам. Все это делает излишним наличие многочисленной системы времен, и в качестве единственной формы прошедшего времени утверждается перфект.

Итак, перфект становится единственной формой прошедшего времени в русском языке. К XVIII веку этот процесс был полностью завершен. В исследованном памятнике XVIII века «Книге о скудости и богатстве» прошедшее время представлено формой на — л. Имеется лишь самое незначительное количество форм аориста и имперфекта, которые, несомненно, употреблены с стилистической целью, с целью создания колорита «высокого» слога в некоторых местах книги.

Никакого особого значения, как это было в древности, эти формы не выражают, а употребляются с разнообразными оттенками значения, т. е. аналогично перфекту.

Таким образом, в «Книге о скудости и богатстве» единственной формой прошедшего времени следует признать форму на — л.

¹ К примерам из этого памятника далее даны лишь страницы текста по изданию А. Н. СССР, М., 1951.

Как показало исследование, указанная форма в зависимости от контекста может выражать самые разнообразные оттенки значения.

Употребление форм прошедшего времени несовершенного вида для обозначений действий, имевших место в объективно-прошедшем времени

1. Наиболее часто формы прошедшего времени несовершенного вида употребляются в памятнике в имперфективном значении, т. е. обозначают длившиеся в прошлом действия, протекавшие как непрерывный процесс или же повторявшиеся безотносительно к его результату в настоящем. В пределах этого значения материал памятника позволил выделить такие оттенки:

1). Формы прошедшего времени несовершенного вида обозначают действия, протекавшие в прошлом длительное время как один непрерывный процесс. Временные границы протекания действия могут быть обозначены специальными словами, но чаще расширенность временных границ действия в прошлом вытекает из смысла всего высказывания. В случае употребления частицы «не» форма прошедшего несовершенного обозначает отрицание наличия такого действия в прошлом.

Примеры:

...плохо им было над нами ломатца тогда, когда сами наши монархи в купеческия дела **не вступали**, но **управляли** бояря (123); ...зделают они, иноземцы, прибыли себе по миллиону, почему что бояря **не ставили** купечества ни в яишную скорлупу... (123); И того ради всяк их **боялся**... и перед ними **не смели** никто и слова молвить (97).

Примеры, где прошедшее несовершенное имеет то же значение, но длительность в прошлом указана специальными словами:

И один **сидел** на Устюжне Железной судьейю годы с три и болши... (97); ...а который человек ево привел, посажон был в острог и **сидел** тот приводец недель с пятнатцать... (56).

2). Другим оттенком имперфективного значения является такое значение, когда форма прошедшего времени несовершенного вида обозначает действие, длившееся в прошлом, но при этом повторявшееся:

...а сам он домо был и по деревням шестерлом **розежжал** и соседей своих **разорял** (95); Я, на денежном дворе будучи, **ставил** станы денежные, в коих денги и манеты печатаются... (202); Оконечных стекол ящик **покупали** по три рубли, а ныне продают по десяти рублей (124).

3). Формы прошедшего времени несовершенного вида могут иметь имперфективно-качественное значение. В таком случае указанные формы обозначают длившиеся в прошлом повторяющиеся или протекавшие непрерывно действия, которые указывают в то же время на свойство или качество субъекта.

Примеры:

...а он, Мякинин, **любил** деньги, а даром он никому ничего не делал (112); А и пищу Христос **требовал** простую без приправы (134); ...он, будучи в судеистве, **не смотрил** на правду, **но смотрил** на деньги (112).

II. Формы прошедшего несовершенного могут выражать аористическое значение. Это такие случаи, когда указанные формы безотносительно к настоящему обозначают лишь сам факт наличия действия в прошлом без отношения также к его длительности или повторяемости, т. е. указывают лишь на то, было действие в прошлом или не было. Таких примеров относительно мало. Причем это обычно такие глаголы, как **видел** (видал), **слышал** (слыхал) и др. Это подтверждает положения акад. В. В. Виноградова и Н. С. Пospelова о том, что основным значением прошедшего несовершенного является значение имперфективное. Как видим, то же самое мы находим и в языке памятника XVIII века.

Примеры:

Я истинно **видел**, в Санкт-Петербурге солдат купил мяса на грош... (51); **Видел** я, российские червонцы состроены манером и мастерством самые чистые, а существом уронены... (238); В прошлом 717 году **ехал** я Ладоским озером и **видел**, по берегам и по островам лежит дубовых лесов множество... (201); Истинно, **слыхал** я от солдат и такую речь... (44).

III. Формы прошедшего несовершенного употребляются в памятнике в значении плюсквамперфектном, т. е. обозначают прошедшее действие, которое предшествовало другому действию, состоявшемуся тоже в прошлом. Но следует заметить, что это значение «в чистом виде» не встречается. Оно совмещается или с имперфективным значением или с аористическим. Другими словами, формы прошедшего несовершенного, выражающие имперфективное или аористическое значение, могут в то же время выражать предшествование другому прошедшему действию.

а) Примеры, где имперфективное значение совмещается с плюсквамперфектным:

Видел я по степям много таких паросников, иные в человеке вышиною, а иныя сажени в две **были**, да все **погорели и пропали** (17й); ...и что там ни было, все то **згнило и пропало** (200); И в такое протяжное время многие и **уходили**, а, ушод, пуше старого **воровали** (18).

б) Примеры, где аористическое значение совмещается с плюсквамперфектным:

А с нынешнего московского смотру нивесь зачем существо их позамялось, **писали** они с Москвы о себе, будто по прежнему судьями им быть, обаче то их намерение **не состоялось**... (97); За серной прииск, истинно не лгу, **обещал** мне князь... такое... награждение, что ни детям де твоим ни внучатам не про-

жить будет, а сошлось мне жалованья толко пятьдесят рублей (150).

Употребление форм прошедшего времени совершенного вида для обозначения действий, имевших место в объективно-прошедшем времени

Формы прошедшего времени совершенного вида на —л в памятнике употребляются с такими основными значениями, как аористическое и перфектное. В пределах этих основных значений материал памятника позволил выделить целый ряд оттенков. Однако, встречено много и таких примеров, где аористическое и перфектное значение совмещаются.

Таким образом, материал памятника позволил установить, что так же, как и в современном языке, форма прошедшего совершенного «хранит в себе пережитки давних соотношений форм времени, но приспособляет их к новой системе видов и времен»¹ и что в прошедшем совершенном «слились и смешались некогда дифференцированные значения перфекта и аориста»².

I. Отметим, во-первых, аористическое значение форм прошедшего времени совершенного вида. Примеров с таким значением встречено достаточное количество. В этом случае формы прошедшего совершенного обозначают однажды происшедшие в прошлом действия, результат которых безотносителен к настоящему, т. е. устанавливают лишь факт наличия или отсутствия действия в прошлом. Примеры:

...а в том 719-м году, не вем по какому случаю, дву ево сынов **записали** в службу, обаче все записаные и незаписаные большую половину домо живут... (94); ...а иереем и служителем церковным не **повелел** земли давати, яве есть, дабы прилежны были к церковному служению, и **повелел** им питаться от церквы... (35).

Если формы с аористическим значением находятся в цепи форм, то они обозначают последовательно сменявшие друг друга действия, происшедшие однажды в прошлом, результат которых безотносителен к настоящему. Примеры:

И те татарове **увидели**, что почали ружье заправлять, **скачили** вдруг, ружья им заправить не **дали** и всех, что овец, **погнали** в свою землю с полковником (48); В Крымской поход не **мог** он отбыть, чтоб нейтить на службу, то он **послал** вместо себя убого дворянина, прозванием Темирязева, и дал ему лошадь да человека своего... (95).

II. Во-вторых, отметим употребление в памятнике форм прошедшего времени совершенного вида в перфектном значении.

В случае употребления прошедшего совершенного в пер-

¹ В. В. Виноградов, Русский язык. Учпедгиз, 1947, стр. 565.

² Там же.

фектном значении указанная форма обозначает действия, происшедшие в прошлом, но результат которых налично и в настоящий момент.

В результате проведенного анализа явилась возможность установить следующие оттенки перфектного значения:

1) Прошедшее совершенное имеет перфектное значение с ярко выраженным результативным оттенком.

Здесь выделим такие два случая:

а) Форма прошедшего времени совершенного вида выражает наличное в настоящий момент состояние, в котором пребывает субъект, явившееся результатом совершения в прошлом того или иного действия. Примеры:

...правды совершенныя без основателнаго изложения никоими мерами уставити невозможно, понеже в нас неправда велми твердо **въкоренилась** (92); И за помощию божиею, аще я за такое дело великое и ничем и не взыскан, обаче, слава богу, что военное дело **управилось** (150); А они, пришед в нашу землю, ценя наши денги, да всяким своим товарам цену **возвысили** (124); ...и невозможно правому суду уставитися, аще сто другое судей не падет, понеже у нас в Руси неправда велми **застарела** (90).

Наиболее ярко проявляется такое значение в тех случаях, когда вслед за формой прошедшего времени идет форма настоящего времени, которая выражает действие, завершающее собою действие, выраженное формой прошедшего времени, и являющееся результатом последнего. Примеры:

И се уже другой год, **збежали** прошлаго 722-го года июля 9-го числа, а и поныне **ж и в у т...** (99); И я по две дубины здоровые **сплотил** и станы в них **поставил**, то и донные **стоят** невредны (202—203); А и прежде сих времен многия дворяня, на службе не быв, да **добились** к делам и **ж и в у т** у наживочных дел (96).

б) Форма прошедшего совершенного не выражает наличное в настоящий момент состояние субъекта, явившееся результатом совершения в прошлом действия. Действие, напротив, полностью исчерпало себя в прошлом, но все же оно соотнесено с настоящим моментом тем, что результат этого действия резко ощущается в настоящем как отсутствие того или иного сочетания признака с субъектом, которое могло бы иметь место в настоящий момент, не произойди это действие в прошлом.

Примеры:

И были они толко по половине стула **въкопаны** в землю и те стулы в три года все **пропали** (202); ...и что там ни было, все то згнило и **пропало...** (200); В душевном следовании труда много подъято, а и казны, чаю, тысячу десятка два **истошилось** на него, обаче, чаю я, что она вся туне **пропала** и труд весь ни во

что... (179) ...и где уже построены были, помещики **раззорили** и зборы **остановили**.

2) Прошедшее совершенное имеет перфектное значение с оттенком качественности. В этом случае форма прошедшего времени совершенного вида выражает наличное в настоящий момент состояние субъекта, явившееся результатом совершения в прошлом того или иного действия и являющееся в то же время показателем свойства, качества субъекта в настоящий момент или средством характеристики того или иного лица.

Примеры:

· От презвитерскаго небрежения уже много нашего российскаго народа в погибельные ереси **уклонились** (21); ...но есть еще и такие презвитери, что и потакают им, и того ради церкви все уже **запустели** (21); И крестьяне, оставя свои дома, бегут от неправды и Российская земля во многих местах **запустела**... (92); Только разве останутца те беглецы, кои **бежали** за рубежи... (104).

3). Говоря об употреблении форм прошедшего времени совершенного вида нельзя не обратить внимания на своеобразное употребление сочетания глагола «стать» в прошедшем времени с инфинитивом глагола «быть». Такое сочетание встречается в памятнике около 20 раз и в большинстве случаев имеет ярко выраженное перфектное значение. В целом это сочетание обычно входит в состав сложного сказуемого и показывает, что субъект получил тот или иной признак в прошлом и что этот признак сохраняется и в настоящий момент.

Примеры:

...ни от чего иного **плох стал быть** лов, токмо от того, что мелодую рыбу выловят, то не ис чего и большой быть (176); И по такому уставу **стали быть уставщики** цене мужики, а не судьи... (226); И за тем клеймением **свободно стало быть** и не заклеяемыми котлами курить вино (229); И от тоя свободы питейные зборы весьма **стали быть плохи** (229); А иные помещики и такая есть, что и целовалников быют... и по такому их озорничеству **стали они быть** государю своему **противники**, а не слуги (221); Ныне многие жалуются на рыбу, глаголя: «**Плох де лов стал быть** рыбе» (176).

III. Исследование показало, что в форме прошедшего совершенного аористическое и перфектное значение могут совмещаться. Акад. В. В. Виноградов, указывая на то, что в современном русском языке прошедшее совершенное сохраняет в себе пережитки давних соотношений форм времени, пишет: «На этой исторической почве сложились разнообразные значения и оттенки современного употребления формы прошедшего совершенного вида на — л. Тут наблюдается целая гамма переходных оттенков от перфектного значения к аористическому»¹.

¹ В. В. Виноградов. Русский язык, Учпедгиз, 1947, стр. 565.

В «Книге о скудости и богатстве» в тех примерах, где в форме прошедшего совершенного аористическое и перфектное значение совмещаются, в одних случаях преобладает аористическое значение, в других — перфектное. В зависимости от этого мы и выделяем два оттенка такого значения.

1). Примеры, где в формах прошедшего совершенного аористическое значение преобладает над перфектным:

Того бо ради и святыи апостол Павел **написал**, еже подобает в нас ересем быти (28); ...напечатать книг, колико надлежит, «Камень веры», иже блаженныя памяти преосвещенный резанский митрополит Стефан Еворский **сочинил**... (27); И те выше помянутые денги с примесом серебра на успели начатися, ажно и воровские **появились** (240).

2). Примеры, где в формах прошедшего совершенного перфектное значение преобладает над аористическим:

...або аще и не велика сия книжица, обаче едва от многосуетий своих в три лета ю **совершил** (244); ...и донесли его царскому величеству, будто от того приходу будет збору посполнее казне, и тем они государя своего **оболгали** (229); ...великий де озорник и губитель, человек де пять-шесть **пошло** от ево рук, однако, судьи милостивые **помиловали** ево (159).

Употребление форм прошедшего времени совершенного и несовершенного вида, когда они используются для обозначения объективно-непрошедшего времени

А. А. Шахматов в «Синтаксисе русского языка» (1941), разбирая значения форм прошедшего времени, останавливается на оттенках значений этих форм, когда они употребляются для обозначения действий, реально происходивших в прошлом. При этом он отмечает лишь один случай употребления формы прошедшего совершенного в значении объективно-будущего: «Отмечу,— пишет он,— значение: я пошел в значении я сейчас пойду»¹.

А. М. Пешковский наряду со случаями употребления прошедшего совершенного в значении будущего типа, указанного А. А. Шахматовым, выделяет также случаи употребления прошедшего вместо будущего «для изображения предполагаемых в будущем фактов как бы уже прошедшими»². (Жизнь наша скоротечна, а любовь еще скоротечнее, особенно у богатых женщин. Полюбит, ну и блажен, во всем довольстве; а вдруг увидит офицера и **разлюбила**, и опять в бедность. (Островск., Богатые невесты))³.

¹ А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, 1941, стр. 489.

² А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, Учпедгиз, 1956, стр. 210.

³ Там же.

Акад. В. В. Виноградов вслед за проф. Д. Н. Кудрявским считает, что «для системы времен современного русского глагола характерно морфологически подчеркнутое противопоставление форм прошедшего времени и форм настоящего — будущего времени»¹, что «грамматическая сфера прошедшего времени наиболее глубоко и резко очерчена в русском языке»², что прошедшее время — «сильная грамматическая категория».

Этим объясняет В. В. Виноградов тот факт, что формы прошедшего времени редко выражают иные временные планы (план будущего или настоящего времени). «Поэтому-то, — пишет он, — формы прошедшего времени с трудом и сравнительно редко поддаются субъективному переносу в план будущего или активного настоящего»³.

В. В. Виноградов, однако, указывает на некоторые случаи, когда формы прошедшего времени употребляются в значении непрошедшего времени. Это такие случаи, как экспрессивное употребление форм прошедшего времени (Плакали мои денежки, Пропала моя головушка!). Для такого экспрессивного переноса, по словам В. В. Виноградова, «всегда есть особая стилистическая мотивировка»⁴.

В. В. Виноградов приводит также некоторые случаи употребления форм прошедшего времени в составе сложного синтаксического контекста в значении объективно-будущего времени и условного наклонения.

В книге «Современный русский язык. Морфология» (изд. МГУ, 1952) на стр. 301 читаем: «Круг значений прошедшего времени очерчен, несомненно, с большей четкостью, чем круг значений настоящего и будущего времени. Прошедшее время выражает главным образом действие, отнесенное к прошлому».

В качестве употребления прошедшего в значении других времен в этой книге приводятся примеры типа «Ну, я пошел» и примеры, когда прошедшее совершенное употреблено в перфектном значении (Тучи закрыли небо). Мы считаем между прочим, что отнесение перфектного значения к подобному употреблению неверно, ибо перфектное значение это есть все-таки значение объективно-прошедшего времени с некоторыми особенностями.

Проф. А. Н. Гвоздев в книге «Современный русский литературный язык» (ч. 1, 1958) пишет на стр. 315, что форма прошедшего времени «всегда обозначает прошлые действия и состояния и в этом отношении характеризуется большей определенностью по сравнению с формами настоящего и будущего вре-

¹ В. В. Виноградов. Русский язык, Учпедгиз, 1947, стр. 543.

² Там же.

³ Там же, стр. 543—544.

⁴ Там же.

мени, которые в известных условиях обозначают действия, относящиеся к прошлому, настоящему и будущему.

В своих «Очерках по стилистике русского языка» (1952) А. Н. Гвоздев указывал на случаи экспрессивного употребления форм прошедшего времени в значении будущего.

То же находим в книге «Современный русский язык» Е. М. Галкиной-Федорук, К. В. Горшковой, Н. М. Шанского (1957): «Формы прошедшего времени очень редко переносятся в план будущего или настоящего времени. В отдельных, экспрессивно окрашенных контекстах возможно употребление формы прошедшего совершенного вида в значении будущего, например: Отнимите у меня перо — и я помер...»¹

Наши наблюдения показали, что формы прошедшего времени могут употребляться для обозначения иных временных планов не так уж редко, как это считается.

В «Книге о скудости и богатстве» можно отметить целый ряд случаев употребления форм прошедшего времени для обозначения объективно-непрошедших действий, состояний:

1. В нескольких случаях формы прошедшего совершенного употребляются в экспрессивном значении, выражая такое действие, которое неизбежно, вне всяких сомнений произойдет в будущем.

В пределах этого значения выделяем два случая:

1). Форма прошедшего времени совершенного вида выражает единичное действие, которое неизбежно, вне всяких сомнений произойдет в будущем. Примеры:

А буде кто тайно товару своего продать не может, то токмо одну пошлину заплотит по пяти копеек с продажи, а та вся **пропала** (209); Из воды колико ни есть либо кто и добудет, а из-за моря данные денги за питье никогда к нам не возвратятся, но те денги и (с) царства уже **погибли** (136—137).

2). Форма прошедшего совершенного в зависимом предложении обозначает такое действие, которое неизбежно, вне всяких сомнений **неоднократно, много раз** произойдет в будущем и неизбежным следствием которого будет совершение другого такого же действия, представленного в сказуемом главного предложения.

Сказуемое главного предложения в наших примерах выражено: формой прошедшего времени совершенного вида, имеющей также значение неизбежного будущего (1-й и 2-й пример); формой будущего времени совершенного вида в значении долженствования (3-й пример); формой сослагательного наклонения (4-й пример). Примеры:

1 ...то и о таковых отнюд бы не таили и их бы не опасались,

¹ Е. М. Галкина-Федорук, К. В. Горшкова, Н. М. Шанский. Современный русский язык, Учпедгиз, 1957, стр. 355.

потому что им уже конец будет, свободы по прежнему уже не будет им, но что **попал**, то и **пропал** (155);

2. И аще такой краткостной суд будет ворам и разбойникам, то им страшнее жестоких смертей будет, понеже кой разбойник ни попадетца, то уже взвороту ему не будет и по прежнему долго жить не станет, что **попал**, то и **пропал** (70—71); 3. И тако всякой порутчик, что в руке своей **написал**, то и **за платит** и по такому регулу никогда бы порутчики от поручения своего не разорялись и ручатца бы стали охотнее (111); 4). Так надобно кабаки устроить, буде кто, путем идучи днем или ночью, что до кабака **дошел**, то уже **бы** безпечен **был** (242).

II. Формы прошедшего времени в нескольких примерах выступают в обобщенном значении. В этом случае не ощущается конкретного временного плана, плана объективно-прошедшего времени. Напротив, временной план мыслится неопределенно и обобщенно. Обычно в таком значении употребляются формы прошедшего совершенного. Таких примеров в памятнике мало. Примеры:

А на что бы того лучши, что в коем городе кто **служил**, то там бы их и считать (77); Аще бо лен и пенку, за море не возя, делать тут, где что **родилось**, то тыя полотна заморскаго въдвое или вътрое дешевле ставитца станут, а люди бы российския богатылись (146); А кое дерево видится аще и здорово, а от древности оно **покраснело**, и такова дерева отънюд в карабельное строение не надлежит класть, того ради, что и оно непрочно (201); И к сочинению тоя судебныя книги избрать человека два или три из духовнаго чина... и от солдат, кии смыслены в службах и в нуждах **натерлися** и правдолюбивые, и из людей боярских, кии за дела ходят и из фискалов (82).

III. Отметим также употребление форм прошедшего времени в значении условного наклонения.

Примеры:

Я мню, аще бы пищею и одеждою довольны были, то чаю, что и служба у них въдвое **была** (была бы) (51); Время **было** (было бы) уже им прежняя своя гордость и отложить, плохо им было над нами ломатца тогда, когда сами наши монархи в купеческия дела не въступали... (123); То бы указ прав был, естли бы написан был... с подлинным расположением ...за какую вину брать зажилых денег по сту рублей и за какую вину брать по двадцати рублей и за какую вину и не **довелось брать** (и не довелось бы брать) зажилых денег (100); И считать бы не десять лет спустя, но приняв казну... да и считали бы тутошныя судьи безъотложно, то бы всякому служителю легко было служить и отчитатца не трудно, потому что всякое дело ис памяти еще не **вышло** (не вышло бы) (77).

IV. Интерес представляют в этом отношении также случаи

употребления форм прошедшего времени как совершенного, так и несовершенного вида в зависимых предложениях.

С. Д. Никифоров в книге «Глагол его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века» отмечает, что в живой речи ко второй половине XVI века «употребляется единая форма прошедшего времени (в которую трансформировался древнерусский перфект и для которой условно сохранено это старое название), дифференцирующаяся в видовом отношении составом основ»¹, и разбирает значения этой формы в зависимых предложениях. Он выдвигает такие положения по данному вопросу:

1). «Перфект совершенного вида обозначает действие, предшествовавшее действию, выраженному глаголом — сказуемым главного предложения. Примеры: И на которую половину доведут, что оне **солгали**, и ис тех людей изо ста человек выбрати прикащиков и лучших хрестиян человек пять или шесть бити кнутом...»².

«Если сказуемое главного предложения имеет форму прошедшего времени, то перфект, выражая предшествующее ему действие, получает плюсквамперфектное значение. Примеры: А то греки забыли, яко знамение господь бог **показал** над фараоном, царем египетским, морем **потопил** его и велмож его для того, что он израильтян поработил...»³.

2). «Перфект несовершенного вида тоже выражает действие, предшествующее действию, выраженному глаголом — сказуемым главного предложения преимущественно в непрошедшем времени. Примеры: И поваров и хлебников, которые бережно **стряпали**, а не **пили**, ино всех прохладит и накормит и напоит...»⁴.

Если же сказуемое главного предложения имеет форму прошедшего времени совершенного вида, то перфект несовершенного вида в зависимом предложении может обозначать действие, которое в какой-то своей части совпадало в прошлом с действием, обозначенным глаголом-сказуемым главного предложения. Пример: И ваши Колыванские люди, которые **были на море**, поймали псковитина гостя... и иванегородцев гостей⁵.

Наши наблюдения показали, что если форма прошедшего времени употребляется в зависимом предложении, которое подчинено предложению со сказуемым, **выражающим об'ективно-будущее время** (например, формой будущего времени, употребленной в значении будущего об'ективного или инфинитивом долженствования или другими формами, выражающими дол-

¹ С. Д. Никифоров. Глагол его категории и формы в русской письменности второй пол. XVI в., Изд. АН СССР, 1952, стр. 183.

² Там же, стр. 159.

³ Там же, стр. 160.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

женствование), то форма прошедшего времени зависимого предложения обозначает действие, которое произойдет в объективно-будущем времени, но которое говорящий хочет представить как уже осуществившееся по отношению к будущему времени главной части. Таким образом, оно имеет значение **прошедшего в будущем**.

Это значение, как видим, весьма близко к тому значению, которое выражалось в древнерусском языке формой «буду-ль».

Примеров подобного употребления в нашем памятнике встретилось очень много, причем в таком значении широко употребляются как формы прошедшего совершенного, так и формы прошедшего несовершенного. Такое употребление наблюдается обычно, как было сказано выше, в таких зависимых предложениях, которые зависят от главного предложения со сказуемым, **выражающим долженствование и определяющим общий временной план предложения как объективно-будущее время**. В этом случае формы прошедшего времени выражают следующие оттенки значений прошедшего в будущем:

I. Формы прошедшего времени обозначают действия, которые произойдут в объективно-будущем времени и будут предшествовать другому объективно-будущему действию, данному в сказуемом главной части. Это значение можно назвать **предбудущим**.

а) Примеры с прошедшим несовершенным:

А буде на кого в дву или в трех деревнях **скажут** согласно, что разбой он **держал**, и выехав ис тех деревень приехав во иные деревни, такожде сперва **спросить** у старосты (156); ...а буде кто кого прикроет, а последи **уведомитца**... что они **ведали** про их воровство, а не сказали, то те люди сами **постражут**... (155); Который подьячей из коего дела **делал** выписку, тот **бы и подписал** под тою выпискою... (59).

б) Примеры с прошедшим совершенным:

А буде ни купец, ни продавец, не **объявят**, что у них торг **сошелся** тайной, а со стороны доведет на них, то потому **взять** денги и товар со штрафом... (127; И аще кто **скажет** перед судьей прямо, что он по научению того суперника, кой на него слался, **сказал** ложно, то та вина **разделить** на двое... (166); и по окончании года в конце тоя книги **написать** всех... чтоб всякого дворянина сыскать мочно было... колико кой дворянин вина **взял**... (231).

Если придаточное с будущим занимает место перед придаточным с прошедшим, выражающим предбудущее по отношению к будущему предыдущего придаточного, то формы прошедшего времени (как несовершенного вида, так и сов. в.), употребляемые в придаточном для выражения этого предбудущего, не могут быть заменены формами будущего времени.

Так, вместо «А буде **станет** **запиратна**, то **пытать**

ево... и спрашивать, где приставал и где стан имели...» нельзя сказать «А будет станет за пиратца, то пытаться ево... и спрашивать, где будет приставать и где стан будут иметь» (где пристанет и где стан займут). Также и прошедшее совершенное в этих случаях не подлежит замене, ибо вместо «И егда тот приежжей человек дело свое управит, то... подписать... колико дней или недель пожил» нельзя сказать «И егда тот приежжей человек дело свое управит, то... подписать... колико дней или недель поживет».

То же самое, вместо «И с розыску еще явитца, что они то учинили не ради какова воровства... а за ту вину... чинить сугубо» нельзя сказать «И с розыску еще явитца, что они то учинят не ради... воровства... а за то чинить сугубо», ибо смысл фразы опять-таки исказится.

Таким образом, формами будущего времени невозможно выразить значения предбудущего именно с тем оттенком, который свойственен формам прошедшего времени.

То же самое мы наблюдаем и в современном языке. Так в предложении, взятом из современного делового языка «В тех случаях, когда истица представит к делу доказательства, что она до предъявления иска принимала меры к получению алиментов с ответчика, но не могла их получить... суд в зависимости от обстоятельств дела может взыскать с ответчика алименты за прошлое время...»¹ — формы «принимала», «могла» невозможно заменить формами будущего времени «будет принимать», «сможет». Если же формы прошедшего времени стоят перед придаточными с формами будущего времени, замена формы прошедшего времени совершенного и несовершенного вида формой будущего времени вполне возможна. Однако, в случае такой замены меняются и оттенки значений этих форм. Так, если форма прошедшего времени имеет значение преждебудущего действия, которое мыслится уже как осуществленное в будущем, как прошедшее в будущем, то когда мы заменим эти формы прошедшего времени формами будущего, то последние уже будут выражать лишь последовательность действий в будущем. Например, в предположении «А буде кой хмель или мед в таможе не был и бурмистр выпись дал, а последе осмотрят лавошники или кто ни есть, что есть подмесь, то взять штраф...» (165), формы **был, дал**, выражающие предбудущее, можно заменить формами **будет, даст**, но они будут уже выражать последовательность будущих действий: «А буде кой хмель или мед в таможе **будет** и бурмистр выпись **даст**, а последе **осмотрят** лавошники... что есть подмесь, то **взять** штраф...».

2. Далее укажем, что в указанных конструкциях форма про-

¹ Кодекс законов о браке, семье и опеке РСФСР, Госюриздат, 1954, стр. 50.

шедшего времени может обозначать не только предбудущее, но и **послебудущее**.

В этом случае форма прошедшего времени, употребляемая в придаточном предложении, изображает объективно-будущее действие как действие уже совершившееся, причем совершившееся после другого будущего действия, выраженного формой будущего времени в предыдущем придаточном предложении. Однако данная форма опять-таки изображает прошедшее в будущем. Примеры:

И егда тот приежжей человек дело свое **управит**, то... **подписать**... колико дней или недель пожил и оттуды, куды он **поехал**... (163) (сначала управит, а затем лишь он поедет); ...аще кто беглаго человека **примет** на житье к себе в проки во крестьянство и принял хотя сам помещик... единаче зажилые денги **брат** на помещике том, в чьей деревни **жил**... (101) (сначала примет, а затем уже будет жить); Какой человек ни **увидит** нишаго здорового, то, ухвата бы его, **привел** в приказную палату, и записать, где ево **взял**... (106), (сначала увидит, потом возьмет).

В примерах этого типа формы прошедшего времени хотя и поддаются замене формами будущего времени, но с большим трудом. В случае такой замены меняются оттенки значения. Мало того, в случае замены их формами будущего времени, создается впечатление искусственности, между тем как формы прошедшего времени придают смысл живости, образности. Например, живее звучит «Какой человек ни **увидит** нишаго здорового, то, ухвата **бы** его **привел** в приказную палату и **записать**, где ево **взял**... (106), чем «Какой человек ни **увидит** нишаго здорового, то, ухвата, **бы** его **привел** в приказную палату и **записать**, где ево **возьмет**...». Последнее предложение звучит искусственно.

3. Отметим и случай, когда формой будущего в первом придаточном и формой прошедшего в другом придаточном обозначено одно и то же действие, которое, следовательно, будет занимать один и тот же временной отрезок. Но сначала об этом действии говорится как о действии будущем, а затем как о действии прошедшем, но по отношению к объективно-будущему времени. В этом случае прошедшее время обозначает такое объективно-будущее действие, которое изображает будущее действие, упомянутое в предыдущем придаточном предложении, как действие уже совершившееся. Получается, что одно и то же действие в предложении сначала представлено как действие будущее и выражено формой будущего времени, а затем как действие прошедшее, но тоже в будущем, при этом оно уже выражается формой прошедшего времени, например: А буде кто **нападет** нагло, похотя кого изубытчить, и егда допряма сыщется, еже **напал** он напрасно, то чего он искал без всякого милосердия

доправить на нем то ж число, чего он искал... (104) (нападет — напал — доправить).

В таком значении выступают, как правило, глаголы прошедшего времени совершенного вида, но иногда и глаголы прошедшего времени несовершенного вида. При этом обычно форме прошедшего несовершенного в одном придаточном соответствует форма будущего несовершенного в другом придаточном и наоборот, например:

И **буде** **станет** **учить** с прилежанием, и **буде** **выучит** против себя, то **на д л е ж и т** ему плаги договорная **д а т ь**... и за то, что он нескрывает **учил** и скоро **выучил**... (143) (станет учить (несов. в.) — учил (несов. в.); выучит (сов. в.) — выучил (сов. в.)).

Однако такое соответствие может и не наблюдается, например: А **буде** кто **наловит** недорослой рыбы... и еще кто с той рыбью поймает и приведет в суд, то **д о п р а в и т ь** на том, кто ее **ловил**... (177), (наловит (сов. в.) — ловил (несов. в.)).

Еще примеры подобного употребления форм прошедшего времени:... еще кто беглаго человека **примет** на житье к себе в проки во крестьянство и **принял** хотя сам помещик... единаче зажилые денги **б р а т ь** на помещике... (101) (примет-принял); И когда кое урочище все вокруг обмежует и последняя вервь егда **придет** к утину... **н а п и с а т ь** имянно... на которую четверть и на которой градус тыя четверти к утину **пришла** (189) (придет — пришла); А **буде** кто **нападет** нагло, похотя кого изубытчить, и егда допряма сыщется, еже **напал** он напрасно, то чего он искал, без всякого милосердия **д о п р а в и т ь** на нем (104) (нападет — напал).

В таком значении формы прошедшего времени могут употребляться только в придаточных предложениях, следующих вслед за придаточными со сказуемыми, выраженными в будущем времени, ибо весь смысл указанного случая заключается как раз в том, чтобы будущее действие, выраженное формой будущего времени в предыдущих придаточных предложениях, изобразить в последующих как действие уже совершившееся, как прошедшее в будущем. Поэтому придаточное с будущим **всегда стоит в начале всей конструкции, а за ним следует придаточное с прошедшим.**

В некоторых случаях (когда придаточному с прошедшим предшествуют два придаточных с будущим) замена формы прошедшего, выражающего предбудущее, формой будущего времени глагола невозможна.

Так, в предложении «А **буде** кто **нападет** нагло, похотя кого изубытчить, и егда допряма **сыщется**, еже **напал** он напрасно, то чего он искал без всякого милосердия **д о п р а в и т ь** на нем» вместо формы «напал» нельзя употребить форму «нападет», нельзя, стало быть, сказать «А **буде** кто **нападет** нагло, похотя кого изубытчить и егда допряма **сыщется**, что **нападет** он на-

прасно, то чего он искал без всякого милосердия **до править** на нем».

Еще пример подобного употребления формы прошедшего времени:

И буде на тот срок он не **зделает** и челобитчик **придет** пред судью с срочным ерлыком, и по тому ерлыку судье **надлежит призвать** подъячего и **спросить**, чево ради он того дела по слову своему **не зделал?** (73).

В других случаях (когда придаточному с прошедшим предшествует только одно придаточное с будущим) замена формы прошедшего, выражающего предбудущее, формой будущего времени глагола возможна.

Но при этом меняются оттенки значения, ибо если форма прошедшего времени в этом случае употребляется для обозначения действия, названного сначала формой будущего, как действия уже осуществившегося в воображении говорящего, то в случае замены ее формой будущего времени последняя не выражает уже никаких дополнительных оттенков. Налицо лишь простое повторение одной и той же формы.

Ср.: И аще... и с отпуском куды **поедут**... то там сотские... и рядовые крепко бы за нами **смотрели**, туды ли они **поехали** (поедут), куды просились... (152).

Итак, нам удалось установить, что форма прошедшего времени, употребленная в придаточных предложениях, зависящих от главного предложения со сказуемым, выражающим долженствование, обозначает а) предбудущее, б) послебудущее или в) то же действие, которое выражено в предыдущей части сложного предложения формой будущего времени, но во всех этих случаях форма прошедшего обозначает **прошедшее в будущем**. Это их общее основное значение.

Примеров употребления форм прошедшего времени для обозначения **прошедшего в будущем** очень много и в других деловых документах первой трети XVIII века.

Примеры из «Воинского устава» (1716 г.)¹ (далее указаны лишь страницы текста):

Ежели же кто вызывательную цыдулу чрезь слугу своего **пошлетъ**, то имеет оной слуга, если **ведаль**, что вызывательная цыдула **была**, шпицрутень **наказанъ быть** (40—41); Кто прямое оборонительное сопротивление для обороны живота своего **учинить**, и онаго, кто его къ сему **принудиль**, убьеть, оный от всякого наказания **свободен** (56).

Примеры из «Указа о должности фискалов» от 17 марта 1714 г.² (далее даны лишь страницы текста):

¹ В. М. Грибовский. Памятники русского законодательства XVIII столетия. Вып. 1, 1907 г.

² Там же.

...а буде ни въ маломъ не **уличить**, но все доносы его **будут** неправы, однако жъ ежели оной то **учинилъ** ни для какой корысти, или злобы: то **взять** штрафъ съ него легкой... (21) (формы **уличить** и **учинилъ** употреблены синонимично в смысле обозначения объективного плана времени); Буде же Фискаль, какой ради страсти или злобы, **затееть** и предъ судомъ подлинно и истинно отъ того, на кого то **взвелъ**, облечен **будет**: то **оному**, яко преступнику, тожъ **учинить**... (21). Примеры из «Указа о должности генерал-прокурора» от 27 апреля 1722 г.¹ (далее даны лишь страницы текста):

Также накрепко смотреть, чтоб в Сенате не на столе только дела вершились, но самым действием по указам исполнялись, в чем он **должен спрашивать** у тех, кто на что указы **получил**... (10); ...и буде не исполнено, то ему **ведать надлежитъ** для какой причины, невозможность ли какая **помешала**, или по какой страсти, или за леностью, и том немедленно Сенату предлагать должен... (10).

Примеры из «Генерального Регламента» (1720)² (далее даны лишь страницы текста):

...а в небытности Президента отправляетъ вместо его Вице-Президентъ... А ежели кто из членов... **отпущен будетъ**, и потому отпуску на указной срокъ не явится, а доказать не может, что на определенный срок не **явился** за болезнию... то на том **вычесть** изъ жалованья за каждой день по недели... (112).

В современном русском деловом языке формы прошедшего времени также употребляются в разобранном выше значении, т. е. в значении **прошедшего в будущем**. Однако примеров такого употребления, по данным обследованного нами материала (нами обследован в этом отношении материал «Сборника Законов и Указов Верховного Совета СССР» (1938 — июль 1956 гг.), Госюриздат, 1956 г. и «Кодекса Законов о браке, семье и опеке РСФСР», Госюриздат, 1954 г.), относительно немного.

Причем следует сказать, что форма прошедшего времени в подобных случаях в языке современных деловых документов фактически может пониматься и как форма, выражающая объективно-прошедшее время, и как форма, выражающая объективно-будущее время. Так, например, в предложении «Рабочему или служащему, который имеет необходимый стаж, но **прекратил** работу, не достигнув возраста, дающего права на пенсию по старости, пенсия **назначается** по достижении этого возраста» («О государственных пенсиях. Закон от 14 июля 1956 г.», статья 16) форма «прекратил» выражает и объективно-прошедшее время, если применение этого закона мыслится по отношению к лицам, уже прекратившим работу в момент издания закона, и

¹ Указанный сборник В. М. Грибовского.

² Там же.

об'ективно-будущее время или точнее **прошедшее в будущем**, если считать, что этот закон применим и ко многим другим лицам, которые прекратят работу в более или менее отдаленном будущем. С этой точки зрения форма прошедшего времени в данном случае не выражает **конкретного прошедшего действия**, а выражает лишь относительное время и именно **прошедшее** по отношению к действию главного, и вообще носит обобщенный характер.

Еще ярче это значение проявляется в таком предложении: «Если ни один из кандидатов не **получил** абсолютного большинства голосов, соответствующая Окружная избирательная комиссия **отмечает** об этом особо в протоколе...» («Положение о выборах в Верховный Совет СССР, гл. VIII, стр. 105»). В этом предложении форма «получил» может быть легко заменена формой будущего времени «получит»: «Если ни один из кандидатов **не получит** абсолютного большинства голосов...».

В языке законов, таким образом, форма прошедшего времени имеет обобщенное значение и не выражает конкретного об'ективно-прошедшего действия, а всякий раз выражает действие, предшествующее действию главного предложения.

Наряду с формой прошедшего времени, в таком значении в придаточных условных предложениях могут употребляться и формы настоящего времени. Ср., например, такие случаи употребления времен в придаточных предложениях, извлеченные из «Положения о выборах в Верховный Совет СССР»:

Статья 105. Если ни один из кандидатов не **получил** абсолютного большинства голосов, соответствующая Окружная избирательная комиссия... **отмечает** об этом в протоколе.

Статья 106. Если поданное количество голосов по округу **составляет** меньше половины числа избирателей... Окружная избирательная комиссия... **отмечает** об этом в протоколе.

Статья 109. Всякий, кто путем насилия, обмана, угроз или подкупа **будет препятствовать** гражданину СССР в свободном осуществлении его права избирать... **карается лишением** свободы на срок до двух лет.

Все временные формы в данном случае приобрели обобщенное значение, и в этом смысле они синонимичны, причем наиболее обобщенным, абстрагированным значением обладает форма настоящего времени «составляет», наиболее конкретное временное значение сохраняет форма будущего времени несовершенного вида «будет препятствовать». Однако временной план всех трех форм «получил» «составляет» и «будет препятствовать» смещен в будущее, ибо возможна замена форм «получил», «составляет» формами «получит», «составит». Но в случае такой замены утрачиваются и оттенки значения, присущие формам прошедшего и настоящего времени.

Итак, в языке действующих законов, в частности в современ-

ном деловом языке, форма прошедшего времени имеет **обобщенное** значение и временной план этой формы может по отношению к отдельным конкретным случаям быть смещен или в объективно-будущее или же в объективно-прошедшее время, смотря по тому, какие конкретные случаи иметь в виду.

Приведем еще примеры подобного употребления.

Примеры, извлеченные из «Закона о государственных пенсиях» от 14 июля 1956 г. (Примеры цитируются по «Сборнику Законов СССР и Указов Верховного Совета СССР (1938 — июль 1956 гг.)», Госюриздат, 1956 г. и указывается лишь страница этой книги):

Статья 12. Рабочим и служащим, которые в период работы **достигли** возраста, необходимого им для назначения пенсии, но не **имеют** достаточного для назначения полной пенсии стажа работы, однако, **проработали** не менее 5 лет... пенсия по старости **назначается** в размере, пропорциональном имеющемуся стажу... (148); Пенсия по Инвалидности **назначается** рабочим и служащим независимо от того, когда **наступила** инвалидность... (439).

Примеры, извлеченные из «Закона об обязательном складном страховании» от 4 апреля 1940 г. (примеры цитируются по «Сборнику Законов СССР и Указов Верховного Совета СССР (1938 — июль 1956 гг.)», Госюриздат, 1956 г. и указывается лишь страница этой книги):

Госстрах не возмещает убытков во всех случаях, когда гибель или повреждение **произошли** по вине Правления колхоза... (361); Госстрах имеет право оказать в выплате страхового возмещения, если страхователь **не сообщил**, имея к тому возможность, в установленный срок... о гибели или повреждении застрахованного имущества (стр. 362).

Примеры, извлеченные из «Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР», Госюриздат, 1954 г. (далее даны лишь страницы текста):

В случае, если родитель, у которого ребенок **остался** после развода на воспитании, желает присвоить ему свою фамилию, органы опеки и попечительства **разрешают** вопрос в зависимости от интересов ребенка (10); Пасынки и падчерицы **обязаны доставлять** содержание нуждающимся нетрудоспособным отчиму или мачехе в том случае, если они **находились** на иждивении последних в течение не менее 10 лет (11).

Итак, мы установили, что формы прошедшего времени, употребляясь в придаточном предложении, зависимом от главного предложения со сказуемым, выражающим долженствование, обозначают действие, которое реально произойдет лишь в объективно-будущем времени и которое, выражая обычно относительное значение предшествования, и именно предшествования другому объективно-будущему действию, т. е. имея значение предбуду-

щего, не может быть выражено в ряде случаев другими временными формами.

Итак, форма прошедшего времени переносится в иные временные планы не так уже редко, как это считается в современной научной грамматике. Исследование языка деловых документов в этом отношении показало, что форма прошедшего времени как в деловом языке XVIII века, так и в современном деловом языке используется для выражения **прошедшего в будущем**, т. е. выражает относительное значение предшествования, но со специфическим оттенком, отличающим относительное значение предшествования, выражаемое формами прошедшего времени, от относительного значения предшествования, выражаемого, скажем, формами будущего времени.

Особенно часто имеет место подобное употребление форм прошедшего времени в публицистико-деловом языке первой трети XVIII века.

Следует отметить однако, что форма прошедшего времени, употребляясь в придаточном предложении, зависящем от главного со сказуемым, выражающим долженствование, и обозначая действие, предшествующее этому главному действию, может обозначать действие **не прошедшее в объективно-будущем**, а действительно **объективно-прошедшее**. Обычно это примеры с прошедшим совершенным, имеющим ярко выраженное перфектное значение. В этом случае форма прошедшего совершенного выражает наличный в настоящий момент признак субъекта, явившийся результатом совершения в отдалённом прошлом того или иного действия.

Обычно такие примеры относятся к описанию природы: А коя степь гораздо гола и леса **удалели**, то тамошние жители всякой бы к своей деревни занял десятин десяток другой и **вспахал бы** осенью... (173); И с коликими землями та пустош, кою межуют, ни **сошлася**, все **писать** имянно, то уже той меже изменится неможно будет, ни в какия лета она не смешается... (189).

Таким образом, исследование показало, что единственной «живой» формой прошедшего времени в деловом языке первой трети XVIII века являлась форма прошедшего времени на — л. Эта форма могла передавать тончайшие оттенки значения, в том числе и те, которые раньше выражались особыми формами аориста, имперфекта, плюсквамперфекта.

Основным значением форм прошедшего времени несовершенного вида на — л являлось, по данным материала, имперфективное значение с различными оттенками.

Лишь в некоторых, редких случаях прошедшее несовершенное употреблено в аористическом значении.

Формы прошедшего времени совершенного вида на — л

обычно употребляются в аористическом, а также перфективном значении с различными оттенками.

Исследование показало, что в форме прошедшего совершенного аористическое и перфективное значение могли совмещаться.

В публицистико-деловом языке первой трети XVIII века формы прошедшего времени как совершенного, так и несовершенного вида в ряде случаев использовались для обозначения объективно-непрошедшего времени: случаи экспрессивного употребления форм прошедшего совершенного в значении объективно-будущего; случаи употребления форм прошедшего времени в обобщенном значении; случаи употребления форм прошедшего времени в значении условного наклонения; случаи употребления форм прошедшего времени в зависимых предложениях для выражения **прошедшего в будущем**. Последнее значение наблюдается, когда форма прошедшего времени находится в придаточных предложениях, зависящих от главного предложения со сказуемым, выражающим долженствование.

Выражая общее значение **прошедшего в будущем**, указанная форма может иметь различные оттенки и обозначать: а) предбудущее, б) послебудущее или в) то же действие, которое выражено в предыдущей части сложного предложения формой будущего времени и которое говорящий желает представить как уже осуществившееся.

Все многообразие выявленных оттенков значения форм времени глагола говорит о богатстве и выразительности складывавшегося русского национального языка.

Т. И. ВЕЛИЧКО

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СЛОВОРАСПОЛОЖЕНИЯ В РУССКИХ ПОВЕСТЯХ КВИТКИ-ОСНОВЬЯНЕНКО

Г. Ф. Квитка-Основьяненко был первым талантливым прозаиком новой украинской литературы. Большое влияние на его творчество оказала передовая русская литература, которая к 30-м годам XIX столетия уже имела таких мастеров слова, как Пушкин и Гоголь.

Прежде чем начать писать на украинском языке, Квитка свыше 15 лет писал на русском. Это не могло не оказать влияния как на развитие творчества Квитки по пути к реализму, так и на процесс становления языка украинской художественной прозы, первые образцы которой принадлежат перу Квитки-Основьяненко.

Продолжая лучшие традиции украинской литературы, прежде всего творчества Котляревского, находясь под благотворным влиянием прогрессивной русской литературы и критики, писатель проявлял гуманное отношение к народу, сочувствовал его тяжелому положению, осуждал жестокое отношение крепостников к крестьянам.

Однако в своих гуманистических стремлениях Квитка был непоследовательным, ограниченным. Он не осуждал всю крепостническую систему в целом, а лишь отдельных ее представителей в лице самодуров-помещиков и нечестных чиновников, считая, что все бедствия народа происходят от нарушения ими законов, установленных царем и его сановниками.

Поэтому творчеству писателя присущи элементы консерватизма, призывы не выступать против властей, положиться на божью волю, ибо только «высшему судье» подвластны сильные мира сего. К чести писателя, реалистические начала были основными, определяющими в его творчестве. Являясь выдающимся художником, мастером слова, Квитка, в противовес своему консервативному дидактизму, в лучших своих произведениях правдиво нарисовал картины жизни народа, подвергал сатирическо-

му осмеянию отдельные пороки феодального строя и тем самым объективно способствовал его разрушению.

Из произведений Квитки, написанных на русском языке, наиболее примечательной является повесть «Пан Халявский», в которой писатель обстоятельно описывает жизнь украинских помещиков, показывая, как положение феодала-помещика порождает жестокость и эгоизм.

В. Г. Белинский назвал эту повесть превосходной сатирой, написанной рукою отличного мастера¹.

Начиная с середины тридцатых годов XIX столетия изображение пошлости как одной из характерных черт жизни дворянства становится основным мотивом творчества Квитки, что сближает его творчество с творчеством Н. В. Гоголя.

Однако не только в этом проявляются черты сходства творчества двух писателей. Квитка, как художник реалистического направления, стремился быть доступным широкому читателю, в связи с чем использовал различные приемы активизации восприятия читателей, которыми пользовался и Н. В. Гоголь.

Среди них был так называемый прием сказа, позволяющий излагать события от имени рассказчика — свидетеля или участника событий.

Такая манера повествования отражала потребность сближения литературы с жизнью и одновременно с этим сама была фактором развития реализма и народности, т. к. пользуясь ею, писатель должен был правдиво изображать рассказчика, окружающую его среду, его язык — этого требовала художественная правда².

Стиль и язык Г. Ф. Квитки-Основьяненко не одинаков, как не одинаковы и сами повести, рассказываемые не непосредственно автором, а в одних случаях «Грицьком Основьяненко», в других — «паном Халявским».

Своеобразие формы изложения, темы, идеи заставляет писателя каждый раз по-новому отбирать и организовывать языковые средства его произведений.

Поэтому при сравнительно нейтральном языке и стиле повестей, «рассказываемых Грицьком Основьяненко», заметно выделяется своими особенностями повесть о событиях XVIII века «Пан Халявский», написанная в юмористическом плане. Повествование в ней ведется от имени наивного рассказчика Трушка Халявского, который, импровизируя, рассказывает «своими словами» о жизни своей и своих родителей.

Оценивая «Пана Халявского», Белинский характеризовал и её рассказчика: «Этот человек — род малороссийского Митро-

¹ См. В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. IV, изд. АН СССР, М., 1954, стр. 446.

² Подробнее об этом см. Д. Чалый, Г. Ф. Квитка-Основьяненко, вступительная статья к изданию сочинений К.-Основьяненко, 1956 г., т. I, стр. 32.

фанушки, и он выполнил задачу автора как нельзя лучше: словно на ладони видите вы почтенную старину, преисполненную невежества, лени, обжорства и предрассудков... Краски Основьяненко живы, картины уморительно смешны, и, несмотря на то, что местами его рассказ слишком обстоятелен, занимательность нигде не ослабевает»¹.

В «Пане Халявском» рассказчик выступает и как свидетель, и как участник происходящих событий. Все повествование преломляется через его мировоззрение и языковое сознание, в связи с чем возникает иллюзия живого свидетеля-рассказчика с его манерой говорить, словоупотреблением, с его интонацией и синтаксисом². Это не дает возможности провести четкую грань между речью автора и речью персонажей, т. к. происходит частый переход речи автора — наблюдателя в речь участника событий комического персонажа повести, в результате чего стиль повествования переплетается с разговорно-речевым.

Квитка-Основьяненко в «Пане Халявском» вводил разговорный язык совершенно сознательно. Об этом свидетельствует утверждение самого писателя, что рассказчик «иначе и не должен уметь и говорить, как не своим природным по местности языком»³.

Известный русский критик Шевырев писал о Квитке, что у него русское слово в своей малорусской оправе прямо как сорвется с языка, так и ложится под перо, еще горячее, не остывшее, не сбрасывая своего южного колорита»⁴.

Язык у К.-Основьяненко выступает существенным элементом характеристики его рассказчика и действующих персонажей, поэтому вместо обычного живописующего портрета в повестях и рассказах дается как бы слуховой его вариант, представляющий речевую характеристику героя.

Квитка-Основьяненко не стихийно пользовался языковыми средствами, а умело отбирал их, исходя из идейного замысла произведения, темы и характера действующих в нем персонажей.

Язык Квитки, образный, эмоциональный, отличается большим юмором.

Своеобразие языка особенно рельефно проявляется в синтаксической структуре произведений, так как синтаксические средства в ряду других (морфологических, лексических) являются очень многогранными и позволяют проследить индивидуальные особенности языка писателя. По тому, как построено предложение, как сочетаются в нем слова и какой порядок их следования,

¹ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, стр. 399.

² См. об этом В. Гофман, «Фольклорный сказ Даля» — Русская проза, Сборник, Ленинград, 1926, стр. 232—266.

³ Москвитянин, 1849, № 20, стр. 334.

⁴ См. об этом М. Возняк, Г. Квитка-Основьяненко, 1946, стр. 52.

мы различаем стиль того или иного автора, его манеру письма¹. Это обстоятельство и определило интерес автора статьи к синтаксической структуре произведений Квитки-Основьяненко, писателя, обладавшего большой наблюдательностью и чувством юмора, язык которого остается почти неисследованным².

Автор не ставит перед собой задачи в рамках небольшой статьи осветить синтаксические особенности в целом, а лишь останавливается на некоторых из них, проявляющихся в расположении слов, представляющих расхождение с общими нормами современного русского языка и тем самым отличающих стиль его произведений от стиля других русских писателей первой половины XIX столетия.

Для анализа используются русские повести «Пан Халявский», «Ярмарка», «Знахарь», «Ганнуся», «Ложные понятия», помещенные в шеститомном издании сочинений Квитки-Основьяненко³.

Как известно, порядок слов в русском языке относительно свободный, т. е. такой, который дает возможность изменить в предложении местоположение двух взаимосвязанных его членов без нарушения синтаксической структуры и без ущерба основному смыслу высказывания.

Благодаря развитому флективному строю русского языка отношения между синтаксически связанными словами остаются понятными и при изменении их места в предложении. Каждый член предложения не имеет какого-то раз навсегда закрепленного за собой места в фразе, но наряду с этим при определенных грамматических условиях существует более приемлемое расположение связанной пары слов: подлежащего и сказуемого, определения и определяемого, дополнения и дополняемого.

В русском языке выделяется два основных вида порядка слов — прямой и обратный. Прямой порядок слов употребляется главным образом при логическом ударении на подлежащем, при перемене предмета речи, при спокойном течении повествования, в научной речи.

Обратный порядок слов обычно используется во вставочных предложениях, при прямой речи, в вопросительных предложе-

¹ См. э том Ф. Т. Жилко. Питання аналізу мови художніх творів, журн. «Українська мова в школі», № 5, 1952.

² Специальных работ, посвященных языку русских произведений Квитки-Основьяненко, нет. Лишь отдельные вопросы языка его украинских произведений и стиля русских нашли отражение в работах З. М. Веселовской. Мова Квітки-Основьяненка, Наукові записки Харківської н.-дослідної кафедри мовознавства и В. Н. Державина, О русском литературном языке Г. Ф. Квитки-Основьяненко, Стилистические наблюдения над «Похождениями Столбикова».

³ Г. Ф. Квітка-Основ'яненко, твори в шести томах, державне видавництво художньої літератури, К., 1956.

ниях, при логическом и грамматическом подчеркивании того или иного члена предложения¹.

Наличие прямого и обратного порядка слов при отсутствии нарушения правил построения предложения и дает основание говорить о свободном порядке слов, принятом в русском языке. Однако если учесть, что любое изменение в порядке слов вызывает определенные изменения в понимании предложения, меняет весомость отдельных его членов, придавая тем самым новый оттенок тому же высказыванию, то станет совершенно ясным, что свобода порядка слов в русском языке довольно относительна.

Изменение в расположении слов, вызванное стилистическими или смысловыми требованиями, представляет собой инверсию, которая широко используется в русском языке, в особенности в разных видах эмоциональной речи².

Ныне существующий порядок слов в русском языке не есть нечто застывшее, неизменяющееся.

Он изменяется в связи с развитием грамматических отношений между словами в предложении, а поэтому каждой исторической эпохе развития русского языка соответствуют определенные нормы словорасположения.

Порядок слов, господствовавший в конце XVIII — начале XIX столетия, несколько отличался от современного.

В литературном языке XVIII ст. слова в предложении располагались так, что современный читатель не всегда улавливает сразу смысл сказанного.

Так, например, у В. К. Тредьяковского еще встречаются построения с искусственным отдалением сказуемого от подлежащего, определения и дополнения от определяемых и дополняемых слов. «Невозможно, чаю, сперва казалось Лейпцигскому содружеству подражать столь благоуспешно вышереченным оным Академиям, коль те начавши окончили шасливо; подражаеть, и подражало благополучно» (С. П. Обнорский и С. Г. Бархударов, Хрестоматия по истории русского литературного языка, ч. II, вып. 2, 1948 г., стр. 160—161).

В первой половине XIX века, по определению Л. А. Булаховского, происходит «раскрепощение порядка слов», во многом зависевшего от влияний иноязычных образцов³, хотя еще была

¹ О значении прямого и обратного порядка слов см. статью М. И. Воскресенского, К вопросу о словорасположении в русском языке, ж. «Русский язык в школе», № 4, 1936.

² Грамматика русского языка, т. II, ч. I, изд. АН СССР, М., 1954, стр. 660; Н. В. Текучева, Порядок слов именного предложения в современном русском литературном языке, Автореферат диссертации, Ростов-на-Дону, 1956, стр. 2.

³ Л. А. Булаховский, Русский литературный язык первой половины XIX в., т. II, К., 1948, стр. 424.

сильна традиция, унаследованная от латинского языка, проявлявшаяся в отнесении сказуемого на конец предложения, а причастий и деепричастий на конец их групп, после зависимых от них слов, например: «Но увидели молодого Турка за кормило их корабля хватающегося и своего спасения ищущего» (Эмин, Непостоянная фортуна...).

Управляемые слова отрывались от управляющих ими причастий и прилагательных посредством существительных, согласованных с этими прилагательными: «... от мгновенного блеска падающих капель воды с вершины весел» (Радищев). По свидетельству Л. А. Булаховского, в языке того периода «такой порядок слов встречается нередко»¹.

Одной из характерных особенностей порядка слов конца XVIII и первой половины XIX в. является унаследованная от более раннего времени развития русского языка постановка причастий, прилагательных и притяжательных местоимений после определяемых ими существительных:

«Потом, обоготясь корыстями, несметным числом тканей узорчатых, серебра и золота и жемчуга окатного, возвращались домой» (Грибоедов, Загородняя поездка).

«...и вчерашние подозрения изгладились совершенно из головы его» (Пушкин, Капитанская дочка).

Вопрос о порядке слов был самым актуальным вопросом синтаксиса русского литературного языка того периода. По этому поводу академик В. Виноградов говорит: «Когда в начале XIX в. представители новой литературы говорили о старом слоге, то они прежде всего обвиняли его в запутанной расстановке слов и затрудненном движении мысли по тягучим периодам»².

Таковы в основном характерные черты порядка слов, господствовавшего в русском литературном языке эпохи, когда жил и творил Г. Ф. Квитка-Основьяненко.

Современный порядок слов установился уже в связи с творчеством А. С. Пушкина.

Так, по наблюдениям исследователей языка Пушкина³, в «Капитанской дочке» господствующим является прямое словорасположение, примерно около 75% предложений с прямым порядком слов и только около 25% с обратным.

В современном, как и в древнерусском языке, порядку слов

¹ Л. А. Булаховский, Исторический комментарий к русскому литературному языку, изд. 5, К., 1958, стр. 419.

² В. В. Виноградов, Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX в., М., 1934, стр. 38.

³ М. Воскресенский, К вопросу о словорасположении в русском языке, стр. 4.

свойственны три функции: семантическая, грамматическая и стилистическая¹.

Семантическая функция заключается в том, что при изменении порядка слов меняются и смысловые оттенки предложения, грамматическая — в том, что место слова в предложении может изменить его грамматическую характеристику, и, наконец, стилистическая функция — в том, что порядок слов определяет смысловую нагрузку каждого члена предложения, так как изменение его обычного места в предложении обязательно влечет за собой изменение его удельного веса.

Самой большой смысловой нагрузкой обладает слово, поставленное в начале предложения, если это положение для него не является нормой.

Слово, поставленное в конце предложения, может иметь различный удельный вес: самый большой, когда оно является новым в предложении, а все остальные слова — известными; минимальный, если это слово выступает как известное, а все члены как новое².

Исходя из этого, при определении веса слова в предложении необходимо учитывать контекст.

Слово, стоящее рядом с подчеркнутым словом, воспринимается как утерявшее до некоторой степени смысловую нагрузку.

Порядок слов дает возможность выделять в речи то подлежащее, то сказуемое, то второстепенные члены, что изменяет смысловые оттенки предложения, делает речь красочной, эмоциональной.

Учитывая все сказанное, порядок слов любого произведения, в том числе анализируемых русских повестей Квитки, должен рассматриваться в зависимости от существовавших тогда норм словорасположения, а также и от стиля самих произведений.

Наблюдения над словорасположением в русских повестях Квитки-Основьяненко дают основание утверждать, что в них господствующим является прямой порядок слов.

Нарушение его в большинстве случаев связаны со стилистическими установками автора, что, несомненно, не может не сказаться на простоте и естественности его слога. Так, в повестях «Ганнуся», «Ярмарка», «Знахарь» и некоторых других случаев нарушения прямого порядка слов сравнительно немного.

В I Главе повести «Ганнуся» всего 68 предложений, из них 48 — с прямым порядком слов, 20 — с обратным, что составляет около 30%. Однако в этих 20 случаях далеко не все отступ-

¹ См. об этом М. Н. Стаховский, Порядок слов у реченні, ж. «Українська мова в школі», № 5, 1952;

Л. Коробчинская. К вопросу о порядке слов в древнерусском языке, Автореферат диссертации, Львов.

² В. Г. Орлова, Порядок слов в русском языке, ж. «Русский язык в школе», № 1, 1939.

ления от прямого порядка слов представляют собой инверсию, т. е. обусловлены стилистическими целями. 16 из них связаны с препозицией сказуемого во вставочных предложениях при прямой речи, где такое его положение представляет собой норму. И лишь 4 случая обратного порядка слов в авторском повествовании.

В повести «Знахарь» в авторской речи на такое же количество предложений (68) случаев с прямым порядком слов — 55, с обратным — 13, что составляет около 20%.

Такое словорасположение, когда русский литературный язык находился в стадии завершения своего формирования, в основном соответствовало языковым нормам той эпохи.

Выше уже говорилось о том, что и прозе А. С. Пушкина не чужд был обратный порядок слов; достаточно только добавить, что в повести «Метель» из 234 предложений 25 (не учитывая допустимых случаев обратного порядка слов в известных грамматических условиях) представляют нарушение прямого словорасположения, что составляет около 22% от общего количества предложений¹.

Иная картина представляется в повести «Пан Халявский», где на 68 предложений первой главы отмечено 24 случая нарушения прямого порядка слов, что составляет свыше 35%. Если учесть, что все они встречаются в авторском повествовании и не представляют собой грамматически допустимых норм обратного порядка (имеются в виду случаи обратного порядка слов во вставочных предложениях при прямой речи), то нетрудно убедиться, что удельный вес обратного порядка слов в этой повести возрос почти в два раза, по сравнению с удельным весом его в повестях на современные автору темы «Ганнуся», «Знахарь», что, несомненно, объясняется исторически-бытовым жанром этой повести.

Желая воспроизвести колорит эпохи, особенности ее языка, Квитка-Основьяненко использует архаические элементы не только в лексике, но и в грамматике, в способах образования слов и сочетания их в предложении.

В том, что это так, убеждает нас сопоставление двух отрывков повести «Пан Халявский», где дается сравнение «настоящего времени» с «прошлым».

В первом из них, помещенном в самом начале произведения, в котором содержится описание «настоящего времени», на 70 предложений 14 — с обратным порядком слов. Причем 2 из них связаны с препозицией сказуемого во вставочных предложениях, т. е. являются вполне узаконенными, остальные 12 случаев

¹ Для сравнения использованы материалы статьи С. И. Абакумова. Из наблюдений над языком «Повестей Белкина», сб. «Язык и стиль Пушкина». Учпедгиз, М., 1937.

нарушений прямого словорасположения представлены в авторской речи.

Во втором отрывке при описании «прошедшего» и «давно прошедшего» времени число отклонений в сторону архаических норм словорасположения возрастает вдвое. На то же самое количество предложений (70) — 24 с обратным порядком слов, причем все в повествовании автора.

Следовательно, нарушения прямого порядка слов вызваны, прежде всего, стилизацией под язык эпохи XVIII столетия, с которой связываются события повести.

Они выражаются в отнесении сказуемого на конец предложения, в особом расположении слов в причастных и деепричастных конструкциях, в постпозитивном употреблении согласованных определений, выраженных прилагательными и местоимениями, и в некоторых других особенностях порядка слов.

При анализе следует учитывать также и манеру повествования, которая заключается в стремлении автора-рассказчика говорить о мелочах в торжественно-приподнятом тоне, создавая тем самым определенный комический эффект.

Отнесение глагола на конец предложения

Употребление глаголов на конце предложения у Квитки встречается значительно реже, чем другие отклонения в словорасположении.

На 40—45 сказуемых нами обнаружено только 2—3 случая со сказуемыми на конце, что составляет около 5%. В таком положении сказуемое находится в различного типа придаточных предложениях.

Отнесение сказуемого по латинским образцам на конец придаточных предложений было характерно как русскому, так и украинскому литературным языкам конца XVII и всего XVIII века¹.

Эта особенность местоположения глагола в русском языке по своему содержанию существенно отличалась от другой его особенности чисто русского происхождения — ставить глагол на конце простых, относительно кратких предложений, свойственной русскому деловому языку XVI века².

Замыкающее положение глагола придаточных предложений как заносная черта синтаксиса русского языка продолжает держаться в литературном языке конца XVIII и первой половины XIX столетия. У таких писателей, как Сумароков, Фонвизин, Ка-

¹См. об этом Л. А. Булаховский, Исторический комментарий к русскому литературному языку, стр. 420;

М. Стаховский, Порядок слів у реченні, стр. 67.

²См. Л. А. Булаховский, Исторический комментарий к русскому литературному языку, изд. 3, стр. 359—360.

рамзин постпозиция сказуемого в придаточных предложениях — обычное явление:

1. «Когда бы вы изуродовали возницу будучи лошадью, так бы это и пропало, потому, что лошади законам не подчинены; хотя и люди не все законам **повинуются**» (Сумароков, Вздорщица);

2. «Старуха, подпираясь клюкою, вышла на луг, чтобы насладиться утром, которое Лиза такими прелестными красками **описывала**» (Карамзин, Бедная Лиза).

Начиная с 30-х гг. XIX века такое расположение глагола и его связки в составном сказуемом в предложении уступает место ныне существующим нормам¹, благодаря которым сказуемое может занимать любое место в предложении в зависимости от его типа и синтаксической связи в предложении.

У Квитки-Основьяненко мы встречаем сказуемое на конце придаточного предложения, когда какой-нибудь второстепенный член, который должен следовать за сказуемым, выдвигается по отношению к нему в препозицию:

«Разве я их на то породила, чтобы они **гид книгами** исчахли?» (П. Х., стр. 219).

«...дабы люди после не осуждали господ: такие-де хозяева, что **о лошадях** и не позаботились» (Там же, стр. 201).

«...так-де такой сотник комплектует сотню на славу и **весь полк** закрасит» (Там же, стр. 217).

В приведенных здесь случаях сказуемые находятся в конце придаточных предложений прямой или несобственно прямой речи, имея перед собой косвенные дополнения, а в последнем примере — прямое дополнение с относящимся к нему согласованным определением, усиливающим его значение.

По норме прямого порядка слов, дополнения должны были стоять после сказуемого². В данном случае дополнения, будучи выдвинутыми в препозицию, акцентируют на себе внимание, выражая эмоцию персонажей по поводу обыденных фактов и ничтожных людишек; такая постановка дополнения в препозицию вызывает у читателя ироническое отношение к изображаемому. Без особой стилистической направленности встречаются и в речи автора единичные примеры с отнесением сказуемого на конец предложения, причем, как правило, очень небольшого по объему:

«Маменька же рады были всякому принуждению, братьям делаемому, и все ожидали, что батенька потеряют терпение и отпустят инспектора, который, по их расчету, недешево **приходился**» (П. Х., стр. 249).

¹ Л. А. Булаховский, Русский литературный язык первой половины XIX века, стр. 428.

² См. об этом Грамматика русского языка, т. II, ч. I, стр. 684—685.

В этом примере обстоятельство могло бы стоять в связи с прямым порядком слов перед сказуемым и после него, не меняя оттенков в значении предложения¹.

Однако у Квитко-Основьяненко отдано предпочтение именно такой конструкции.

Сказуемые на конце встречаются и в тех случаях, когда в простых предложениях, соединенных в сложное, содержится противопоставление, что обычно влечет за собой обратный порядок слов, т. е. такой, при котором сказуемое должно стоять в начале предложения, что наблюдается при хиазме.

Как отмечают исследователи, такое расположение слов бывает также свойственно «глагольным сложным предложениям», в которых имеются отношения уступки².

«... пусть себе столичные жители **хотя и обижаются**, но я правды **не потаю**» (П. Х., стр. 233).

В приведенном сложном предложении структурные компоненты замыкающей его части находятся в противительных отношениях, выраженных двойным союзом «...но». Следовало бы ожидать такое словорасположение:

«...пусть себе **хотя и обижаются** столичные жители, но **не потаю** я правды».

При данном порядке слов значение противопоставления действия сильнее подчеркивается препозицией сказуемого по отношению к подлежащему, но несмотря на это, сказуемое в авторском тексте стоит на конце в первом и во втором предложениях не только в придаточном уступительном, но и в главном, уступая место выдвинутому в препозицию дополнению.

Таким образом, и там, где требовалась постановка сказуемого в начале предложения, и там, где необязательной была его замыкающая позиция в фразе, так как после него могло стоять дополнение, находящееся в препозиции, сказуемое ставится на конце предложения.

И если в главном предложении такое положение сказуемого можно оправдать стилистическими установками автора, стремлением логически выделить дополнение «правды», — которое, принимая на себя ударение и подчеркивая будто бы событие большой важности, на самом деле придает изложению иронический характер, — то в придаточном предложении логическое выделение сказуемого осуществляется не порядком слов, а использованием частицы «хотя... и», поэтому нет необходимости ставить его в препозицию.

Подобное положение сказуемого можно наблюдать и в ряде других случаев, где есть предложения со значением уступки.

¹ См. об этом Грамматика русского языка, т. II, ч. I, стр. 684—685.

² Н. В. Текучева, Порядок слов именного предложения в современном русском языке, стр. 12.

«Каково же было их родительскому, нежности к нам исполненному, сердцу слышать, что дети его так усовершенствованы в учении, что хотя и при нем **говорят**, но они не понимают ничего?» (П. Х., стр. 256).

Это дает основание полагать, что употребление глаголов на конце предложений в случаях отступления от определяемого контекстом порядка слов не всегда связано с экспрессивностью повествования:

«Но, дяденька, братец и соседюшка, сосчитайте, что у вас на ваши прихоти лишнего в год **изойдет**, так вот вам и просвещение!» (П. Х., стр. 192).

«Политика требовала и чарку отдать пану полковнику, что батенька с удовольствием **исполнили**» (Там же, стр. 206).

Помещенные здесь в препозицию второстепенные члены также особо не выделяются в смысловом отношении, но глагольное сказуемое, между тем, стоит на конце предложения. Эта черта в употреблении глаголов свойственна и украинским повестям и рассказам Квитки-Основьяненко.

«От як так одна душа другу **знайшла**, що як сестри собі ріднесенькі, як серце з серцем **здружились**, то вже їм і не можна нарізно жити, треба їм зійтися. треба їм одно одному втіхою і порадюю бути» (Щира любов).

«Мелася сее почувши, засоромилась, головку схилила і покрила свої очиці, що ще у маленької, та вже знати було, що багато лиха **нароблять**» (Божі діти).

Значительно чаще, особенно в повести «Пан Халявский», наблюдаются случаи постпозиции связки в составном сказуемом, именная часть которого выражена кратким прилагательным или причастием, а предикативная связка — формами прошедшего, реже будущего времени, вне зависимости от того, употребляется ли составное сказуемое препозитивно или постпозитивно по отношению к подлежащему, т. е. при прямом и обратном порядке слов:

1. «Ни я, ни Петруся, ни Павлуся не **обязаны были** что называется учиться чему...» (П. Х., стр. 246).

2. Все эти припасы **отданы были** стряпухе...» (Там же, стр. 258).

3. «Перед покровым днем **призван был** наш стихарный дьячок...» (Там же, стр. 220).

4. «Мне обед **неважен был**, я **накормлен был** порядочно...» (Там же, стр. 224).

5. «Конечно, на третьей улице **слышно было** это резкое, звонкое, пронзительное пение» (Там же, стр. 231).

6. «Зная, что через шесть недель я **обязан буду** приехать и прожить в Харькове несколько времени...» (Ган., стр. 16).

Однако конструкции со связкой на конце в препозитивном сказуемом встречаются значительно реже, чем в постпозитив-

ном, что, несомненно, объясняется преобладанием прямого порядка слов в языке Квитки-Основьяненко.

«Там кучами, без всякого порядка, **навален был** лук, лен, сало...» (Ган., стр. 5).

«Филька отворил двери в гостинную, где на большом столе уже **установлен был** огромный завтрак» (Укр. дипломаты, стр. 143).

Такие сочетания кратких прилагательных и причастий с постпозитивной глагольной связкой в роли сказуемого обычны в авторской речи и значительно меньше их в речи персонажей. Это объясняется тем, что разговорному языку свойственна динамичность, краткость повествования, и для выражения действий в ней используются личные глагольные формы сказуемого и некоторые другие его виды.

В повестях Квитки сказуемые с постпозитивной связкой используются при описании внутреннего состояния персонажей, свойств их характера, при характеристике их внешнего вида и окружающей их обстановки, причем они обозначают признак, ограниченный какими-либо условиями (время, степень, условие и др.):

«Вдруг **разбужен был** страшным ревом и гулом!» (П. Х., стр. 395).

«...но я, ...следуя маменькиной натуре, **готов был** сомлеть...» (Там же, стр. 405).

«Спор, упреки, обидные слова **слышимы были** от них во все утро» (Там же, стр. 394).

В последнем примере обращает на себя внимание не только особое словорасположение в сказуемом, но и средства его выражения: в роли присвяточного члена выступает страдательное причастие несовершенного вида «слышимы». Как отмечает Л. А. Булаховский, «сравнительно с древнерусским современный литературный язык... отличается... значительным сужением способности образовать страдательные причастия несовершенного вида»¹.

В повести «Пан Халявский» такие формы не являются редкими, например: «Настинька в частых переписках с различными молодыми людьми ловится, **бранима бывает**, да не унимается» (П. Х., стр. 304); «Фтеодосия из комнаты, где она **запираема была** отцом своим, закричала» (Там же, стр. 242); «Домине инспектор, пользы ради своей и выгод, исходатайствовал и мне свидетельство, в коем сказано было, что я «**был в синтаксическом классе и как за учение, так и за поведение никогда **наказываем не был****» (Там же, стр. 283).

Исходя из сказанного о местоположении сказуемого у Квитки-

¹ Л. А. Булаховский, Исторический комментарий к русскому литературному языку, стр. 254.

Основьяненко, следует сделать вывод, что употребление глаголов на конце предложения и постпозиция связки в составном сказуемом связаны с заносной чертой синтаксиса русского языка, так как они представлены преимущественно в сложных предложениях. Эти особенности характеризуют архаический элемент повествовательного стиля писателя, проявляющийся в его русских и украинских произведениях.

В исторически-бытовой повести «Пан Халявский» он используется с особыми стилистическими установками для воспроизведения языка описываемой эпохи.

В том, что это так, мы убеждаемся при сопоставлении форм сказуемого в языке данной повести с формами сказуемых других русских и украинских повестей, написанных на современные писателю темы, в которых конструкции с глаголом на конце являются менее употребительными («Ярмарка», «Ложные понятия»), а в некоторых не отмечено ни единого случая постпозитивного употребления глаголов («Салдацкий патрет», «Знахарь»).

Более того, архаизация языковых средств в «Пане Халявском» является одним из приемов создания комического и сказывается не только в словорасположении сказуемого, но и в способах его выражения, что подтверждается тяготением Квитки-Основьяненко к употреблению в сказуемом причастий несовершенного вида на «ом»: «ведомы были», «влекомы были», а также полных форм причастий на — «мый»¹, которые, как утверждает Л. А. Булаховский, из современного языка вообще исчезли как мертвевшие².

Употребление причастий и деепричастий на конце их групп

Причастный оборот, рассматриваемый как распространенное определение, должен стоять рядом с определяемым им словом с тем отличием, что согласованное определение ставится перед определяемым словом, а причастный оборот «предпочтительно ставится после слова определяемого»³.

Такая постанова причастного оборота обусловливается предикативностью и значительной его обособленностью.

У Квитки-Основьяненко в огромном большинстве случаев причастный оборот стоит после определяемого слова.

«Обыкновенно тут давали нам холодное жаркое, оставшееся от обеда...». (П. Х., стр. 199); или: «К борщу подавали нам по

¹ Употреблению причастий и деепричастий в языке Квитки уделяется внимание в специальном разделе диссертации автора данной статьи — «Синтаксические особенности простого предложения русских повестей Квитки-Основьяненко».

² Л. А. Булаховский, Исторический комментарий к русскому литературному языку, стр. 237.

³ Е. Г. Орлова, Порядок слов в русском языке, стр. 39; См. об этом также у М. Воскресенского, К вопросу о словорасположении в русском языке, стр. 12.

большому куску пшенной каши, облитой коровьим маслом» (Там же, стр. 198). Сравнение числа случаев препозитивного употребления причастных оборотов у Квитки и у других писателей убеждает в том, что устойчивое постпозитивное употребление в русских повестях писателя является отличительной особенностью его языка наравне с другими особенностями.

Так, например, у Пушкина в повестях «Выстрел» и «Гробовщик» всего оборотов 38, из них 35 постпозитивных и только 3 препозитивных, что составляет 92% постпозитивных оборотов, а у Марлинского «Наезды» содержат 24 оборота, из них 18 постпозитивных, что составляет 75% оборотов с прямым порядком слов¹.

По нормам современного словорасположения господствующее слово причастного оборота следует непосредственно за определяемым словом, но в повестях Квитки внутри причастного оборота имеет место и обратный порядок слов.

Обратный порядок слов в причастных конструкциях в языке русских повестей наблюдается в «Пане Халыавском» в 26 случаях из 100; в повести «Знахарь» всего 11 причастных оборотов, из них только 2 с обратным порядком слов.

Нарушение прямого порядка слов обычно происходит по схеме: господствующее над причастием существительное + слова, зависящие от причастия, + само причастие:

«А панычи «для забавки» идут в проходку **в кустарники**, за рекой против самого купанья **находящиеся**, и там любят рассматриванием природы, или природы» (П. Х., стр. 216).

Здесь цельность предложения чувствительно нарушается отодвижением определяющего слова «находящиеся» от определяемого им существительного «кустарники» вклиняющимися между ними обстоятельственными словами «за рекой против самого купанья», относящимися к причастию.

Устраняя нарушение прямого порядка слов, следовало бы это словосочетание построить таким образом: «... идут в проходку в кустарники, находящиеся за рекой против самого купанья...». При такой структуре определяемое и определяющее находились бы в непосредственной близости, причем определяющее следовало бы за определяемым, так как оно является распространенным, что соответствовало бы нормам современного русского языка.

Аналогичное мы наблюдаем и в следующих случаях: «Наконец, чтобы разделить радость свою с **маменькою**, тут же у стола **стоявшею**, отозвались к ней» (П. Х., стр. 235).

Сравни также:

¹ Сравнительные данные взяты у С. Н. Абакумова. Из наблюдений над языком «Повестей Белкина» А. С. Пушкина. сб. «Язык и стиль А. С. Пушкина».

«Я шел весьма равнодушно и старался итти за братьями, чтобы они не приметили, как я пожираю **лакомства**, маменькою мне в путь **данные**» (П. Х., стр. 223).

На конюшне и везде пан полковник, осматривая, что похвалит, то немедленно выводится прочь и сдается на руки полковничьим **людям**, нарочно для сего **прибывшим**» (Там же, стр. 215).

«Пан полковник, вопреки понятий своих о политике, заимствованной им в Петербурге, по причине тучности своей тотчас уселся на особо **приготовленное** для него с мягкими подушками высокое **кресло...**» (Там же, стр. 204).

Схема нарушения прямого порядка слов в причастных оборотах еще более усложняется, когда за определяемым существительным стоит зависящее от него дополнение либо согласованное или несогласованное с ним определение:

1. «...а девки, **по знаку** маменьки, из другой комнаты **поданному**... опрометью кидались к столу» (П. Х., стр. 209).

2. «Несколько **девок** дворовых, прилично случаю **убранных...**» (Там же, стр. 208).

В первом примере в словосочетании «по знаку маменьки» нельзя переставить его компоненты, не нарушив его форм, так, как оно является необратимым, так что постпозиция несогласованного определения «маменьки» в нем обязательна. Иное положение мы имеем во втором примере. Согласованное определение «дворовых» должно было по нормам современного языка, да и по нормам того времени¹, стоять перед определяемым им словом. Отнесение его в постпозицию лишь разрыхляет предложение, затемняет его содержание, отражая тяготение писателя к отживавшему тогда уже употреблению прилагательных.

Осложненной является и следующая конструкция с обратным порядком слов:

«Когда же маменька узнали, что доmine Галушкинский, **по условию** с ними, секретно от батеньки **сделанному**, не изнурял меня ученьем, то пожаловали ему с батенькиной шеи черный платок». (П. Х., стр. 283).

При данной конструкции фразы между определяемым «по условию» и господствующим словом причастного оборота «сделанному» стоит, кроме слов, зависящих от причастия — «секретно от батеньки» — дополнение «с ними», относящееся к определяемому причастным оборотом «по условию».

При прямом порядке слов эта конструкция имела бы следующий вид: «...по условию с ними, сделанному секретно от батеньки...». Однако полное устранение разрыва между определяемым словом и определяющим его причастием невозможно, так как управляемое «с ними» соответственно современным нормам

¹ Грамматика русского языка. т. II. ч. I, стр. 683; Л. А. Булаховский, Русский литературный язык первой половины XIX века, т. II, стр. 430.

словорасположения должно следовать за управляющим «по условию».

Нарушение прямого порядка слов значительно реже наблюдается в деепричастных конструкциях, где между деепричастием и управляемым им существительным могут находиться слова, относящиеся к существительному и к деепричастию.

«И, проговорив еще чистых латинских слов несколько, коих я не понял, отпустил нас» (П. Х., стр. 273).

В данном случае между деепричастием и управляемыми им словами помещены обстоятельство «еще» и определения «чистых латинских», относящиеся к управляемому деепричастием слову. Кроме того, также изменно положение соотносительных членов «слов несколько» вместо «несколько слов».

Неопределенное местоимение-числительное «несколько» должно предшествовать своему управляемому — «слов», а не находиться в постпозиции по отношению к нему. Но автор, ввиду того, что к управляемому слову относятся еще тесно связанные с ним согласованные определения «чистых латинских», управляющее слово «несколько» с отвлеченным значением ставит в постпозицию к нему: «слов несколько».

Обычно постановка числительного в постпозицию по отношению к управляемому слову придает числительному значение неопределенности, приблизительности. В данной конструкции постпозиция числительного не может быть оправдана этим, ибо само слово «несколько» обозначает приблизительное, неопределенное количество.

Учитывая нормы современного языка, мы бы построили это словосочетание следующим образом:

«И, проговорив еще несколько чистых латинских слов...». При таком построении разрыв между управляемыми «несколько слов» и управляющим словом «проговорив» устраняется, а вместе с тем устраняются и затруднения в восприятии всего предложения.

Случаи такого местоположения слов в деепричастных конструкциях, как уже отмечалось выше, редки. Так, в «Пане Халлявском» на 55 деепричастных оборотов 4 с обратным порядком слов, в других повестях на современные автору темы их либо еще меньше, либо совсем нет. В «Ганнусе» на всю повесть 2 случая, в повестях «Знахарь», «Ярмарка» случаев с обратным порядком слов нет вообще.

В оборотах с нарушением прямого словорасположения отмечаются случаи с постпозитивным деепричастием по отношению к управляемому им слову:

«Ожидая очереди, мы, все должное расслабив, поддерживали руками, чтобы не затрудняться при наступлении действия» (П. Х., стр. 230).

«Раскрасневшиеся препорядочно, щекочат, балагурят, рас-

сказывают одна другой разные разности, и каждая, **одна другой не слушая**, продолжает свое» (Там же, стр. 215).

«...маменька ...**даже и в мыслях не ворча** на батеньку». (Там же, стр. 219).

В современном языке нельзя отрывать от причастий и деепричастий управляемые ими слова, как нельзя ставить их в позицию по отношению к причастиям и деепричастиям.

Такое расположение слов в причастных и деепричастных конструкциях присуще было языку более раннего периода, когда сказуемые, как правило, ставились в конце предложения, а причастия и деепричастия, тяготеющие к глаголу, располагались тоже преимущественно на конце оборотов:

«Послаша псковичи воевод своих, а крестное целование правя» (П. Ск., I, 216).

«Кто на тот лист позрить, а либо услышать его чтучи» (грамота галицкого старосты Сахарбиновского) ¹.

Л. А. Булаховский отмечает, что постановка причастий и деепричастий на конце их групп представляет собой параллельное явление постановке глаголов на конце предложений и что в XVIII веке эта ослабевающая тенденция в русском языке была поддержана латинскими образцами ².

В первой половине XIX века она встречается у таких писателей, как Пушкин, Одоевский, и некоторых других.

«Всегдашние занятия покровского помещика состояли в разъездах около пространных его владений, в продолжительных пирах и проказах, ежедневно притом **изобретаемых**» (Пушкин, Дубровский).

«Тогда я был вне себя, и исчезал в гармонии, **мною созданной**» (Одоевский, Русские ночи) ³.

К 30 годам XIX в. постпозитивное употребление причастий заметно идет на убыль, и в языке некоторых писателей является почти исключением ⁴.

Таким образом, порядок слов в причастных и деепричастных оборотах в русских повестях Квитки придает архаическую окраску его языку и используется в отдельных произведениях со специальными стилистическими установками, что подтверждается сопоставлением их употребления в повести «Пан Халявский» и других русских повестях Квитки-Основьяненко.

Наблюдения над словорасположением в русских повестях Квитки показывают, что в них преобладают нормы порядка слов, существовавшие в русском литературном языке той эпохи.

¹ Примеры взяты у Л. А. Булаховского, 3 історичних коментаріїв до української літературної мови, Наукові записки КДНУ, т. VII, вип. III, стр. 25.

² См. об этом Л. А. Булаховский, Исторический комментарий к русскому литературному языку, стр. 421.

³ Примеры взяты у Л. А. Булаховского, Русский литературный язык первой половины XIX века, т. II, стр. 430.

⁴ См. об этом там же.

Но наряду с этим используются и некоторые старые нормы порядка слов, характерные для книжного языка XVIII века, что подтверждается склонностью писателя к постпозитивному употреблению сказуемого, причастий и деепричастий в причастных и деепричастных оборотах речи. Эти особенности словорасположения лишают структуру предложения легкости, делают ее канцелярски тяжеловесной и витиеватой. Однако наличие их часто обусловлено стилистическими приемами, связанными с созданием торжественно-приподнятого тона повествования, используемого автором в юмористических целях.

Н. К. КРУПСКАЯ О РОЛИ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В ТРУДОВОМ ВОСПИТАНИИ ШКОЛЬНИКОВ

XXI съезд Коммунистической партии поставил перед советской школой задачу улучшения подготовки подрастающего поколения к труду. С целью создания условий для осуществления трудового воспитания в соответствии с Тезисами ЦК КПСС и Совета Министров СССР принят Закон об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в стране.

В условиях перестройки трудового воспитания на основе соединения обучения с производительным трудом учащихся возрастает роль пионерской организации как самостоятельной организации детей. Однако в ряде школ не отводят ещё должной роли пионерской организации в осуществлении трудового воспитания школьников. Недооценка пионерской организации в осуществлении трудового воспитания объясняется тем, что вожатые, особенно отрядные, и многие классные руководители не владеют теорией трудового воспитания учащихся в пионерской работе.

В педагогической литературе нет специальных работ о роли пионерской организации в трудовом воспитании учащихся. В пособиях о пионерской работе, изданных за последние 3—4 года, вопросы трудового воспитания пионеров освещаются очень кратко, без чёткого раскрытия его задач, при этом не разграничивается содержание работы учителей и пионервожатых в осуществлении конкретных задач трудового воспитания детей. При определении средств трудового воспитания пионеров в этих пособиях одинаково оценивается воспитательное значение труда учащихся в школе и их общественно полезной деятельности за её пределами. В имеющейся общепедагогической литературе о трудовом воспитании учащихся требования к организации труда детей приводятся безотносительно к пионерской работе, при этом не раскрываются условия, позволяющие обеспечить соблюдение этих требований. Всё это является причиной того, что в наших школах есть вожатые и классные руководители, не представляющие функции пионерской организации в решении задач трудового

воспитания, не знающие путей и средств, при помощи которых пионерская организация может реализовать принципы трудового воспитания, не знающие всех требований, которые должны лежать в основе организации трудовой деятельности пионеров. Ответы на многие вопросы трудового воспитания пионеров содержатся в богатейшем педагогическом наследии выдающегося советского педагога основоположника пионерского движения в СССР — Надежды Константиновны Крупской.

Настоящая статья ставит своей целью раскрыть основные положения Н. К. Крупской о своеобразии содержания работы пионерской организации в решении конкретных задач трудового воспитания учащихся, о специфике осуществления в пионерской работе принципа связи школы с жизнью, соединения обучения с производительным трудом, о требованиях к вожатому в организации труда школьников, обусловивших, обеспечивающих соблюдение этих требований. Высказывания Н. К. Крупской по всем этим вопросам имеют большое значение для практики трудового воспитания учащихся, осуществляемого в наши дни в пионерской работе вожатыми и классными руководителями.

В обосновании роли пионерской организации в трудовом воспитании Н. К. Крупская исходит из задач построения коммунистического общества. Строительство коммунизма, как указывала Н. К. Крупская во многих своих работах^{1,7}, — это не только создание высокоразвитого общественного производства, создание материальной базы. Суть строительства коммунизма заключается в новой организации отношений между людьми и прежде всего трудовых отношений. Строительство коммунизма — это вместе с тем и воспитание нового отношения к труду. В тезисах доклада о пионердвижении на партсовещании по народному образованию в 1925 г. Н. К. Крупская отмечала, что в переходный от капитализма к коммунизму период должна быть выработана новая коллективистическая организация труда, когда люди должны научиться жить и работать по-новому, по-коммунистически. Несколько позднее, в 1929 г., в речи на собрании, посвященном закрытию пионерского слёта, Н. К. Крупская подчёркивала, что в работе с пионерами мы должны позаботиться о том, чтобы ребята могли учиться труду, чтобы они организованно научились работать и чтобы не только научились работать, а могли бы примкнуть к общему повседневному труду.

¹ Н. К. Крупская, Пионердвижение, Соч., Том V, стр. 146—150.

² Н. К. Крупская, Четыре линии пионер. работы, Соч., Том V, стр. 174—180.

³ Н. К. Крупская, Пионердвижение как педагогическая проблема, Соч., Том V, стр. 261—284.

⁴ Н. К. Крупская, О работе ВЛКСМ среди детей, Соч., Том V, стр. 261—284.

⁵ Н. К. Крупская, О детях революции, Соч., Том V, стр. 325—329.

⁶ Н. К. Крупская, Ленин о молодежи, Соч., Том V, стр. 440—454.

⁷ Н. К. Крупская, О возникновении пионерской организации, Соч., Том V, стр. 621—622.

Н. К. Крупская не ограничивается раскрытием лишь основной цели пионерской организации в трудовом воспитании школьников. Конкретизируя задачи трудового воспитания, Н. К. Крупская чётко определяет функции пионерской организации.

В соответствии с положениями программы ВКП (б) по народному образованию одной из задач трудового воспитания Н. К. Крупская считала теоретическое освещение труда в его различных формах. Главную роль в решении этой задачи Надежда Константиновна отводит школе. В процессе теоретического освещения основных отраслей современного производства школа знакомит учащихся с различными формами современного труда.

Помощником школы в вооружении учащихся теоретическими знаниями о труде Н. К. Крупская считала пионерскую организацию. Однако роль пионерской организации в решении этой задачи, по мнению Н. К. Крупской, несколько другая, чем роль школы. Пионерская организация охватывает детей в том возрасте, когда у них появляется острый интерес ко всему окружающему, появляется потребность в углубленной учебе. Учитывая эту особенность детей подросткового возраста и своё назначение в коммунистическом воспитании — дополнять работу школы, пионерская организация должна научить пионеров углублять те знания, которые даёт им школа. При этом Н. К. Крупская указывала на пути и формы работы, при помощи которых пионерская организация может стать опорой для школы в вооружении учащихся теоретическими знаниями о труде. Организуя самостоятельную работу детей, пионерская организация может научить ребят черпать необходимые им знания о труде из книг, справочников, из лекций, экскурсий, бесед со знающими людьми, из кружковой, клубной работы. Тут Н. К. Крупская советовала пионерской организации бороться за знания не в том смысле, что и в свободное время пионеры должны следить за книгами, а в том, чтобы ребята, отдыхая, научились бы всматриваться в жизнь, учиться у жизни, у взрослых, использовать каждую возможность приложить все свои знания к жизни. Но чтобы вожатый мог углубить знания пионеров о труде, ему необходимо следить за тем, что даёт учащимся школа, необходимо установить самую тесную связь между своей работой и работой учителей школы.

Социалистическое производство, осуществляемое на основе высокой техники, требует людей, подготовленных к труду не только теоретически, но и практически. Исходя из этого, в трудовом воспитании Н. К. Крупская отводит много места вооружению детей умениями и навыками как в области умственного, так и в области физического труда. Все трудовые навыки Н. К. Крупская объединяет в группы навыков по учебному труду, навыков по домоводству, самообслуживанию в школе, по работе на пришкольном участке и в мастерской, по общественно полезному

туду. Раскрывая содержание трудовых навыков, Н. К. Крупская останавливается на вопросе о том, какие именно навыки должна дать школьникам пионерская организация. При социализме благодаря открытиям науки и техники труд, особенно физический, меняет свой характер. В этих условиях рабочему необходимы умения и навыки современного труда в самых разнообразных отраслях производства. Задача пионерской организации — дополнить работу школы в вооружении учащихся трудовыми умениями и навыками. В докладе на VIII съезде комсомола «О работе ВЛКСМ среди детей» Н. К. Крупская прямо указывала, что пионерская организация не должна стремиться к тому, чтобы давать те навыки, которые даёт детям школа, в пионерской работе ребятам нужно давать что-то в дополнение. Внесение нового в работу пионерской организации по вооружению детей трудовыми навыками позволит избежать параллелизма в работе учителей и вожатого, а это необходимо, чтобы удовлетворить интересы, запросы детей в овладении навыками труда.

Трудовое воспитание Надежда Константиновна увязывала с воспитанием нового отношения к труду. Во многих своих статьях и выступлениях она указывала, что пионерская организация должна думать не только о том, чтобы дать ребятам известную сумму знаний и трудовых навыков, но и о том, чтобы воспитать их способными к социалистическому, коммунистическому труду. Подготовить всё подрастающее поколение к умению работать по-новому Н. К. Крупская считала возможным только на основе связи школы с жизнью, на основе соединения обучения с производительным трудом. В соответствии с принципом связи школы с жизнью она требовала, чтобы в теоретическом освещении труда вожатые не впадали в общие фразы, оторванные от живой трудовой практики, чтобы внимание пионеров было обращено не на изучение никому не нужных знаний, а на изучение тех знаний, которые необходимы для перестройки жизни. В обучении трудовым навыкам Н. К. Крупская настоятельно требовала не просто учить пионеров что-то делать, а делать для того, чтобы жизнь изменить к лучшему. Самое главное в пионерской работе, отмечала Надежда Константиновна в докладе «Пионердвижение и школа», дать ребятам возможность использовать свои знания для улучшения жизни. Тут-то и проявляется живое участие пионеров в работе школы. «Быть пионером, — писала Н. К. Крупская детям в письме «Будьте общественниками», — значит принимать участие в улучшении окружающей жизни, думать над тем, как это сделать»¹.

Но стать активной, боевой силой в улучшении окружающей жизни пионеры смогут, если не будут замыкаться в школе, в

¹ Н. К. Крупская, Соч., том V, стр. 480.

своей организации, не будут обособляться от жизни, а будут, по образному выражению Н. К. Крупской, «внедряться в жизнь». Лучшим средством использования пионерами своих знаний и умений для улучшения окружающей жизни Н. К. Крупская считала общественно полезную работу. Самое понятие общественно полезная работа Н. К. Крупская раскрывает как применение приобретенных знаний и навыков в коллективной работе на общую пользу. В общественно полезной работе Н. К. Крупская особенно ценила такие её виды, как оказание всяческой помощи окружающему населению, работа по озеленению, по благоустройству, по содействию открытию детских яслей, садов, шефство над ними, книгоношеская работа и т. д. Самым же действенным средством подготовки пионеров и школьников к участию в строительстве нового общества Н. К. Крупская считала труд учащихся на заводах и фабриках, в колхозах и совхозах вместе со взрослыми. Такой труд, по мнению Н. К. Крупской, имеет огромное общеобразовательное значение. Так, в ряде своих работ она отмечала, что наилучший метод усвоения знаний — это трудовой метод. Поэтому знания должны приобретаться не книжным путём, а усваиваться в процессе труда. Трудую практику Н. К. Крупская рассматривала как средство проверки, углубления и пополнения тех знаний, умений и навыков, которые даёт учащимся школа и пионерская организация. Производительный труд для школьников в меру их сил Н. К. Крупская считала средством познания окружающей жизни, средством знакомства с окружающим производством. Однако, говоря о значении производительного труда, на первое место Н. К. Крупская выдвигает его воспитательную роль. Так, Н. К. Крупская подчёркивала, что если ребёнок, подросток связан с настоящим трудом, помогает взрослым в социалистическом строительстве, у него создаётся понимание того, что труд — нечто такое ценное, важное, что является основой жизни. Участие детей в труде, в котором принимают участие многие лица, воспитывает внутреннюю дисциплину. Тут сама сила вещей воспитывает ребёнка, заставляет его побороть и чувство усталости, и нежелание, так как тут видна цель, ради которой это делается. Если сила дисциплины воспитывается в трудовом процессе, то дисциплина перестаёт быть внешней. Ничто так хорошо не учит уважению друг друга, взаимопомощи, как трудовая жизнь. Трудовой процесс учит познавать самого себя, измерять свои собственные силы и способности. Производительный труд не только готовит из ребёнка в будущем полезного члена общества, он делает его полезным членом общества в настоящем. Общественно полезный труд учит подрастающее поколение быть активными строителями новой жизни. Организуя производительный труд детей, школа и пионерская организация становятся на путь создания у них коммунистического отношения к труду.

Учитывая такие огромнейшие образовательные и воспитательные возможности производительного труда, Н. К. Крупская настойчиво требовала сделать производительный труд обязательным для каждого пионера и школьника, только при этом считала необходимым правильно организовать его с педагогической и политехнической точек зрения. Основой организации производительного труда детей и подростков Н. К. Крупская считала соединение его с обучением, с приобретением знаний и практических навыков. Н. К. Крупская настаивала также на том, чтобы в организации труда принимали участие сами дети.

В тесной связи с принципом соединения обучения с трудом Н. К. Крупская выдвигает другой принцип трудового воспитания пионеров — принцип активности и самостоятельности. Под самостоятельностью пионеров в широком смысле слова Н. К. Крупская понимала самостоятельное применение ими знаний в жизни. Принцип самостоятельности в трудовом воспитании пионеров Н. К. Крупская рассматривала как активно-трудовой метод работы пионерских отрядов, как применение пионерами своих сил, знаний и умений в трудовой деятельности. Условием развития такой самостоятельности она считала представление детям широких возможностей применять по собственной инициативе свои знания, умения и трудовые навыки в разнообразных видах труда. С целью развития у пионеров трудовой активности и самостоятельности каждому ребёнку, каждому подростку, подчёркивала Надежда Константиновна, необходимо дать дело, за которое он был бы ответственен, на котором он мог бы развернуть свои силы.

Придавая такое огромное значение принципу активности и самостоятельности в трудовом воспитании пионеров, Н. К. Крупская считала необходимым педагогически целенаправленное и организующее руководство вожатого трудовой деятельностью детей. На экскурсии-конференции пионерских работников и в ряде других своих выступлений она указывала, что сами дети не могут решить, какой труд нужно проводить и в какой форме. Много пользы в организации труда детей может принести вожатый. При этом Надежда Константиновна подчёркивала, что если вожатый будет руководить трудом учащихся неправильно, он может принести много вреда. Тут надо найти меру, чтобы было и руководство и, с другой стороны, не было бы нажима на ребят, чтобы у них развивалась внутренняя дисциплина. «Руководство необходимо,— говорила Н. К. Крупская на экскурсии-конференции пионерских работников,— но нужно, чтобы оно было не мелочным, чтобы не было активности только со стороны вожатого»¹.

В соответствии с этими положениями Н. К. Крупская разрабатывает целую систему требований, которыми должны руко-

¹ Н. К. Крупская, «Пионердвижение и школа», Соч., Том. V, стр. 214.

водствоваться вожатые в оказании помощи пионерам организовать свой труд.

Раскрывая роль вожатого как помощника пионеров и руководителя их общественно полезной деятельности Н. К. Крупская отмечала, что вожатому пионерской организации нужно вести общественно полезную работу с ребятами так, чтобы она не мешала, а помогала их учёбе, чтобы она действительно воспитывала детей в коммунистическом духе. Исходя из этого, Н. К. Крупская выдвигает требование: в организации общественно полезной работы детей вожатому необходимо руководствоваться общеобразовательными и воспитательными целями. В одном из выступлений¹ перед пионерскими работниками в 1932 г. Н. К. Крупская советует вожатым смотреть за тем, чтобы общественно полезная работа пионеров не занимала много времени и проводилась бы в свободное от учёбы время. А в выступлении² на общемосковском слёте вожатых в 1933 г. Н. К. Крупская подчёркивала, что дело не только в том, чтобы ребята работали, а в том, чтобы они на этой работе развивались. Во многих других своих выступлениях и статьях Н. К. Крупская отмечала, что детям надо давать такой труд, на котором они могли бы учиться, расти.

В этом отношении Н. К. Крупская высоко ценила организацию труда подростков, при которой они трудятся не в обычном смысле слова, а в процессе труда приобретают новые знания, навыки, знакомятся с окружающим производством, устанавливают связи между отдельными видами труда, между отдельными отраслями производства. Всё это можно обеспечить, по мнению Н. К. Крупской, путём налаживания разностороннего труда, путём сочетания физического труда с умственным, путём соединения производительного труда с обучением.

В педагогическом наследии Н. К. Крупской содержатся высказывания о том, как сделать труд пионеров самым действенным воспитательным средством.

Одной из задач трудового воспитания Н. К. Крупская считала воспитание коммунистического отношения к труду. Говоря о воспитании сознательного отношения к труду, Н. К. Крупская отмечала: «...мы должны учить наших ребят такому труду, который им нужен будет, чтобы работать по-новому; значит труд должен удовлетворять, значит любая порученная работа должна быть производительной»¹.

Чем нагляднее для детей будет польза от их труда, тем интереснее труд будет становиться для них. Поэтому даже для

¹ Н. К. Крупская. Борьба за знания — важнейшая задача пионерорганизации, Соч., Том V, стр. 477.

² Н. К. Крупская, Каким должен быть вожатый, Соч., том V, стр. 522.

¹ Н. К. Крупская, Соч., том IV, стр. 457.

учащихся III—IV классов труд должен носить характер производительного труда.

Но полезность труда, направленного лишь на удовлетворение своих собственных потребностей, Н. К. Крупская считала относительной. Надежда Константиновна настаивала на том, чтобы полезность труда детей выходила за стены школы, имела общественное значение. И если пионерская организация сводит полезный труд учащихся к самообслуживанию, производительный труд к изготовлению наглядных пособий для кабинетов школы, то она ограничивает воспитательные возможности труда. Самообслуживание, по мнению Н. К. Крупской, является лишь частицей трудового воспитания. Труд по самообслуживанию очень однообразен, поэтому он не может быть увязан с углублением знаний, с приобретением навыков современного разностороннего труда, не может быть средством развития инициативы ребят. Целесообразность введения труда по самообслуживанию Н. К. Крупская видела только в том, чтобы он стал привычкой, средством улучшения быта.

Сознательное, коммунистическое отношение к труду характеризуется тем, что человек трудится не по принуждению, а добровольно, по внутреннему убеждению в необходимости трудиться на общую пользу.

Первое, что нужно для воспитания сознательной, внутренней дисциплины у ребят в общественно полезном труде,— говорила Н. К. Крупская в докладе «О работе ВЛКСМ среди детей»,— это чтобы труд происходил не по чьему-то заказу, а по собственной инициативе ребят, чтобы пионеры сами обдумывали, что им надо делать, чему нужно выучиться. Труд по требованию педагогов и вожатого, подчёркивала Надежда Константиновна, теряет свой воспитывающий характер. В связи с этим Н. К. Крупская осуждала вожатых, которые дают детям задания и даже не объясняют, зачем это нужно. Особенно неподготовленными к воспитанию сознательного отношения к труду Н. К. Крупская считала тех вожатых, которые дают детям общественно полезную работу в порядке наказания за непослушание. Обращаясь к вожатым, она советовала добиваться того, чтобы труд не был простой нагрузкой, а чтобы дети брались за труд добровольно, по своему желанию. «Когда ребята что-нибудь затевают, вокруг этого дела они развёртывают большую инициативу, учатся организовываться, это их дисциплинирует»¹.

Проявление детской инициативы в трудовых начинаниях Н. К. Крупская ставила в зависимость от того, как разрабатываются трудовые задания. Чтобы пробудить инициативу детей, вызвать их заинтересованность к труду, вожатому нужно мень-

¹ Н. К. Крупская. Заботиться о всестороннем развитии детей, Соч., том V, стр. 589.

ше давать детям трудовые задания, а больше приводить живые примеры. Вожатый может помочь советом, но не он должен быть главным действующим лицом, задания себе должны ставить сами ребята. С целью дать детям возможность проявить в трудовых делах свою инициативу Н. К. Крупская рекомендует работу отрядов и звеньев организовать таким образом, чтобы только показать ребятам, познакомить их с тем, что можно сделать, что нужно сделать, показать, как это делается, а потом они сами разберутся, сами нащупают, что им надо делать. Разрабатывая задания, надо брать их как пример, ничего ребятам не навязывать, а давать им самостоятельно выбирать то задание, которое их интересует. Проявление инициативы пионеров в труде Н. К. Крупская ставила также в прямую зависимость и от наличия у них интереса к предстоящей работе. «Человек может лучше работать в той области, которая его интересует, интерес — большая движущая сила»¹, — говорила Надежда Константиновна, отвечая на вопросы слушателей высшей школы пионердвижения.

В организации труда детей Н. К. Крупская считала необходимым ориентироваться на интересы детей. Но при этом Надежда Константиновна предупредила, что нельзя ориентироваться на любой интерес. Надо уметь организовать интересы детей. Организовать интересы детей — это значит из всей массы интересов, целесообразных и нецелесообразных, всяких, надо выбрать те интересы, которые важны для той цели, которая имеется в виду, важно уметь переключить, перевести интерес в другой, более важный. О вожатом, умеющем организовать интересы детей, Н. К. Крупская говорила так: «не просто плывёт по воде, куда несет поток, а умело правит рулём».

Забываясь о повышении воспитательной роли труда, Н. К. Крупская выступала против механического выполнения труда детьми. Всякий детский труд, по её мнению, должен быть творческим, а творческое решение трудовых заданий предполагает осмысленный, сознательный подход к труду. И в этом отношении она советовала прежде всего добиваться осознания ребятами цели своего труда. Обращаясь к участникам VIII съезда ВЛКСМ, Н. К. Крупская говорила, что мы наших ребят должны приучать к труду так, чтобы они были не просто исполнителями, но ясно сознавали, ясно видели, что надо делать, как надо делать, чтобы они сами ставили цели своему труду. Для осознания ребятами цели своего труда Надежда Константиновна считала важным осознание общей цели — цели построения коммунизма. Задача вожатого — расшифровать детям великую цель, раскрыть пути достижения этой цели, дать им ясное представление о том, за что борется нынешнее поколение, что можно достигнуть

¹ Н. К. Крупская, Ответы на вопросы, Соч., том V, стр. 483.

трудом. Объяснять это ребятам надо не просто при помощи больших слов, а путём увязывания этих слов с определёнными живыми образами. Сам вожатый не всегда умеет это сделать. Поэтому Н. К. Крупская советует приглашать на пионерские сборы комсомольцев, членов партии, передовых рабочих, колхозников. Их живые рассказы помогут пионерской организации дополнить имеющиеся у ребят знания, дать ребятам «эмоциональную зарядку», воздействовать на чувства, захватить, увлечь ребят, сделать дело коммунизма для них близким и дорогим. В докладе «За углубленное содержание пионерской работы»¹ Н. К. Крупская указывала, что ребята — подростки очень много могут сделать, если перед ними стоит яркая, увлекающая цель, а если выбросить эту цель, всё примет сухой, будничной, неинтересный характер и придётся прибегать к искусственной, внешней дисциплине.

Однако недостаточно только подвести детей к пониманию общей цели. Важно, чтобы понимание общей цели проявлялось в повседневных практических делах пионеров. Для этого конкретные цели надо сделать общественно необходимыми. В соответствии с этим Н. К. Крупская советует вожатым в выборе трудовых заданий руководствоваться окружающей трудовой деятельностью людей, причём в этой деятельности нужно выбрать то, что важнее всего в данный момент. Трудовая деятельность пионеров будет общественно необходимой, если она будет примыкать к общему плану социалистического строительства. Н. К. Крупская делает вывод: трудовая деятельность пионеров, одухотворенная великой целью, является средством сближения школы с жизнью.

С целью воспитания коммунистического отношения к труду Н. К. Крупская рекомендует обеспечивать сознательную дисциплину в процессе выполнения труда. Но такую дисциплину в самом труде Н. К. Крупская считала возможной при условии посильности труда для них. Во многих выступлениях она отмечала, что непосильный труд только отбивает охоту трудиться. Поэтому она советовала вожатым не перегружать детей, учитывать их силы, в определении трудовых заданий не подходить с одной меркой к детям разных возрастов. Сделать труд посильным — это прежде всего правильно организовать труд для детей каждого возраста.

Н. К. Крупская настаивала также на том, чтобы общественно полезная работа пионеров была для них школой коллективного труда. Организовать коллективный труд, разъясняет Н. К. Крупская, — это значит вовлечь в работу всех ребят. Но работать вместе — это ещё не значит работать коллективно. Коллективная работа — это когда трудятся дружно, сообща, по общему плану.

¹ Н. К. Крупская, Соч., том V, стр. 236.

помогая друг другу. Чтобы труд был коллективным в полном смысле слова, его нужно организовать так, чтобы на каждого выпадала известная доля работы. В этом отношении Н. К. Крупская высоко ценила коллективный труд отряда на общую пользу, практическое решение звеном конкретной задачи общего труда. Задача пионерской организации состоит в том, отмечает Надежда Константиновна, чтобы научить пионеров понимать зависимость результатов общего труда от труда каждого, зависимость труда одного человека от труда других. Как это сделать, Н. К. Крупская рассказывает в статье «Памятка по научной организации труда для школы и юных пионеров»¹ и в других своих работах. Начинать нужно с постановки простеньких целей и на этих простеньких целях дать детям возможность переживать естественную радость при виде достигнутого результата. Затем, по мере роста сознательности и умений, постепенно усложнять цели. При решении таких целей ребята подводятся к пониманию необходимости достигать цели коллективно и учиться этому. Здесь Н. К. Крупская советует научить детей сначала просто объединять усилия, работать вдвоём, втроём, впятером, потом большими группами, вводя постепенно разделение труда. Правильное разделение труда, указывает Н. К. Крупская в речи на V Все союзной Конференции ВЛКСМ², предполагает хорошее знание вожатым каждого пионера. Если вожатый будет хорошо знать детей, ему легче будет учесть индивидуальность каждого ребёнка, подростка, он будет знать, какое трудовое задание можно дать каждому пионеру, чтобы сделать его активным в коллективной работе. Коллективно — это никоим образом не значит однообразно работать, замечает Надежда Константиновна. Работать коллективно — это значит делать часть общего труда в меру своих сил. Работа будет коллективной, если сильные ребята не будут равняться на средних и слабых, если в меру своих сил будут трудиться средние и слабые.

Неотъемлемой стороной коллективного труда Н. К. Крупская считала взаимопомощь, но взаимопомощь не как моральное предписание, а вытекающую из целеустремленности поведения. Решающим моментом в возникновении такой помощи Н. К. Крупская считала постановку трудовых целей самими ребятами. Взаимопомощь Н. К. Крупская советует сочетать с разъяснением причин отставания, чтобы отстающий понимал, в чём тут дело, мог бы учиться работать вместе с другими.

В основу организации коллективного труда Н. К. Крупская советует положить принцип совместного составления и обсуждения плана предстоящей работы. Коллективное составление плана

¹ Н. К. Крупская, Соч., том V, стр. 106—108.

² Н. К. Крупская. «За красочность и сплочённость», Соч., том V, стр. 197—203.

работы важно прежде всего для выработки правильного общественного мнения ребят, для осознания всеми значения плана. Но самое главное здесь, по мнению Н. К. Крупской, научить каждого пионера планировать собственную работу, от чего в значительной мере зависит проведение общего плана в жизнь.

Для того, чтобы научить пионеров планировать свою работу, Н. К. Крупская считала необходимым дать детям организационное умение принять решение и проводить его в жизнь своими руками, соединять свои усилия с усилиями других, взвешивать свои силы и силы своих товарищей, правильно распределить работу между всеми, выполнить поставленную задачу в возможно короткий срок и с наименьшей затратой сил, работать по общему плану, выбрать наиболее целесообразные средства для осуществления поставленной цели, учитывать свой труд, делать из учёта правильные выводы. Действительный план, а не его подобие, писала Н. К. Крупская в статье «Советская школа и пионеры», предполагает разделение труда, организацию взаимопомощи, обеспечение трудовой дисциплины, коллективность труда. Организовать свой труд по такому плану пионеры смогут, по мнению Н. К. Крупской, если они будут уметь точно, чётко ставить цели своему труду, определять объём предстоящей работы, предусматривать трудности её выполнения, намечать пути и сроки её выполнения, выбрать наилучшие орудия труда, обеспечивать коллективность труда, распределять взаимопомощь, взаимный контроль и учёт работы.

В произведениях Н. К. Крупской даются указания о том, как можно помочь пионерам овладеть организационными умениями, навыками планирования. В докладе на VIII съезде ВЛКСМ, в речи на совещании общества педагогов-марксистов 7/II-1930 г., в статье «Памятка по научной организации труда для школы и пионеров» и в других работах Н. К. Крупская отмечала, что научить организационным умениям и навыкам планирования можно практически, на деле, на работе и при условии, если школа будет планировать общественно полезную работу школьников не от случая к случаю, а повседневно, систематически.

Систематичность общественно полезного труда пионеров и школьников, по мнению Н. К. Крупской, необходима потому, что воспитание коммунистического отношения к труду — дело длительное; сознательное отношение к труду можно выработать только путём постоянного вовлечения детей в общественно полезную деятельность.

В организации общественно полезного труда пионеров Н. К. Крупская ставит и такое требование: добиваться как можно лучшего выполнения работы. «Коммунистическое воспитание заключается не только в том, чтобы много работать,— этому в прежнее время учили бедных ребят,— а в том, как работать.

Вот очень важно научиться как можно лучше работать»¹. В достижении пионерами лучшего выполнения работы Н. К. Крупская рекомендует организовать проверку в форме взаимного контроля, причем проверку она советует проводить не в конце, а в процессе самой работы. Это позволит ребятам узнать, ровно ли идёт работа, выяснить, что не выполнено и почему, обсудить трудности выполнения, укрепить слабые участки. Учитывая большое воспитательное значение оценки, Н. К. Крупская советует вожатым оценивать труд детей. Это в свою очередь требует от вожатых уважения труда детей, серьёзного к нему отношения. С другой стороны, Надежда Константиновна предостерегает вожатых от захваливания детей, советует поощрять упорный, систематический труд на общую пользу. В связи с этим, Н. К. Крупская считала необходимым научить пионеров самих оценивать свою работу. Для этого она советовала пионерам вести учёт работы. Чтобы учёт работы не был формальным отчитыванием перед коллективом, Н. К. Крупская советовала учитывать результаты выполненного труда в сравнении с тем, какие затрачены усилия, средства, сколько потрачено времени. Только такой учёт позволит сделать правильные выводы. Лучшим учётом выполненной работы, по мнению Н. К. Крупской, является достижение её целей.

Высказывания Н. К. Крупской о трудовом воспитании пионеров и школьников не утратили своего значения и в настоящее время, когда в центре всей воспитательной работы школы Коммунистическая партия поставила подготовку подрастающего поколения к жизни, к полезному труду, когда участие детей в труде считается неотъемлемой стороной общего образования, осуществляемого на основе Закона о связи школы с жизнью. В период перестройки системы народного образования в стране основным типом общеобразовательной политехнической трудовой школы становится восьмилетняя школа. Пионерская организация в восьмилетней школе является основной политической организацией учащихся. В связи с этим возрастает её роль в коммунистическом воспитании учащихся. Основная цель пионерской организации в трудовом воспитании школьников в новых условиях состоит в том, чтобы в процессе проведения общественно полезного труда пионеров воспитать из них настоящих коммунистов, умеющих соединять свою работу с трудом советского народа по строительству коммунизма.

За 38 лет своего существования пионерская организация им. В. И. Ленина накопила большой опыт трудового воспитания школьников и уже много сделала по выполнению указаний Н. К. Крупской. Успешное осуществление трудового воспитания

¹ Н. К. Крупская, Воспитаем хороших общественников, Соч., том V, стр. 309

пионеров и школьников доказывает жизненность положений Н. К. Крупской о соединении обучения с производительным трудом. Требования Н. К. Крупской о соединении обучения с трудом учащихся нашли своё отражение в документах VIII пленума ЦК ВЛКСМ и XIII съезда комсомола, предусматривающих более широкое привлечение пионеров к общественно полезной работе в помощь школе и особенно к общественно полезному труду вне школы. Выполняя решения исторического пленума и XIII съезда комсомола, пионерские отряды проводят сбор металлолома, макулатуры, лекарственных растений, выращивают различные сельскохозяйственные продукты, ухаживают за молодняком. В то время, когда под руководством Коммунистической партии наш народ выполняет свои грандиозные планы, в школах возникают пионерские птицефермы, фабрики, пионерские производственные бригады. Организация пионерских фабрик, заводов, колхозов, пионерской разведки металлолома и т. д. позволяет привлечь к труду всех пионеров. Самое главное во всём этом то, что коллективный творческий труд становится для пионеров радостью, потребностью.

В практике трудового воспитания пионеров нашло применение указание Н. К. Крупской о том, что трудовая деятельность учащихся должна примыкать к общему плану социалистического строительства. Согласно этому её положению, свои конкретные задания по общественно полезному труду пионерские отряды и дружины определяют в зависимости от трудовых задач, решаемых районом, областью, краем, республикой. Это создаёт условия, при которых каждый пионерский отряд постоянно тесно связан с определённым производственным коллективом.

Обязательным условием организации трудовой деятельности пионеров Н. К. Крупская считала учёт интересов детей. В соответствии с этим её высказыванием в практике работы пионерских отрядов выработалась традиция — организовывать звенья по интересам пионеров. В состав такого звена входят учащиеся, увлекающиеся каким-то общим для них полезным делом.

Новым в жизни пионерской организации является введение пионерских ступеней. В примерном перечне трудовых умений и навыков, предусмотренных пионерскими ступенями, воплощены мысли Н. К. Крупской о необходимости приведения в соответствие с уровнем общего развития и подготовки учащихся тех знаний, практических умений и навыков, которые даёт им пионерская организация, о необходимости учёта возрастных особенностей и индивидуальных возможностей пионеров при выборе тех или других видов общественно полезной деятельности.

Выполнение требований пионерских ступеней внесло изменения в содержание и методы пионерской работы, что, естественно, вызвало ряд затруднений в практической работе вожаков. Так, в осуществлении трудового воспитания пионеров во-

ожатые и особенно учителя затрудняются в выборе методов и приёмов вооружения детей в пионерской работе теоретическими знаниями о труде, практическими умениями и навыками. Не всегда вожатые и учителя представляют себе чётко ту границу, за которой кончается умелое руководство трудовой деятельностью детей и начинается излишняя опека, подавление активности и самостоятельности пионеров. Известные трудности вызывает у вожатых и учителей выбор наиболее эффективных видов общественного полезного труда, направленных на выработку у пионеров трудовых и организационных навыков, на формирование у них тех или других деловых и моральных качеств.

Глубокое изучение педагогического наследия Н. К. Крупской поможет вожатым и классным руководителям совершенствовать достигнутый пионерской организацией опыт трудового воспитания учащихся, даст возможность найти необходимые формы и методы проведения в жизнь всех требований VIII пленума ЦК ВЛКСМ и XIII съезда комсомола по подготовке молодого поколения к активному участию в построении светлого здания коммунизма.

А. М. ВАРЧЕНКО

ПЕРВОЕ ВЫСШЕЕ УЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНИЕ НАШЕЙ СТРАНЫ — КИЕВСКАЯ АКАДЕМИЯ

В 1632 году в г. Киеве на Подоле возникло первое в нашей стране высшее учебное заведение — Киевская братская коллегия, переименованная в 1701 году в академию

Остановимся несколько на исторических условиях возникновения этой *almae matris* русской высшей школы.

В первой половине XVII века большая часть украинских земель, в том числе и г. Киев, находилась под властью панской Польши. Польское правительство, считая оккупированные украинские земли «свободными», т. е. не панскими, щедро дарило их вместе с крестьянским населением магнатам, шляхте и окатоличившимся украинским феодалам в «пожизненное» владение. В целях укрепления классового господства панов над закрепощенным крестьянством, сейм издал закон, согласно которому каждый пан имеет право «...наказать по своему усмотрению всякого подданого, неповинующегося ему как в светском, так и духовном отношении»¹. Одновременно с закрепощением и систематическим ограблением крестьянства, польская шляхта усилила наступление на украинские города. Хотя многие украинские города по Магдебургскому праву пользовались самоуправлением, последнее, как правило, осуществлялось верхушкой из представителей городского патрициата и католического купечества. Эта верхушка фактически держала в своих руках все органы самоуправления. Остальное городское население находилось в полной зависимости от этой верхушки. В особенно тяжелых условиях находилось украинское православное мещанство. Старосты и шляхта лишали его права на пользование городскими землями, таксировали цены на ремесленные изделия, лишали права записываться в цехи, заниматься торговлей.

Одновременно с наступлением польских панов на Украину

¹ „*Volumina legum*“, том II, СПб, 1859, стр. 124.

значительно усилила свои действия и католическая реакция, стараясь с помощью ватиканских агентов иезуитов полонизовать и окатоличить украинское население. Таким образом, на украинское крестьянство, городскую бедноту и казацкие низы непомерной тяжестью легло бремя жесточайшего крепостнического и национального гнета. «Польская шляхта,— говорится в тезисах ЦК КПРС о «300-летию воссоединения Украины с Россией», — не считала украинских крестьян за людей, грубо попирала их человеческое достоинство. Польские паны с помощью Ватикана мерами жестокого принуждения насаждали на Украине католицизм, вводили церковную унию, проводили политику насильственного ополячивания украинцев, предавали поруганию украинский язык и культуру, пытаясь духовно поработить украинский народ и разорвать его связи с русским народом»¹.

Как результат этого, в течение первой половины XVII в. вплоть до начала освободительной войны украинского народа против панской Польши (1648—1654 гг.), происходит ряд крупных крестьянско-казацких восстаний.

Огромную роль в насильственном насаждении на Украине католицизма сыграли иезуиты. Руководствуясь девизом — «цель оправдывает средства», эти рыцари воинствующего католицизма не брезговали самыми низкими средствами, принуждая украинское православное население к переходу в католичество. В 1608 году иезуитский орден имел на территории Польши две установленные им «провинции», в которых по завещанию своего основателя Игнатия Лойолы вел завоевание мира силой «духовного оружия». Таким «оружием», кроме проповеди и исповеди, иезуиты избрали школу. Следует отметить, что иезуиты, выделенные орденом для педагогической деятельности, сумели проявить себе опытными мастерами школьного дела. Пользуясь покровительством правительства и высшего католического духовенства, они открыли в Польше ряд высших учебных заведений. Такими рассадниками иезуитского просвещения в Польше и на Украине в первой половине XVII века явилась Виленская академия, а также коллегии: Львовская, Луцкая, Каменец-Подольская, Фастовская. Овручская, Барская, Новгород-Северская, Киевская и др. Православное украинское население, определившее своих детей в иезуитские школы, не могло со временем не заметить, что эти дети, участвуя, помимо обучения, в различных школьных процессиях и церемониях, исполняя католические религиозные обряды, проникались католическими взглядами, понятиями, усваивали новые привычки и, вырастая, отставали от своего народа, чуждались его, а в некоторых случаях становились его заклятыми врагами и гонителями.

¹ «Тезисы о 300-летию воссоединения Украины с Россией (1654—1954 гг.)», одобренные Центральным Комитетом Коммунистической партии Советского Союза». М., 1954.

Характеризуя иезуитскую систему воспитания, К. Д. Ушинский отметил следующие характерные для нее приёмы и средства «ловли молодых душ»: «Ласка, страх, обман, суеверие хитрость, угрозы, шпионаж, личный недостаток воспитанника, даже самый порок его... всякое средство было хорошо, лишь бы вело к цели»¹.

Гибельная по своим последствиям агрессия враждебных сил шляхетской католической культуры встретила со стороны украинского народа решительный отпор. Одновременно с действиями против этих сил грозной, карающей силы казачества, в стране закипела идеологическая, культурная борьба. Эту борьбу весьма плодотворно возглавили украинские братства.

Украинские братства явились теми национальными организациями, которые, объединив в себе наиболее передовые элементы мещанства, мелких шляхтичей, духовенства и казачества, стали одним из орудий борьбы народа за национальную самобытность, науку и культуру; причем эта борьба, по условиям времени, шла под знаменем религии. «Выступление политического протеста под религиозной оболочкой, — замечает В. И. Ленин, — есть явление, свойственное всем народам на известной стадии развития»¹.

В юбилейном сборнике документов и материалов о воссоединении Украины с Россией роль братств в борьбе украинского народа против шляхетско-католической агрессии в XVI—XVII вв. характеризуется следующими словами: «Деятельность братств, особенно Киевского и Львовского, сыграла большую роль в борьбе против католической агрессии, против унии, против церковных феодалов, которые изменили национальным интересам и помогали польским властям. Деятельность братств во многом способствовала укреплению связей украинского народа с русским»².

Главной заботой братских просветителей стали организованные ими, в противовес иезуитским, общеобразовательные школы. «...для подавания наук учтивых и цвиченя (обучения) народу христианского»³

В первой половине XVII века, кроме действовавших Львовской и Луцкой братских школ, начали свое существование Киевская, Каменец-Подольская, Винницкая, Немеровская, Перемышльская, Галичская, Комарнинская и другие братские школы.

Братские школы сыграли большую роль в развитии научных знаний и общем подъеме культуры на Украине. Будучи первыми

¹ Очерки по истории педагогики под редак. К. А. Констангинова, Е. Н. Мединского, стр. 57.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 4, изд. 4, стр. 223.

² «Воссоединение Украины с Россией». Документы и материалы в трех томах, изд. АН СССР, т. I, 1953 стр. 12.

³ Голубев, История Киевской духовной академии, приложение, стр. 2.

в русской земле правильно организованными школами с программой научного образования, они заметно ослабили губительные последствия шляхетско-католической культурной агрессии на Украине.

Однако, несмотря на указанные успехи, братские школы не смогли в конце концов стать в уровень с потребностями усложняющейся общественно-политической и культурной жизни страны.

Сознавая недостаточность научных средств в братских школах, некоторая часть предприимчивых воспитанников этих школ отправлялась для довершения образования в иезуитские и другие Западно-Европейские коллегии и академии, что служило поводом к злобным насмешкам со стороны католиков. «Ваша наука,— говорили они братским просветителям,— слаба и мусите отоль иноль на нее ся сдобыти, а звлаща от вызнавцов Костела Римского...»¹.

Таким образом, чтобы покончить с необходимостью «пить в чужих студницах воды наук иноязыческих», необходимо было безотлагательно заняться организацией таких школ, которые ни в чем бы не уступали иезуитским школам.

Реформу, направленную на повышение уровня научного образования в Киевских школах, Киевское братство провело с помощью своего «старшего брата» Петра Могилы.

Петр Могила (1597—1647 гг.), сын Молдавского господаря, вследствие неудач, постигших его семью на родине (отец Могилы был свергнут с господарского престола), был вынужден выехать в Польшу, с которой его связывало родство с некоторыми видными магнатами.

Постоянным местом жительства Могила избрал г. Киев, который мог привлечь его как значительный по тому времени общественный и культурный центр Украины. Здесь он вошел в состав местного братства.

В 1627 году умер архимандрит Киево-Печерской лавы Захария Копыстенский, и Могила, ставший незадолго до этого иноком лавры, начинает усиленно домогаться сана архимандрита лавры. чему немало способствовала его высокая по тому времени образованность и родственные связи в Польше. Домогания Могилы увенчались успехом: он был избран архимандритом лавры.

Одним из важнейших мероприятий Могилы за время его деятельности в лавре было преобразование основанной им лаврской школы в гимназиум «...для сообщения и расширения свободных наук на греческом, славянском и латинском языках всякого звания людям»¹.

¹ «Русская историческая библиотека», изд. археографической комиссии, т. VII, столбцы 104—105.

¹ Собрание сочинений М. А. Максимовича, т. 2., К., 1877, стр. 211.

Намерение Могилы открыть в Лавре «латинский гимназиум» было встречено мещанскими низами и рядовым казачеством крайне недоброжелательно. В самом факте открытия в г. Киеве «латинской» школы они видели подрыв братской школы и намерение насаждать таким путем на Украине ненавистные всем католицизм и унию. Особенное недовольство по поводу открытия «латинского гимназиума» выражали, по словам современника, «неученые попы и казаки», которые в латинстве, бывшим для них синонимом католицизма, видели своего закоренелого врага. «...на што латинское и польское училище заводите?»¹ — с глубоким возмущением спрашивали они Могилу и его сотрудников.

Между Могилой и Киевским братством начались переговоры, в результате которых в 1631 году состоялось соглашение об объединении лаврской и братской школ в одну школу под руководством Петра Могилы.

Добиваясь такого соглашения, Киевское братство тем самым выполняло завещание видного своего деятеля, покойного киевского митрополита Иова Борецкого, о том, чтобы «... школы в братстве Киевском, а не где индей фундованы были»².

Но когда вместо Иова Борецкого в Киевские митрополиты был избран Исаия Копинский, в результате чего не осуществились планы Могилы в отношении Киевской митрополии, то последний вернулся к прежнему намерению: основать гимназиум в лавре.

Начало учебных занятий в новооткрытом гимназиуме послужило причиной серьезных волнений среди киевского населения; дело дошло до открытого возмущения. Могиле и учителям гимназиума угрожали расправой. Вследствие такого оборота дела, Могила, по настоянию братства, дал окончательное согласие на соединение лаврской школы со школой братской. Соединение названных школ состоялось в 1632 году, в результате чего Киевское братство дозволило Петру Могиле (как сказано в акте соглашения братства с Могилой) считаться «старшим братом» и фундатором новой школы. Новооснованная школа, по настоянию братства, была выведена из территории Киево-Печерского монастыря на Подол, где она должна была быть всегда на виду и под контролем братства.

Такому исходу дела в значительной мере способствовало еще одно, характерное для того времени обстоятельство. Казацкая старшина и высшее духовенство, включившись в освободительное движение украинского народа, мечтали со временем, после изгнания польских панов с Украины, занять там господствующее положение. Об этом мечтал и зажиточный православный

¹ В. И. Перетц, К характеристике общественных отношений в Малороссии XVII века. СПб, 1903, стр. 1.

² Собрание сочинений М. А. Максимовича, т. II, К., 1887, стр. 200.

мещанин — купец, желавший после изгнания с Украины купцов-католиков занять положение последних. Укрепляя свои экономические и правовые позиции, новоявленное украинское шляхетство начало проявлять заботу о повышении своего образовательного уровня. Нужно было позаботиться о том, чтобы молодой украинский шляхтич не уступал польскому противнику и конкуренту и в культурном отношении.

В этом, несомненно, сказалось желание нового шляхетства придать себе «благородный» лоск, подчеркнуть свое отличие от «неученых казаков» — казацкой голытьбы.

Таким образом, новым, борющимся за свое господство на Украине классам нужно было овладеть некоторой суммой знаний, культурой и приспособить их к своим целям и потребностям. Для этого прежде всего нужна была своя школа, не уступающая по своему образовательному уровню католическим (иезуитским) коллегиям. Неудивительно поэтому, что новооснованная коллегия, «фундатором» которой стал решительный сторонник Западно-Европейской, «латинской» образованности Петр Могила, нашла широкую поддержку не только у зажиточного мещанства, но и казацкой старшины во главе с гетманом¹.

Для классов новооснованной коллегии Киевское братство при содействии Могилы в 1635 году заложило и в течение двух лет построило большое двухэтажное здание. Для приготовления учеников в коллегию в г. Виннице была основана особая школа².

Таковы в общих чертах исторические условия возникновения Киевской коллегии, положившей в нашей стране начало высшему образованию.

Обращаемся к учебно-воспитательной деятельности коллегии и установленным в ней административным порядкам.

Официальным учебным планом Киевской коллегии стали общепринятые в средневековых коллегиях и академиях «семь свободных искусств» (*Septem artes liberales*), с некоторыми, неизбежными по месту и времени, изменениями и дополнениями.

Упомянутый объем и состав обучения в Киевской коллегии был официально подтвержден привилеем короля Владислава IV от 18 марта 1635 года, в котором, однако, разрешалось преподавание наук «...не далее диалектики»¹.

¹ 17 марта 1632 г. гетман Иван Петражицкий издал приказ Киевскому атаману с казаками о беспрепятственной передаче Киевской братской школы «...в моц, заведоване и старане» ...Киевскому-печерскому архимандриту Петру Могиле. Хв. Титов, *Стара вища освіта на Україні*, К., 1923, стор. 91.

² Аскоценский, Киев с его древнейшим училищем академии, ч. 1. К., 1856. стр. 156.

¹ В королевском привилее Владислава IV по этому поводу сказано следующее: „*In Scholis etiam Kijowiensibus et Vilnensibus graece et latine docere nonunitis permitimus, ita tamen. ut humanicra non ultra Dialecticam et Logicam doceant...*“ «Киевская академия во второй половине XVIII века Н. И. Петрова, К., 1895, приложение, 1.

Королевский привилей, ограничивающий объем преподавания в коллегии указанием — «...не далее диалектики», несомненно, был обусловлен стремлением польского правительства уменьшить нежелательную с ее стороны конкуренцию против католических (иезуитских) коллегий. Кроме того, польское правительство и иезуиты боялись увеличения кадров украинской интеллигенции, представляющей собой существенную по тому времени угрозу для господства католицизма на Украине.

Киевская братская коллегия в XVII ст. состояла из шести классов (школ): инфима, грамматика, синтаксима, пиитика, риторика и философия¹. К каждому из названных классов (до класса риторики включительно) прикреплялся учитель, который с каждым годом передвигался вместе с учениками в последующий класс.

Научное образование в коллегии, в отличие от братских школ, заключалось в усилении изучения латинского языка. На нем, кроме славянской грамматики и катехизиса, излагались все предметы учебного плана коллегии. «Русским,— писал Могилла,— необходимо при греческом, славянском и польском языках знать и латинский, чтобы быть образованными, не быть простаками как в делах общественных, так и в ответах относительно правил веры...»².

В целях ежедневного совершенствования в знании латинского языка, учителя и профессора коллегии составляли на нем свои лекционные курсы, писали учебники (записки) для учеников и студентов класса философии. На латинском языке писались ученические сочинения. В преподавании этого языка учителя коллегии пользовались произведениями византийских церковных историков на латинском языке³. Последнее, надо полагать, делалось в целях соблюдения чистоты православного вероучения. Основным учебным пособием в изучении латинского языка служил принятый во всех Западно-Европейских учебных заведениях учебник Альвара⁴.

Кроме латинского языка, в грамматических классах коллегии преподавались славянский и греческий языки. Первый преподавался по грамматике Мелетия Смотрицкого, второй — по распространенному в Западно-Европейских коллегиях и академиях учебнику Гретсера⁵.

¹ Там же. стр. 87.

² Проф. Хв. Титов, Стара вища освіта в Київській Україні, К., 1924 стр. 114—115.

³ Описание рукописных собраний находящихся в г. Киеве Н. И. Петрова. вып. 1. № 218, стр. 271.

⁴ Педагогика братских школ Линчевского, Труды Киевской духовной академии, август, 1870.

⁵ „Historya szkół“ ...Лукашевича, т. I, стр. 352.

Об уважении к славянскому языку в коллегии свидетельствуют указания Петра Могилы о строгом соблюдении орфографии «...грамматичнаа диалекту Словенского пространного и всякоя благодсти и сладости преисполненного...»¹.

Из дошедших до нас учебных пособий Киевской коллегии видно, что ее преподаватели, расширяя объем материала по отдельным учебным предметам, присовокупляли к ним свои собственные пополнения и замечания. В Киевской коллегии значительно больше, чем в братских школах, обращалось внимания на преподавание риторики и пиитики. Если в братских школах эти предметы преподавались одним лицом, то в коллегии уже в первые годы ее существования риторикку читал ближайший сотрудник Могилы—Сильвестр Коссов, а пиитику — Антоний Пацевский².

Наиболее почитаемыми в коллегии авторитетами по риторике считались: Аристотель, Цицерон, Квинтилиан. По произведениям последних учителя и профессора коллегии составляли свои лекционные курсы, писали учебные пособия (записки) для учеников и студентов, давали к ним обширные комментарии.

Идя на встречу требованиям времени, руководители коллегии особое внимание в преподавании риторики уделяли проповеди. Нужно было, в противовес иезуитским проповедникам, готовить своих, научно подготовленных проповедников. В учебниках риторики проводились образцы лучших проповедей и даже целые проповеди. Некоторые учебники риторики, например, «Наука албо способ зложения казаня» (1659), составленная ректором коллегии Иоаникием Галятовским, содержали в себе целые трактаты о правилах составления проповедей. Согласно этим правилам, проповеднику нужно было основательно знать составные части проповеди и уметь составлять каждую из них. В упомянутом учебнике, написанном, по всей вероятности, для студентов коллегии, Галятовский указывает на те части, которые должны войти в состав каждой проповеди, это: экзордиум, (приступ), пропозиция (предложение), наррация (изложение) и конклюдия (заключение).

Теория проповеди, «казаня», изложенная в учебнике Галятовского требует от проповедника не только обширных знаний, но и определенных профессиональных навыков и умений. Проповедник, по мнению Галятовского, должен уметь использовать в своей проповеди данные из естествознания, истории, апокрифических сказаний, из средневековых книг и других источников.

Так, например, из естествознания он может использовать данные «...о зверох, птахах, рыбах, деревах, каменях и розмаи-

¹ Голубев. Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники. К., том 1, стр. 376.

² Голубев, история Киевской духовной академии, К., стр. 81.

тых водах, которые в морю, в реках, в студнях и на иных местцах знайдутся...».

Из истории можно использовать данные «...о героях, царях отважных, гетманов справами...» и др.

Автор «науки казаня» считает бесполезным обращаться и к греко-римской мифологии.

«Казаня», как понимал его Галятовский, должно представлять собою четкое и стройное по своей композиции сочинение, разукрашенное кудрявыми выражениями в форме диалогов, аллегорий, парабол, метафор и всякого рода сравнений. В целях достаточного понимания слушателями содержания «казаня», Галятовский рекомендует делать речь популярной, удобопонятной.

«...если будешь,— замечает он,— слово божие проповедати, а некто иной его не разумеет, себе самого будешь проповедати и выславляти, а не слово боже»...¹.

В составлении и произношении проповеди Галятовский считал необходимым пользоваться современным ему родным, украинским языком, который он предпочитал общепринятому в научной литературе языку латинскому.

Курс пиитики в Киевской коллегии, насколько можно судить по дошедшим до нас рукописным учебникам, делился на две части. В первой части сообщались некоторые риторические правила о письмах, периодах и хрие; во второй — излагались сведения о поэзии. Вторая часть в свою очередь делилась на два отдела, из которых — в первом говорилось о поэзии как таковой, во второй — о видах ее².

В качестве подсобного материала для поэтических упражнений в учебниках пиитики давались сведения из античной мифологии, а также предлагались индексы (указатели) сентенций и примеров из античных писателей³.

По установленному для учителей пиитики и риторики правилу, каждый месяц в классах устраивались «декламации краткие, или орации». Для учителя риторики полагалось ежегодно в начале занятий иметь публичную орацию⁴.

В Киевской коллегии, как и в предшествовавших ей братских школах, поэзия понималась как *artem pangendi Versus*, т. е. как искусство сплести вирши. Запасаясь в классе синтаксисом некоторым количеством слов, эпитетов, синонимов и других

¹ Иоаникий Галятовский, «Ключ разумения», 1659, Отдел старопечатных книг Государственной публичной библиотеки УССР в г. Киеве, инв. кир. 32, и «Казаня», придаток к «Ключ разумения», инв. кир. 33 б.

² Описание рукописных собраний, находящихся в г. Киеве, Н. И. Петрова, вып. 1., № 239, стр. 279.

³ О словесных науках и литературных занятиях в Киевской академии, Труды Киевской духовной академии, июль, 1866, стр. 314.

⁴ Описание документов и дел св. Синода, т. 2, кн. 2, 1878, приложение, стр. 22.

средств художественного изображения, ученики коллегии, переходя в класс пиитики, располагали уже нужным материалом для составления виршей. Сочинением виршей занимались все, изучавшие пиитику. Известно, что окончившие Киевскую коллегию (академию) отличались умением и любовью к сочинению виршей. Преподаватели коллегии сообщали своим слушателям нужные сведения о родах и видах поэзии.

Следует отметить, что в Киевской коллегии, по примеру современной ей польской поэзии, установилась силлабическая система стихосложения. Этим размером учащиеся и студенты коллегии писали свои вирши. Особенным вниманием в коллегии пользовались вирши религиозного содержания, так называемые псалмы и канты. Сочинением последних занимались не только учащиеся, но и преподаватели пиитики. Псалмы и канты проносились, а чаще всего распевались целым хором певчих перед училищным начальством, а также в домах киевских обывателей.

Из сказанного, однако, не следует, что учащиеся и учителя коллегии не принимали участия в сочинении виршей по поводу современных им общественных событий или в честь знаменитых современников. Так, из одной драмы начала XVIII века известно, что «...дети украинские, во училищах Киевских учащиеся»... приветствовали виршами Богдана Хмельницкого при въезде его в город Киев после блестящих побед над польско-шляхетскими войсками¹.

Из всех учебных предметов Киевской братской коллегии особого внимания заслуживает ее философский курс. Курс этот был завершающим обучение в коллегии; преподавание его, несомненно, имело огромное значение в формировании научного мировоззрения её питомцев. До нас дошло несколько рукописей философских курсов, прочитанных в Киевской коллегии (академии) в XVII—XVIII веках².

¹ Собрание сочинений М. А. Максимовича т. 1, К., 1887, стр. 59.

² Наиболее оригинальными являются следующие рукописные курсы, сберегаемые в отделе рукописей государственной публичной библиотеки УССР в г. Киеве:

1. „Subsidium Logicae“ (учебник логики), представляющий собой курс логики, прочитанный в 1639-40 учебном году в коллегии профессором философии Йосифом Горбацким. ГПБ УССР. Отдел рукописей, Шифр МАК, Н. 126. Краткое описание рукописи — у Н. И. Петрова, «Описание рукописных собраний, находящихся в г. Киеве», вып. 1, М., 1891 № 126.

2. „Opus totius philosophiae“ («Сочинение всей философии», представляющее собой запись двухгодичного философского курса, прочитанного в 1645—1647 учебных годах профессором философии и риторики Иннокентием Гизелем. Киев, ГПБ, УССР. Отдел рукописей, Шифр МАК, Н. 128. Краткое описание рукописи — у Н. И. Петрова «Описание рукописных собраний, находящихся в г. Киеве» М. 1891, № 128.

Ближайшее ознакомление с этими курсами убеждает нас в том, что их авторы были достаточно знакомы с основными вопросами как предшествующей, так и современной им философии и, следовательно, были достаточно подготовлены к самостоятельной разработке излагаемых вопросов. Следует также отметить, что несмотря на то, что высшим авторитетом для авторов этих курсов был Аристотель в интерпретации средневековых схоластов, живые интересы, затрагиваемые современной им действительностью, должны были вызвать их на решение многих вопросов, которых не могли затрагивать ни Аристотель, ни средневековые философы.

Реальные интересы и тенденции борющихся в XVII веке на Украине классов и прежде всего классов, борющихся против феодальной и католической реакции, несомненно должны были найти некоторое отражение в их идеологии и, следовательно, в излагаемых ими курсах. Мыслитель, ученый, даже если бы и захотел «...не может,— по словам Н. Г. Чернышевского,— не замечать событий, происходящих около него, не принимать их в соображение, стало быть и его система не может не отражать на себе хода событий»¹.

Что касается профессоров Киевской коллегии, то известно, что некоторые из них, например, Иннокентий Гизель, принимали активное участие в общественно-политической жизни своего времени².

Философские курсы Киевской коллегии, в частности, курсы Горбацкого и Гизеля, созданные в период нарастания освободительной борьбы украинского народа как идейное оружие против

¹ Н. Г. Чернышевский, Избранные философские соч., 1923, стр. 45.

² Сумцов Н. Ф., Иннокентий Гизель, «Киевская старина», 1884, том 10, стр. 493.

3. „Tractatus in libros Aristotelis de anima“ (Трактат о книгах Аристотеля о душе), входящий в состав курса под названием: „In octo libros Aristotelis de physico auditu quaestiones“ («Вопросы, касающиеся лекций по физике, изложенной Аристотелем в 8 книгах»). Рукопись датирована 1687-88 гг., без указания на авторство. Так, как в это время профессором философии в коллегии состоял Иосиф Кроковский, то естественно предположить, что этот курс читался именно им.

4. *Agonium philosophicum in arena gymnadis Mohilaeanae Kijowien sis Orthadaxe Rossiacis agonothetis apertuw...* («Публичные философские соревнования, открытые для Российских соревнователей на арене Киево-Могилянской православной гимназии». ГПБ, УССР, отдел рукописей, Шифр ДС, Н. 152).

5. „Uniuersa philosophiae“ («Всеобщая философия») Курс, прочитанный в 1699—1702 гг. в Киевской коллегии профессором Иннокентием Поповским. Особенно обширным в этом курсе является раздел физики, заключающий в себе: 1. *de principiis corporis* лл. 221-253 2. *de proprietatibus corporis naturalis* лл. 253-400 3. *de corpore in Specie* лл. 401-480. 4. *de anima* лл. 481-564. 5. *de meteoris* (лл. 565-594). ГПБ, УССР, отдел рукописей, Шифр, 442, Н 1796.

католической реакции, несомненно имели положительное значение для развития передовой отечественной общественной мысли, у главных направлений которой, по замечанию В. И. Ленина, «...имеется, к счастью, солидная материалистическая традиция»¹.

Поэтому нас не могут не интересовать материалистические тенденции авторов философских курсов в Киевской коллегии, тем более что в отношении данной коллегии среди дореволюционных исследователей установилось определенное мнение, что через нее «...в южнорусскую науку вторглась чуждая ей римско-католическая схоластика»² которая, естественно, исключала всякую возможность развития материалистических идей и традиций на Украине и в России.

Из общего состава философского курса, преподаваемого в Киевской коллегии в XVII—XVIII вв., особый интерес вызывает физика, или так называемая натуральная философия, предметом изучения которой являлись: общее начало всех вещей, форма и материя во всех их видоизменениях, природа и свойства предметов, бесконечное в его качествах, пространство и время, законы общего движения и, наконец, душа со всеми проявляемыми ею способностями.

Физика была наиболее обширной частью философского курса, на преподавание ее отводилось наибольшее количество учебного времени³.

Следует отметить, что если метафизика в философской системе коллегии представляла собою типичный для средневековья схоластический курс, содержащий фантастические сведения о свойствах божества, о бытии ангелов, о благодати и т. п., то физика заметно отразила в себе материалистические тенденции философов, преподавателей Киевской коллегии. Нельзя в связи с этим не отметить и тот факт, что некоторые преподаватели философии в Киевской коллегии закончили свое образование в заимской академии, где богословие излагалось не по Фоме Аквинскому, как во многих Западно-Европейских коллегиях и академиях, а по Дунсу Скотту, в номиналистическом учении которого были заметны материалистические тенденции.

По установленному в коллегии правилу, профессора философии обязаны были приносить публичную присягу в том, что они

¹ В. И. Ленин, Соч., изд. 4., т. 33, стр. 201—202.

² «Киевская старина», 1884, т. 10, стр. 493.

³ Например, „Opus totius philosophiae“ Гизеля поделено по отдельным отдельным своим составным частям следующим образом: диалектика (листов своим составным частям следующим образом: диалектика (листов книге метеоров Аристотеля (лл. 279—310), философские аксиомы (лл. 311—339), физика (лл. 339—618), метафизика (лл. 619—664), и *disputa (tractatus de deo et angelis*“ (лл. 644—678), Смотр. „Opus totius philosophiae“

ничего нового и несогласного с учением церкви не будут преподавать¹.

Таким образом, преподаватели Киевской коллегии в изложении принципиальных вопросов философии обязаны были исходить из фидеистических позиций. Неудивительно поэтому, что в решении этих вопросов материалистические тенденции их учения приходили в резкое противоречие с их исходными фидеистическими позициями.

Отметим некоторые высказывания философов Киевской коллегии, в частности те из них, в которых наиболее отчетливо проявились их материалистические тенденции, из которых можно также заключить, как они решали некоторые принципиальные вопросы современной им философии.

Посмотрим прежде всего, как киевские философы решали основной вопрос философии — вопрос об отношении мышления к бытию, сознания к природе. Иосиф Горбацкий, состоявший профессором философии в коллегии в 1639—1642 гг., в упомянутом выше „Subsidium Logicae“ пытается следующим образом подойти к решению этого вопроса: «Природа существует двумя способами: во-первых, в себе, хотя бы ее не познавал никакой интеллект... во-вторых, идеально, в наших восприятиях и понятиях...². Таким образом, существование реального мира, независимо от познающего его человека, является для киевского философа неоспоримым фактом. Не сомневаясь в существовании реального мира, независимо от интеллекта, т. е. познающего его человека, Горбацкий и другие, трудившиеся после него в Киевской коллегии профессора философии, положительно решают вопрос и о его познаваемости. «Всякое реальное существо,— говорит Стефан Яворский,— может быть познано»³.

Каждый предмет, каждая единичная вещь, по мнению Киевских философов, состоит из двух начал: материи и формы. Говоря о форме, Киевские философы подчеркивают, что ее нельзя оторвать от материи. Форма неразрывно связана с материей. Материя не может существовать без формы и форма без материи. Материя вечна, она не рождается и не может быть уничтожена. Основным свойством материи является движение или действие. «Вся природа,— говорит Горбацкий,— это субстанция действий»⁴.

Рассуждая об источнике появления «новых форм» в природе, Киевские философы приходят к выводу, что «...все субстанцио-

¹ «Киевская академия в второй половине XVII в.» Н. И. Петрова, К., 1895, стр. 86.

² „Subsidium Logicae“ 1639, ГПБ, СССР. Шифр. МАК, Н 126, л. 14, на обороте.

³ „Agonium philosophicum“, ...л. 14 (на обороте).

⁴ „Subsidium Logicae“, л. 300. (на обороте).

нальные формы выводятся из возможности материи»¹.

Материя, по мнению киевских философов, «стремится» к форме.

Если материя имеет определенные предпосылки для возникновения «новой» формы, то она «сбрасывает» старую форму и приобретает «высшую» форму. В этом сущность перехода «низшей» формы к «высшей».

Как видим, в понимании процесса образования «новых форм» в природе, киевские философы стоят на метафизических позициях. Они, как их европейские современники в философии, не могли вскрыть внутреннее содержание процесса движения (развития) и, следовательно, не могли объяснить процесс превращения количественных изменений в качественные и возникновения таким путем «нового» в природе.

Культурный уровень эпохи, низкий уровень развития естественнонаучных знаний, когда, по словам Энгельса, «В природе отрицали всякое изменение, всякое развитие»², не позволяли нашим философам уяснить ту непреложную истину, что «...переход от одной формы движения к другой всегда остается скачком, решающим поворотом»³.

И все же, основываясь на понимании природы (материи) как объективной реальности, существующей вне и независимо от сознания, киевские философы пришли к методологически важному выводу, что из материи «выводятся» не только растительные, но и психические функции. Единственным исключением из этой естественной обусловленности жизненных явлений является, по их мнению, «душа разумная», которую они, как блюстители церковных догматов, считали созданием бога. «Все субстанциональные формы, кроме души разумной,— подчеркивает Гизель,— выводятся из материи»⁴.

Природа души, по мнению Киевских философов,— не материальная, а «спиритуальная», она одна является вечно чистой, т. е. отрешенной от материи формой. Стремясь преодолеть дуализм своих современников в философии, утверждавших абсолютную независимость друг от друга начал материального и духовного, киевские философы стараются «связать» духовное с телесным, утверждая, что «...душа по своей сущности есть вся во всем теле»⁵.

Итак, из сказанного видно, что в решении основного вопроса философии преподаватели Киевской коллегии колебались между идеализмом и материализмом, но в конце концов, склонялись к идеализму (фидеизму).

¹ *Opus totius philosophiae*, л. 361 (на обороте).

² Ф. Энгельс, *Диалектика природы*, Изд. 1952, стр. 6.

³ Ф. Энгельс, *Анти-Дюринг*, Изд. 1951, стр. 63.

⁴ *Opus totius philosophiae*, л. 361 (на обороте).

⁵ „*Tractatus in libros Aristotelis de anima*“, л. 318.

Не сомневаясь в возможности познать реально существующий мир, киевские философы разработали и собственную теорию познания. Процесс познания окружающего нас мира происходит, по их мнению, двумя путями: сенсорным, т. е. чувственным, и интеллектуальным, т. е. умственным. В своей теории чувственного познания киевские философы исходят из материалистического учения античных философов Демокрита и Эпикура, развивавших в свое время наивно материалистическую теорию «идолов». Согласно этой теории, из тел как будто истекают, отделяются тонкие оболочки—«идолы» (образы вещей), которые воздействуют на органы чувств и доставляют материал для познания внешнего мира. Исходя из этой теории, философы, преподаватели коллегии, считали, что окружающие нас предметы непрерывно и с большой быстротой излучают мельчайшие материальные частицы — „Species“ (образы) этих предметов, действующие на наши органы чувств. Процесс чувственного познания совершается путем непосредственного контакта познающего субъекта с объектом. Но когда между познающим и познаваемым такого контакта нет, то в этом случае познание становится возможным «...посредством качества, перенесенного от объекта через окружающую среду»¹. Качеством этим является «образ», который, по мнению киевских философов, является материальной предпосылкой чувственного познания предметов и явлений внешнего мира.

Что касается осознанного «образа», то он является не только фактом ощущения, т. е. чувственным познанием отдельных качеств предмета, но и идеальным образом (подобием) предмета².

Центральным органом чувственного познания является мозг человека, который связан с внешним миром посредством органов чувств. «Органы чувств,— говорит Иосаф Кроковский,— являются вынесенными во вне органами мозга, который воспринимает через них внешние предметы»³.

Основываясь на личных наблюдениях и догадках, философы Киевской коллегии склонны думать, что и сам интеллект как «потенция разумной души» также локализуется в мозгу. Упомянутый Кроковский считал возможным признать, что «...хотя интеллект сидит во всем теле, однако он выполняет свою функцию только в мозгу, поскольку он зависит в своей деятельности от чувственного познания, органом которого является мозг»⁴. В подтверждение сказанного автор приводит свои наблюдения над случаями нарушения нормальной умственной деятельности, в результате действия на мозг алкоголя и других причин. Важно отметить, что в своих лекциях и учебниках (записках) профес-

¹ „Opus totius philosophiae“, л. 576 (на обороте).

² Там же, л. 612.

³ „Tractatus in libros Aristotelis de anima“, л. 318.

⁴ Там же, л. 318.

сора коллеги основывают свои выводы о деятельности мозга и органов чувств человека на данных современного им естествознания. В упомянутых выше «курсах» они дают детальное анатомо-физиологическое описание органов чувств как путей, по которым мозг получает извне те или иные впечатления. Важнейшей функцией мозга, по мнению киевских философов, является его способность посредством внешних чувств давать «общий», синтетический образ воспринимаемого предмета. Эту функцию человеческого мозга киевские философы называют «общим чувством». Функция «общего чувства», по мнению Кроковского, проявляется в способности судить, т. е. сопоставлять данные разных органов чувств или устанавливая разницу между ними. Чувственное познание является естественной предпосылкой интеллектуального познания.

В противоположность фидеистическим теориям средневековья киевские философы стараются материалистически объяснить деятельность познающего интеллекта. Интеллект, по их мнению, неспособен к познанию без материальных образов.

«Если интеллект,— говорит Иннокентий Гизель,— представляет себе бога или ангелов, то он представляет их себе не иначе, как подобие материальных вещей»¹.

Основная функция интеллекта, как «потенции разумной души» состоит, по мнению киевских философов, в познании внутренних связей объективного мира, в познании сущности каждого предмета. «Интеллект,— говорит Кроковский,— есть потенция, посредством которой мы познаем то, что является сущностью какого-нибудь предмета»². Сам процесс интеллектуального познания представляется киевским философам следующим образом: внешние предметы с их существенными и случайными признаками отражаются посредством «образов» в чувственном познании. Интеллект, обобщая данные ощущений, посредством внимания отвлекается от всего несущественного, случайного. Результатом обобщения является один общий образ или понятие, в котором схватывается сущность предмета, выражающаяся в мысленном слове или термине.

Из сказанного видно, что киевские философы не дошли еще до понимания качественного различия между чувственным и рациональным познанием. Они не могли еще в свое время поставить и разрешить вопрос о скачкообразности перехода от непосредственного, чувственного восприятия к мышлению в процессе познания окружающего нас мира; они, как и их современники в философии, не могли уяснить тот факт, что «Диалектичен не только переход от материи к сознанию, но и от ощущения к мысли»³.

¹ „Opus totius philosophiae“, л. 610 (на обороте).

² „Tractatus . . . de anima“, л. 328.

³ В. И. Ленин, Философские тетради, Изд. 1947, стр. 264.

Метафизическое понимание киевскими философами природы интеллекта не мешает, однако, некоторым из них материалистически понимать созданные им (интеллектом) понятия. Последние, по их мнению, являются «образами» существующих между предметами связей и отношений. «Понятие или мысленное слово,—говорит Иннокентий Гизель,— это «образ» или подобие, выраженного умом или говорящим интеллектом, или актом мышления... ..объективного мира»¹.

Итак, киевские философы в интеллектуальном познании, в отличие от чувственного познания, видели процесс, оперирующий понятиями. Тот факт, что понятия естественно облечены в «материальную языковую оболочку», вне которой они не существуют и без которой немислим сам процесс познания, также был понятен киевским философам. «Интеллектуальная деятельность или мышление,—говорит Гизель,— не может существовать без языка»². Каждое правильно созданное понятие должно отражать в себе объективную сущность, основные естественные свойства вещи. «Создание общих понятий,—говорит Горбачкий,— это ...такой интеллектуальный процесс, который опирается на природу вещей»³. Следовательно, понятия могут быть правильными в том случае, когда они правильно отражают естественную сущность, природу вещей.

Каким образом мы можем знать, что наше познание является адекватным, т. е. правильно отображающим существенные признаки, действительную природу вещи? Критическую проверку наших понятий, по мнению Гизеля, осуществляет важнейшая операция познания — суждение. «Интеллект судит так, как есть в действительности,—говорит Гизель,— подтверждая, соединяет то, что в действительности соединено, и... разъединяет то, что в действительности разъединено. Суждение является фальшивым, когда интеллект судит иначе, нежели есть в действительности, соединяя то, что в действительности не соединено, и разъединяя то, что в действительности соединено»⁴.

Теория познания киевских философов, в которой, как видим, имеются материалистические черты, по условиям времени, носила еще слишком односторонний, более натуралистический, чем общественно-исторический характер.

Говоря о роли чувств и интеллекта (рассудка) в познании объективного мира, киевские философы не показывают роли общественной практики. Они, как и их современники в философии, не сумели связать процесс образования понятий в сознании человека с его трудовой деятельностью. Поэтому высшим критерием «правильности» понятий является у них интеллект, изоли-

¹ „Opus totius philosophiae“, л. 611, (на обороте).

² Там же. л. 611, (на обороте).

³ „Subsidium Logicae“, л. 170.

⁴ „Opus totius philosophiae“, л. 25 (на обороте).

рованный от практики. «Спор о действительности или недействительности мышления, изолирующегося от практики, есть, по словам Маркса, чисто схоластический вопрос»¹

Таким этот вопрос оставался и в философской системе киевских философов. Материалистические тенденции киевских философов носили явно метафизический характер. Сам процесс познания представлялся им как пассивный акт восприятия человеком внешних впечатлений. В силу исторической ограниченности киевские философы не дошли еще до понимания той неоспоримой истины, что познание развивается в процессе активного воздействия человека на природу и вне практической деятельности немислимо.

И все же, несмотря на это, в схоластической форме философских курсов Киевской коллегии, созданных в бурную эпоху борьбы народа за свою национальную независимость, в противоположность реакционным, метафизическим курсам иезуитов, было сказано свое «новое слово». Последнее нашло свое выражение в признании авторами этих курсов существования независимого от сознания внешнего мира, который отражается в сознании человека и который можно познать. Вопреки фидеистическим позициям в философии, киевские философы признавали и высоко ценили познавательную силу разума.

Киевские философы не застыли, подобно средневековым схоластам, на толковании Аристотеля. Используя философские теории античных философов, они проводили в умы своих слушателей, несомненно, прогрессивные по своему времени идеи. Эти идеи киевские философы развивали не только на основе философских и естественнонаучных данных, восходящих к античности, но и современных им научных знаний.

Социальной основой мировоззрения таких деятелей, как Горбачкий и особенно Гизель, была современная им напряженная борьба украинского народа за свою национальную независимость. Эта борьба, естественно, должна была стать тем родником, который питал их материалистические идеи.

Лекции по философии в Киевской коллегии (академии) читал обыкновенно ректор коллегии; иногда чтение этого курса поручалось префекту, который одновременно ведал и учебной частью. Сам процесс изложения учебного материала происходил следующим образом: профессор объявлял тему лекции, обыкновенно в форме тезиса, и приводил доказательства самого тезиса. После этого он защищал свой тезис от целого ряда возможных возражений.

Организация классовых диспутов происходила в следующем порядке: профессор назначал студентам приготовить изложенный на уроке раздел учебной программы. В начале

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения в двух томах, том II, стр. 383.

он вызывал двух студентов, из которых один защищал какое-либо положение, а другой возражал ему. В такой форме диспуты происходившие еженедельно, преимущественно в субботу, считались важным средством повторения и закрепления учебного материала, пройденного в течение недели. В конце года устраивался в торжественной обстановке публичный диспут, привлекавший массу посетителей. Об этом диспуте население г. Киева оповещалось заранее в форме художественно оформленных тезисов. Каждый тезис защищал студент, называемый дефендентом (защитником), остальные выступали в качестве оппонентов.

Споры велись с крайним увлечением. О том, как часто организовались в коллегии частые публичные диспуты, мы никаких положительных сведений не имеем. Однако известно, что в Московской Славяно-греко-латинской академии и в Смоленском коллегииуме, созданных по образцу Киевской коллегии, частые публичные диспуты были субботние, месячные и по четвертям года¹. Поэтому можно полагать, что такой порядок существовал и в Киевской коллегии.

Уроки в Киевской коллегии были утренние и послеобеденные. По четвергам еженедельно устанавливались рекреации, а весной, в мае месяце, для рекреаций отводилось целых три дня. Летние вакации продолжались два месяца — июль и август².

Начало ежедневных уроков в коллегии происходило в следующем порядке: ученики входили в классы по первому звонку, со вторым звонком в классы входили учителя трех меньших классов, с третьим звонком в классы входил преподаватель пиитики, с четвертым — ритор, с пятым — философ³.

В коллегии существовали свои правила поведения учеников и студентов, список которых вывешивался префектом в каждом классе на видном месте. Места в классах ученики занимали в порядке, установленном наставниками, по успехам.

Лучшие ученики сидели впереди на особом месте; нарушители дисциплины и неуспевающие сидели позади, возле печки и дверей⁴. Каждый учитель от класса риторики до низших классов имел помощников, так называемых аудиторов, в задачу которых входило выслушивание заданных ученикам уроков до прихода в класс учителя. В субботу аудиторы и сами учителя выслушивали все уроки, выученные в течение недели. Такое повторение называлось *Sabbatiwa*⁵.

¹ «Описание документов и дел архива св. Синода», т. 2., кн. 2, приложение, стр. 22.

² «Киевская академия во второй половине XVII века», проф. Н. И. Петрова, К., 1895, стр. 96.

³ «Описание документов и дел архива св. Синода», т. 2, кн. 2, 1877, приложение, стр. 23.

⁴ «Киевская коллегия во второй полов. XVII в.», Н. И. Петрова, К., 1895, стр. 97.

⁵ Там же, стр. 97.

По приходе в класс учитель проверял «нотаты» об ответах каждого ученика, представленные аудиторами.

После проверки (выслушивания) «нотат», учитель объяснял правила, давал на них устные примеры, разъяснял отдельных авторов с переводом на русский язык и обратно.

В коллегии широко практиковались письменные работы в виде сочинений и переводов. Работы, проводимые в классе, назывались «экзерцициями»; работы, задаваемые на дом, назывались «оккупациями». Классные работы проверялись учителем; каждому ученику ставилась определенная оценка.

По приходе в класс учитель сам раздавал ученикам их работы с краткими замечаниями о допущенных ошибках¹.

Для наблюдения за поведением учеников в низших классах, по риторике включительно, был дежурный, называемый цензором; последний наблюдал за чистотой класса, отмечал отсутствующих на уроках, сообщал учителю о проказах шалунов. Цензор обязан был приносить в класс классные книги и выправленные учителем ученические «экзерциции» и «оккупации»².

Высшее наблюдение за поведением учеников коллегии принадлежало префекту, который за первый проступок делал выговор, во второй и третий раз ученик подвергался наказанию. Префект не имел права наказывать студентов философии и богословия³.

Весьма чувствительной мерой наказания за важные проступки были телесные наказания. Ученики, подвергшиеся такому наказанию в присутствии всего класса, исключались из коллегии. Только в исключительных случаях, когда усматривалась надежда к исправлению, они могли быть приняты обратно, но и то с переводом в низший класс⁴.

Из внешкольных развлечений и занятий учеников и студентов коллегии заслуживают внимания драматические представления. Репертуар последних состоял из пьес преимущественно на евангельские сюжеты, а также на сюжеты «житийной» или апокрифической литературы.

В XVII веке в Киевской коллегии представлялись религиозные драмы на темы: «Действие на страсти Христовы», «Об Алексие человеке божием» и другие. Пьеса об «Алексие» была написана и представлена в честь царя Алексея Михайловича «...в знамение верного подданства»⁵.

¹ Там же, стр. 97.

² «Киевская коллегия во второй половине XVII в.», Н. И. Петрова, К., 1895, стр. 99.

³ «Описание документов и дел архива св. Синода», т. 2, кн. 2, К., 1878, приложение, стр. 21.

⁴ И. Шляпкин, «Димитрий ростовский и его время», 1891, стр. 349.

⁵ «О словесных науках в Киевской академии», Труды Киевской духовной академии. 1866, ноябрь, стр. 362.

В дни майских рекреаций ученики и студенты коллегии с учителями и профессорами выходили за город для забав, где ученики развлекались играми, студенты пели канты. Для таких прогулок преподаватель поэзии сочинял комедии или трагедии, а прочие преподаватели — диалоги¹.

Из других внешкольных развлечений учеников и студентов Киевской коллегии заслуживают внимания кукольные представления посредством так называемого вертепа².

Вертеп представлял собой небольшой ящик в виде двухэтажного домика, легко передвигаемого одним человеком. Куклы передвигались по проволокам, незаметным для зрителей. В верхнем этаже происходила религиозная часть представления. В нижнем этаже происходили сценки из живой действительности. В противовес иезуитской вертепной драме, полной фривольных подробностей в изображении библейских персонажей, ученики и студенты коллегии показывали свои, нравоучительного характера драмы, в которых представлялись самые разнообразные сцены из народной жизни. Демонстрация вертепа заключалась в движениях и действиях кукол с произношением от их лица, соответственно их роли, разными голосами, текстов.

Сочинением вертепных текстов занимались преподаватели пиитики и риторики. Вертепные представления, благодаря учащимся Киевской коллегии (академии), сделались на Украине наиболее любимым и распространенным видом народно-христианской мистерии. Перешедшая через школу в народ вертепная драма знаменовала собой живую, органическую связь ее с повседневной жизнью и бытом народа.

Небезынтересным является вопрос о том, как обстояло дело в Киевской коллегии с внеклассным чтением учеников и студентов. Тем более известно, что коллегия не вводила в круг преподавания некоторые учебные предметы, преподаваемые в иезуитских коллегиях.

Чтобы не быть в числе остающихся по части наук, не изучавшихся в коллегии, последняя естественно должна была как-то организовать самообразовательную деятельность учеников и студентов путем внеклассного чтения.

В виду отсутствия каких-либо определенных на этот счет сведений, надо подгадать, что огромная библиотека, пожертвованная коллегии Могилою и щедро пополняемая его преемниками,

¹ «Киевская академия во второй половине XVII в.», Н. И. Петрова, К., 1885, стр. 106.

² На время появления вертепа на Украине с точностью указать нельзя. Первое упоминание о его появлении относится к концу XVI в. «Киевская старина» т. 4, 1882. Интересно отметить, что студенты, окончившие Киевскую коллегию, занимая потом преподавательские должности в Сибири, занесли туда и вертеп, где он был долгое время в употреблении среди населения. См. «Хрестоматия по укр. лит.», Проф. Сумцова, X, 1883, 127.

должна была служить, главным образом, цели пополнения знаний учащихся путем внеклассного чтения¹.

Дошедшие до нас сведения о количестве книг библиотеки коллегии, насчитывавшей в своем первоначальном составе до 17 тысяч экземпляров, среди которых были книги по истории, литературе, географии, философии, медицине, математике, астрономии, свидетельствуют о том, что студенты коллегии, помимо усвоения наук по учебному плану, могли пополнять недостающие знания путем самостоятельного чтения.

Киевская коллегия, как и предшествовавшие ей братские школы, была всесословным учебным заведением. Здесь, наряду с детьми духовенства, украинской шляхты и казацкой старшины, учились дети простого казачества. Дети духовенства составляли в ней меньшинство. В этом можно убедиться на основании следующих данных:

Годы	Училось учеников духовного сословия	Разночинцев	Всего
1736-7	67	300	367
1737-8	140	354	494
1738-9	92	352	444
1739-40	146	390	536
1740-41	152	415	567
1741-42	266	556	822
1742-43	263	639	902
1743-44	338	772	1110 ²

Что касается способов содержания учеников и студентов Киевской коллегии, то из дошедших до нас данных известно, что для беднейших учеников и студентов было устроено общежитие — «бурса». Но так как бурса не могла удовлетворить всех желающих пользоваться ею, то коллегийское начальство вынуждено было разрешать своим питомцам селиться в помещениях приходских школ. Беднейшие ученики и студенты, проживавшие в приходских помещениях, участвовали в отправлении некоторых церковных треб и за это получали от прихожан пособие пищею, дровами. В некоторых, более зажиточных приходах ученики и студенты коллегии заводили партесные хоры³.

¹ В «Трудах 3-го археологического съезда в России, бывшего в 1874 году в г. Киеве», имеется интересная заметка С. Т. Голубева «О составе библиотеки Петра Могилы», подаренной Киевской коллегии. Приведенный здесь перечень книг показателен не только в отношении научно-педагогических интересов самого Могилы, он интересен также и в отношении направления научного образования учеников и студентов Киевской коллегии в XVII в. См. «Труды 3-го археологического съезда в России, бывшего в г. Киеве», 1874 г. том 2. К., 1878 г., стр. 257—268.

² Н. И. Петров, Акты и документы, относящиеся к истории Киевской духовной академии, том 1, часть 2, № 22, стр. 272.

³ «Киевская академия во второй половине XVII в.», Н. И. Петрова, К., 1895, стр. 86.

Важным средством «пропитания» учащихся коллегии были так называемые «миркования», заключающиеся в том, что бурсаки в обеденное время ходили по домам более зажиточных жителей г. Киева и пели канты у окошек, при воротах, на площадях, за что получали вознаграждение деньгами или съестными припасами¹.

Обращаясь к вопросу о значении Киевской коллегии (академии) для последующего развития украинского и русского (общерусского) просвещения, мы должны признать, что это значение было огромно. Учреждение Киевской коллегии имело, по словам академика Пекарского, такое «...огромное влияние на последующий ход русского просвещения», что в нем находится «...зародыш и начало всего, происходившего в нашей истории наук и литературы», и здесь, по его мнению, «...надо бы искать разгадки многому, что существовало и держалось у нас долгое время»².

Важнейшим условием такого успеха Киевской образованности в Москве было совершившееся в 1654 году воссоединение Украины с Россией, которое «...содействовало росту производительных сил России и Украины, культурному взаимообогащению двух братских народов»³. Именно, с этого времени начинается новая эпоха в истории русско-украинских культурных связей и взаимоотношений, способствовавших в конечном итоге общему подъему культуры обоих народов.

В результате воссоединения Украины с Россией, во много раз возросло и значение Киевской коллегии, которая с этого времени становится выдающимся общерусским культурно-просветительным заведением, из которого, как писал гетман Богдан Хмельницкий царю Алексею Михайловичу, «...многие изыдоща в целомудрии и любомудрии леторосли церкви божии; и тебе великому государю, к службе угодны»⁴.

Со времени воссоединения Украины с Россией стали чаще без всякого препятствия со стороны Московского правительства совершаться поездки представителей Киевской коллегии в Москву.

Одновременно учащаются вошедшие потом в традицию, поездки жителей Московского государства в Киев для обучения в коллегии. Так, например, еще в 40-х годах XVII века члены известного Ртищевского кружка Зеркальников Иван и Озеров поехали в Киев доучиваться по латыни. Свою признательность

¹ В романе В. Т. Нарезного «Бурсак» дан комический очерк этих «миркований».

² «Наука и литература в России при Петре Великом». Исследование академика Пекарского, т. I, СПб, 1862, стр. 1.

³ Тезисы о 300-летию воссоединения Украины с Россией 1654—1954», «Правда» от 12 января 1954 года.

⁴ «Архив Юго-Западной России», т. 10, стр. 16.

Киевской коллегии Зеркальников отметил пожертвованием ей своего дома в Киеве — «...во ознаменованіе любви своея за воспріятіе премудрости на тем мѣстцу (мѣсте) святом Киевомогилянском»...¹.

Благосклонное отношеніе Московскаго правительства к Киевской коллегии нашло свое выраженіе в грамоте царя Алексея Михайлевича от 1659 года о наделеніи ее землей².

Являясь в Москву, ученые — киевляне, бывшіе студенты Киевской коллегии, принимали там самое активное участіе в общественной и культурной жизни. На примѣре Семеона Полоцкаго, Феофана Прокоповича и многих других представителей киевской учености в Москве, ставших видными общерусскими культурными деятелями, можно видѣть, насколько их деятельность была там плодотворна. «Все, — говорит П. А. Бессонов, — подверглось их реформе, по крайней мере неотразимому влиянію: богословское ученіе, исправленіе книг, печатаніе, дела раскола, церковная администрація, проповѣдь, храмовое, общественное и домашнее пѣніе, ноты... вид и состав школ, предметы и способы ученія, содержаніе библиотек, правописаніе, выговор речи устной и в чтеніи (мягкое «г» вместо твердаго), общественные игры, зрелища и т. д.»³.

Проявив себя активными деятелями на многих участках общественной и культурной жизни Московскаго государства, ученые киевляне, бывшіе воспитанники Киевской коллегии, тем самым способствовали взаимному обогащенію культур воссоединенных в едином русском государстве народов — русскаго и украинскаго.

В 1686 году по договору между Московским государством и Польшей Киев окончательно перешел под власть и в состав России. В связи с этим для Киевской коллегии безвозвратно прошли прежніе ограниченія и преследованія. В царской грамоте от 11 января 1694 года подтверждалось «...право свободнаго существованія и преподаванія в коллегии полнаго учебнаго курса наук включительно до богословія». Этой же грамотой предоставлялось коллегии право принимать «...для ученія философской и богословской науки детей великороссійских и малороссійских всяких чинов и из иных стран приходящих...»⁴. Особенно возвысилось значеніе Киевской коллегии в связи с реформами Петра I в России. Учитывая недостаточность московскаго образованія, Петр I в октябрѣ 1699 года указывал патриарху Адриану на необходимость использовать киевскіе школы как «...рассадник

¹ «Киевская старина», 1900, декабрь, стр. 382

² Мухин Н., Киево-братскій училищный монастырь», стр. 360.

³ П. А. Бессонов, Белорусскіе песни, М., 1871, предисловіе, VI.

⁴ Проф. Хв. Титов, Стара выща освіта в Київській Україні, К., 1924, стор. 106.

людей ученых»¹. Царь предлагал послать в Киев несколько десятков молодых людей для обучения в коллегии.

Киевская коллегия, преобразованная в 1701 году в академию, стала образцом по которому устраивались последующие русские и украинские школы XVIII века — семинарии и коллегиумы. Контингент учителей для большинства этих школ доставлялся прежде всего и главным образом Киевской академией. По образцу Киевской академии и с помощью бывших ее воспитанников были организованы в первой половине XVII века следующие школы: Велико-Новгородская семинария, над которой много потрудился бывший воспитанник академии Феофан Прокопович, Смоленская семинария, учрежденная в 1714 году бывшим воспитанником академии Коротковипем. Александро-Невская семинария в Петербурге, основанная бывшим воспитанником академии Яновским. Тверская семинария, над которой много потрудился бывший воспитанник академии Феофилакт Лопатинский и многие другие².

Следует также отметить участие воспитанников Киевской академии в устройстве школ у австрийских сербов³ и светских школ в России: сухопутного шляхетского корпуса, Горно-заводской школы в Екатеринебурге и других не духовных школ первой половины XVIII века⁴.

На Украине под непосредственным влиянием Киевской академии и по ее образцу возникли Черниговский, Переяславский и Харьковский коллегиумы. Как уже замечено, по образцу Киевской академии была организована Московская Славяно-греко-латинская академия, в которой, согласно указу Петра I от 7 июня 1701 года, вводились «...учения латинские»⁵.

Историк этой академии С. К. Смирнов приводит в своем исследовании данные о том, что наставники, вызванные из Киева для организации академии, не только следовали учебным планам и руководствам Киевской академии и ввели в ее жизнь заведенные там порядки, но даже привезли с собой в Москву для дальнейшего обучения в академии подготовленных студентов из Киевской академии⁶.

В Киевской коллегии (академии) впервые на Руси были созданы оригинальные курсы философии, которые расходились по коллегиумам и семинариям самых отдаленных мест России⁷.

¹ Ж. «Эпоха» № 1, 1865, стр. 38.

² Проф. ХВ. Титов, *Стара вища освіта в Діївській Україні*, К., 1924, стор. 200—202.

³ «Известия отделения русского языка и словесности императорской академии наук», 1903, стр. 69.

⁴ Пескарский, *История академии наук*, 2, стр. 139.

⁵ С. К. Смирнов, *История славяно-греко-латинской академии*, М., 1855, стр. 80—81.

⁶ Там же, стр. 81.

⁷ Н. Г. Чернышевский, *Полное собрание сочинений*, т. I, М., 1939, стр. 678.

Материалистические идеи этих курсов, несомненно, сыграли свою положительную роль в дальнейшем развитии философской материалистической мысли в России, которая в XVIII веке нашла наиболее яркое выражение в философских взглядах Ломоносова, Сквороды, Радищева. Из стен Киевской коллегии вышел в 1674 году первый труд по русской истории, упомянутый выше, «Синописис», в котором нашло свое выражение понимание единой исторической судьбы двух братских народов — русского и украинского. «Синописис», выдержавший около 18 изданий (последнее — в 1823 году), был до выхода «Русской истории» Ломоносова единственным в России учебным пособием по русской истории. «Синописисом» пользовались русские и украинские писатели XVIII и начала XIX века, разрабатывавшие исторические сюжеты. «Синописисом» пользовался Карамзин в своих исследованиях по славянской мифологии. Помещенные там сведения казались ему, по его словам, «...вероятными, по крайней мере достойными замечания»...¹.

Что касается значения академии для будущей деятельности ее воспитанников, то, несмотря на схоластическую систему обучения, которая была неизбежной в тех условиях, эта система имела свои положительные стороны, которыми воспользовались окончившие академию в своей практической деятельности.

В частности, знание латинского языка, преподавание которого стояло в академии на сравнительно высоком научном уровне, открывало широкий доступ к важнейшим источникам научных знаний того времени и делало окончивших ее достаточно образованными. Бывшие воспитанники Киевской академии, проникая в самые отдаленные уголки русского государства, были достаточно квалифицированными деятелями отечественного просвещения.

* * *

Дальнейшая судьба Киевской академии сложилась следующим образом. В 1701 году, уже несколько обновленная в своем учебном строе, она, согласно указу Петра I, стала юридически полноправным высшим учебным заведением России.

В результате происшедших в первой четверти XVIII века в России культурных преобразований, Киевская академия начинает систематически подвергаться благотворному влиянию со стороны русской науки и культуры. Это влияние сказалось прежде всего в усилении реального направления в ее учебно-образовательной деятельности. Особенно благотворным для нее оказалось влияние основанного в 1755 году Московского университета и деятельности М. В. Ломоносова, трудами которого начинают пользоваться профессора академии. Разработанный в

¹ «Описание славяно-русских книг и типографий 1698—1725 гг.» П. Печкарского. СПб. 1862. стр. 334.

Московском университете «Способ обучения подготавливающих к университету» в значительной мере помог улучшению преподавания и в Киевской академии. Введение в ее учебный план, наряду с богословскими дисциплинами, математики, физики, естествознания, географии, истории, новых языков способствовало тому, что ее студенты получали достаточную подготовку для продолжения образования в университетах и других открываемых в России высших учебных заведениях, а также были достаточно подготовлены для использования их в различных видах служебно-административной и общественной деятельности.

Однако попытка со стороны руководства академии перестроить в ней обучение по учебному плану университетов не увенчалась успехом из-за решительного противодействия этому со стороны «святейшего Синода», в ведение которого в 1721 году перешла академия. Если до половины XVIII века Киевская академия по составу учащихся и учебному строю продолжала традиции прошлого века, то с половины этого века и в последующее время она постепенно переходит на положение духовной школы. Последнее особенно заметно отразилось на преподавании философии. В философском классе академии, вместо оригинальных, творчески созданных курсов XVII века, было введено изучение идеалистической философии по учебнику немецкого философа Ф. Х. Баумейстера „*Elementa philosophiae recontioris*“, который по распоряжению Синода, должен был изучаться «...без упущения единого листа»...

Изучение философии по учебнику Баумейстера должно было поставить этот курс на службу теологии. В 1817 году, в связи с новым уставом для академий, состоящих в ведении «Святейшего Синода», согласно которому они предназначались исключительно для богословского образования, с их учебных планов были изъяты точные и гуманитарные науки. Киевская академия была официально переименована в духовную академию. С этого времени она фактически теряет свое общеобразовательное значение и окончательно переходит на положение сословного (духовного) учебного заведения. В этом положении она остается вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции.

Е. В. СЫСОЕВА

О РАЗВИТИИ ЭСТЕТИЧЕСКИХ СУЖДЕНИЙ УЧАЩИХСЯ V—VII КЛАССОВ

Закон о перестройке системы народного образования на основе связи школы с жизнью и производственным трудом раскрывает конкретные пути для выполнения задач в области образования и воспитания молодежи в период развернутого строительства коммунизма. В законе указывается на то, что восьмилетняя общеобразовательная трудовая школа должна осуществлять моральное, физическое и эстетическое воспитание детей. «Коммунистическое преобразование общества,— говорится в законе,— неразрывно связано с воспитанием нового человека, в котором должны гармонически сочетаться духовное богатство, моральная чистота и физическое совершенство»¹.

Советская школа призвана осуществлять основные задачи коммунистического воспитания — воспитания всесторонне развитой личности ученика. Неотъемлемой частью этого воспитания является и эстетическое воспитание. До последнего времени в практике работы наших школ вопросу эстетического воспитания не уделялось достаточного внимания. XXI съезд КПСС в своих решениях обязал школу всемерно совершенствовать постановку эстетического воспитания и покончить с его недооценкой.

Н. С. Хрущев в своем докладе на XXI съезде КПСС предостерегает против недооценки вреда буржуазного влияния на советскую молодежь и подчеркивает важную роль советской литературы и искусства в деле формирования человека коммунистического общества, в деле формирования у него «хорошего эстетического вкуса»².

Используя лучшие произведения советской литературы и искусства, наша школа воспитывает у учеников правильные эстетические взгляды, которые составляют существенную часть ми-

¹ Закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР». Госполитиздат, 1959, стр. 6.

² Н. С. Хрущев. Доклад на XXI съезде КПСС, Госполитиздат, 1959, стр. 63—64, 68.

ривоззрения нашей молодежи. Поэтому эстетическое воспитание подрастающего поколения всегда было и остается наиболее острым участком идеологической борьбы.

Перед школой стоит неотложная задача дальнейшего повышения качества эстетического воспитания детей. В содержание эстетического воспитания учеников входит воспитание у них умения воспринимать, эмоционально переживать, правильно понимать и оценивать красивое (прекрасное) в окружающей действительности, в природе, в общественной жизни, в человеке и его поступках, в труде людей, в различных произведениях искусства.

В содержание эстетического воспитания учеников входит также выработка у них умений, навыков по возможности создавать это прекрасное своими руками, развитие способностей учеников к тому или иному виду творческой деятельности.

Одним из условий дальнейшего повышения качества эстетического воспитания детей является глубокое изучение процесса формирования **эстетических суждений**, чувств, вкусов, правильных эстетических представлений и понятий.

Развитие эстетических суждений является неотъемлемой частью общего эстетического развития человека. Для того, чтобы ученик получил эстетическое впечатление от какого-нибудь объекта действительности или произведения искусства, необходимо, чтобы этот объект был понятен ученику. «Художественное произведение не выступает перед ребенком с самого начала как эстетический объект,— пишет Б. М. Теплов.— Раньше, чем стать таковым, оно должно уже быть для него осмысленным, содержательным, а следовательно, в самом прямом смысле слова «понятым» объектом»¹.

Эстетическое развитие ученика предполагает, что ученик учится думать о произведении искусства или о явлении действительности, в отношении которого возникают у него эстетические переживания, учится выделять то, что свойственно данному объекту, осмысливать его эстетическую ценность.

Следовательно, эстетические суждения — необходимый компонент процесса углубленного и осмысленного восприятия. Эстетические суждения фиксируют в словах то, что является источником и сущностью эстетических переживаний.

Несмотря на эту важность эстетических суждений для общего развития учеников, в психологической литературе этот актуальный вопрос освещен еще недостаточно.

Задачей статьи является следующее: на основании данных исследования рассмотреть некоторые особенности эстетических суждений учеников 5, 6, 7 классов и условия их формирования и этим помочь учителю в его работе по улучшению методов ру-

¹ Б. М. Теплов. Психология музыкальных способностей, Изд. АПН РСФСР, М., 1947, стр. 5—6.

ководства этим процессом на уроках и во внеклассной работе по эстетическому воспитанию.

Исследование проводилось методом коллективных и индивидуальных бесед, методом наблюдения за учениками на уроках и воспитательных часах; проводились экспериментальные уроки, на которых создавались специальные условия, побуждающие учеников высказывать свои эстетические суждения и их обоснование. Данные изучения состояния эстетических суждений детей в начале года сравнивались с данными исследования их в конце года, после того, как с детьми была проведена соответствующая работа в этом направлении. Исследование проводилось на протяжении двух учебных лет с одними и теми же классными коллективами СШ № 12 г. Станислава. Исследованием было охвачено 150 учеников.

Данные исследования показали, что эстетические суждения учеников 5, 6 и 7 классов могут иметь разный уровень и занимают разное место в эстетических переживаниях детей.

На низком уровне эстетические суждения учеников о том, что они считают красивым, еще очень бедны и отображают только простую констатацию того, что ребенку нравится. «Красивое это то, что мне нравится»,— говорит ученик 5 класса Юрий П.

Некоторые ученики вообще воздерживаются от высказываний на эту тему или повторяют на дополнительные вопросы свой ответ: «Красивое это то, что красивое, хорошее, интересное»,— отвечал ученик 5 класса Виктор С. Ученики на этом уровне не могут объяснить, чем именно производит на них эстетическое впечатление тот или иной объект. «Мне нравится эта картина, но чем—не знаю» («Аленушка» Васнецова). На предложение описать тот или иной объект получали аналогичный ответ: «Нравится, но как и что написать об этом — не знаю». «Весна очень красива, она мне нравится».

Однако надо заметить, что такие неполные и нераскрытые в своем обосновании суждения о красивом у учеников 5, 6 классов — только единичные явления. У подавляющего же большинства учеников этих классов уровень суждений был значительно выше.

Большинство учеников 5 классов, определяя предмет как красивый, указывали на какой-нибудь его признак, качество или свойство.

«В Яремче мне понравилось бурное течение реки», «Мне нравится ранняя осень, когда созревают плоды и фрукты», «Мне нравятся высокие горы Карпаты, покрытые лесом, они очень красивы». «Красивое — это цветы, музыка, стихи, красивые дома, деревья, картины, весна геройство».

Следовательно, их суждения носят более определенный и конкретный характер: «Красиво описана украинская степь в повести

Гоголя «Тарас Бульба», «Красив танец маленьких лебедей из балета Чайковского «Лебединое озеро», «Красиво дерево каштан, когда цветет», «Небо мне нравится и летом и зимой». «Мне нравится, как утром переливаются на солнце капельки росы».

Все же на этом уровне эстетические суждения учеников 5, 6, 7 классов носят по своей направленности несколько однобокий характер. Это главным образом суждения о красивом в природе: «Очень нравится весна, когда природа оживает», «Полонины в Карпатах покрыты травой и цветами и издали кажутся бархатным ковром», «Я люблю смотреть, как искрится и пенится водопад. Это очень красиво».

Из произведений искусства ученикам тоже больше нравились те, в которых красиво была изображена природа. «Красиво на картинах Айвазовского изображено море, оно переливается разными красками... и то тихое и лаковое, то грозное и буйное», «Когда слушаешь «Осеннюю песню» Чайковского, то порой слышится в звуках музыки, как идет дождь или шумит осенний ветер».

Некоторые ученики через произведения искусства воспринимали красивое в поведении человека, что особенно важно в подростковом возрасте, ибо это положительно влияет на оценку красивого в своем собственном поведении. «Мне нравится песня «Орленок», и как хорошо, что в нашей стране орлят миллионы и ими гордится страна» (6 кл.). «В кинофильме «Рита» мне понравился подвиг девочки, ее смелость» (5 кл.). На картине Сурикова «Переход Суворова через Альпы» хорошо показан героизм и мужество русских солдат». (7 кл.).

Совсем мало высказываний учеников о красивом в труде человека.

Результаты анализа эстетических суждений учеников представлены в следующей таблице.

Т а б л и ц а № 1

Класс	Красивое в природе	В природе и произведениях искусства	В произведениях искусства	В человеке и его поведении	В труде человека
5	50%	24%	20%	6%	0
6	48%	18%	14%	10%	0
7	40%	20%	14%	24%	2%

В суждениях учеников 5, 6, 7 классов преобладают суждения о красивом в природе. Совсем отсутствуют у учеников 5, 6 классов и почти отсутствуют (2% у учеников 7 класса) суждения о красивом в труде человека.

Это говорит об определенных недостатках в эстетическом развитии учеников, об ограниченности их эстетических представ-

лений и суждений и об односторонней направленности их эстетических интересов. В частности то, что у учеников совсем отсутствует понимание прекрасного в труде человека и имеется недостаточное понимание его в поведении человека, является большим недостатком в эстетическом воспитании учащихся.

Понимание красивого в труде и поведении человека является одним из необходимых условий воспитания сознательного поведения учеников и воспитания у них профессиональных интересов.

С целью устранения этих недостатков в эстетическом воспитании учеников на протяжении учебного года был проведен цикл бесед на следующую тематику: «Человек красив в труде», «Скромность — лучшее украшение человека», «Труд советских людей в произведениях литературы», «Люблю я пышное природы увядание» и ряд других.

Беседы направляли мысли и чувства учеников на выявление и восприятие красивого как в произведениях искусства, в природе, так и в труде. В частности, нас интересовали вопросы труда, потому что учеников сначала даже удивила сама постановка вопроса о том, что в труде есть тоже красивое.

Параллельно с беседами в этих классах проводилось наблюдение за учениками на уроках труда, литературы, пения, рисования, естествознания с целью выявления того, как на данных уроках расширялись эстетические представления и суждения учеников, как они учились находить красивое в произведениях литературы, в явлениях природы, в продуктах своего труда, изготавливаемых в школьных мастерских.

Так, уроки учителя биологии Школьного К. С. до некоторой степени объяснили то, почему большинство учеников 5, 6, 7 классов видели красивое, главным образом, в природе. На своих уроках, практических занятиях, во время экскурсии учитель всегда находил место для эстетического воспитания учеников. На уроках он широко использовал художественную литературу, художественные картины, употреблял в своей речи образные сравнения, чтобы показать красивое в природе. Он приучил учеников быть наблюдательными к явлениям природы и к их изменениям, обращал их внимание на красивое в цветах, деревьях, птицах и т. д. Под руководством учителя школьники учатся видеть и понимать прекрасное в окружающей их действительности и высказывают о нем свои суждения.

В связи с перестройкой школы особое значение приобретает формирование у учеников эстетического подхода к труду.

Положительные результаты были получены после введения нового критерия оценки изделий, которые ученики 5—7 кл. изготавливали на уроке труда в слесарных и столярных мастерских. Например, ученики 6 класса изготавливали отвертки; оценивая законченную ими работу, учитель обращал внимание как на практическую ценность предмета, так и на его эстетический вид —

красиво или некрасиво сделано. Ведь при помощи каждой отвертки, правильно заточенной, можно открутить винт, но почему-то одну взять в руки приятно и удобно ее держать, а другую неприятно, так как она грубо, неаккуратно сделана.

Ученики охотно воспринимали такую оценку результатов своего труда и, выполняя задание, соревновались за то, чтобы его не только выполнить, но и красиво сделать.

Сравнивая и оценивая свои изделия, они высказывали эстетические суждения об этих изделиях. Работая, думали над тем, чтобы сделать не только правильно, но и красиво.

«Рукоятка должна быть круглой, хорошо отшлифованной, даже блестеть, тогда ее удобно и приятно держать в руке», — говорит Витя П. о своей модели.

Во время уроков труда у учеников формируются эстетические представления и суждения о совершенстве форм, пропорции частей деталей, симметрии и т. д.

Лучшие изделия экспонировались на школьной выставке, что тоже способствовало развитию художественного вкуса, эстетических суждений учеников.

Проведенная работа по улучшению эстетического воспитания учеников на уроках и во внеклассных занятиях дала свои положительные результаты, что нашло свое отражение в характере эстетических суждений учеников. После завершения работы были проведены беседы с учениками этих же 5, 6, 7 классов, на которых было предложено охарактеризовать, что они понимают под «красивым?» В чем они видят «красивое?».

На этот раз уже не нашлось учеников, которые бы не знали, что ответить на поставленные вопросы. Изменилось и отношение к объектам красивого и, хотя вновь чаще всего красивое ученики видели в природе, значительно увеличилось количество эстетических суждений о красивом в человеке и особенно в его груди. Очень многие ученики писали о красивом и в природе, и в человеке, и в труде человека, т. е. значительно расширился круг объектов, в которых ученики начали видеть красивое.

Это показано на таблице № 2.

Класс	Из общего количества учеников	В чем видят красивое			
		в природе	в произведениях искусства	в человеке и его поступках	в труде
5 класс 40 чел.	20	в природе	в произведениях искусства	в человеке и его поступках	в труде
	12	--	в произведениях искусства	в человеке и его поступках	в труде
	8	в природе	—	—	—

Класс	Из общего количества учеников	В чем видят красивое			
Общее количество учеников					
6 класс 40 чел.	28	в природе	в произведениях искусства	в человеке и его поступках	в труде
	8	—	—	в человеке и его поступках	в труде
	4	в природе	—	—	—
7 класс 40 чел.	32	в природе	в произведениях искусства	в человеке и его поступках	в труде
	8	—	—	в человеке и его поступках	в труде

Итак, в результате проведенной работы по улучшению эстетического воспитания в данных классах значительно повысился уровень эстетических суждений учеников, совсем не осталось учеников с низким уровнем суждений, т. е. не способных сформулировать свою мысль о красивом.

Эстетические суждения учеников стали более содержательными, четкими, увеличился объем понятий.

Это уже были не только эстетические суждения о природе и произведениях искусства, но и суждения о красивом в человеке и его труде, что особенно важно и что было педагогической целью данной работы.

* * *

Наиболее ярко проявились особенности эстетических суждений учащихся при восприятии ими репродукций художественных картин.

Ученикам были предложены на выбор репродукции художественных картин, которые они рассматривали и давали их описание: «Чем красива эта картина?», «Что нравится в картине?» и т. д.

Ученики 5 класса выделяли как красивые те объекты, отдельные качества, которые наиболее эмоционально поразили их.

На репродукции картины художника В. Д. Поленова «В парке» ученики 5 класса видели такие красивые предметы, как, например, «На картине изображены очень красиво деревья, тени, трава; березы выделяются своей белизной, трава ярко-зеленая». Эти же признаки, как красивые, выделяют ученики и в предметах действительности, которые они воспринимают. Ученик

5 класса Виктор П. пишет: «Был у бабушки на даче на Балтийском море. Там мне понравились дюны и лес... Нравятся мне горы Карпаты... и нефтяные вышки в Долине».

Потом выделяет признаки, которые он считает наиболее красивыми в этих объектах: «Горы мне понравились своей высотой, дюны — красотой в пасмурную погоду, их так много, что конца им не видно... Нефтяные вышки мне понравились на закате солнца: они высокие, как великаны, и прозрачные — сквозь них видно красное небо».

Уровень эстетических суждений учеников 5 класса дает им возможность отличить красивые объекты от некрасивых. Однако, встречаются факты, когда ученики все, что видят на картине, считают красивым, лишь потому, что оно нарисовано. В человеке отмечают прежде всего его красивую внешность.

В предметах ученики считают красивыми те качества, которые их наиболее эмоционально поражают, увлекают своей внешней выразительностью (форму, величину, цвет).

Уровень эстетических суждений учеников 6 класса уже выше, чем у пятиклассников. В их эстетических суждениях ярко выражено стремление искать красивое в тех признаках предметов, которые передают изменение, динамику предмета. Ученики связывают эти признаки красивого с конкретными условиями, в которых эти предметы находятся. Ученик 6 класса Игорь С. о картине художника И. И. Эндогурова «Начало весны» пишет: «Мне нравится в этой картине пробуждение природы весной. Здесь ярко показано таяние снега и как река освобождается ото льда, как оживают с приходом весны деревья».

Ученики 6 класса дают также эстетическую оценку предметов, которые они заметили рядом с красивым, но считают их некрасивыми и объясняют почему: «На этой картине некрасивое небо, оно мрачное и пасмурное».

В эстетических суждениях учеников 6-ых классов заметно их обращение к своим представлениям об изменениях в природе, к своим знаниям об определенных явлениях, к своему опыту. О репродукции картины В. Д. Поленова — «В парке» Ольга С. пишет: «В этой картине мне понравилось, как художник нарисовал начало осени — деревья и трава начали желтеть. Природа очень красивая осенью — все окрашено в красновато-золотистый цвет».

Во время экскурсии в лес 1958 г. ученики этого класса очень увлеченно оценивали красоту осенней окраски деревьев в лесу. Один из учеников даже прочел строки из стихотворения А. С. Пушкина: «Люблю я пышное природы увяданье, в багрец и золото одетые леса». Следовательно, изменения в красках природы вызывали эстетические переживания у детей.

Шестиклассники проявили умение наблюдать красивое в отдельных объектах природы, в растениях и т. д.

Ученица 6 класса Светлана П. так описывает свое наблюдение над красивым в природе: «Вечером мое внимание привлек куст сирени. Было время захода солнца. Часть куста, обращенная к солнцу, переливалась разными цветами. Он был то нежно-голубой, то красноватый, то фиолетовый. Листья тоже не оставались однообразными. Они становились то темно-зелеными, то бордовыми, то синими. Когда солнце зашло, куст сирени принял свой обычный вид».

В своих эстетических суждениях о человеке ученики 6 класса пытаются передать свое понимание красивого в настроении человека и во внешнем выражении этого настроения.

Ученик 6 класса Виталий П. пишет: «Мне нравится в этой картине («Бурлаки на Волге» Репина) изображение муки и угрюмого настроения на лицах бурлаков». «Мне нравится в этой картине веселое и беспечное настроение запорожцев, их яркая одежда» («Запорожцы пишут письмо турецкому султану»... Репина). «Мне нравятся люди с сильным характером, волевые, которые весело и ловко работают».

Как видим ученики 6 класса в эстетических суждениях о человеке пытались раскрыть его внутренний мир, его эмоции, тем самым подчеркивая свое эмоциональное отношение к красивому, чего не наблюдалось в эстетических суждениях учеников 5 класса. Это уже особенность эстетических суждений учеников 6 класса.

В эстетических суждениях многих учеников 7 класса выражается еще более сложное отношение учеников к красивому. Они красивое в природе, в человеке или в произведениях искусства раскрывают средствами передачи, определенного настроения.

В этих суждениях выражается уже осмысленное эмоциональное отношение к прекрасному.

«В этом пейзаже **чувствуется спокойствие...**». «В бурлящем потоке реки **чувствуется ее сила**». «Вода изображена тихой, спокойной». («Заглохший пруд») «Летом, когда жаркий день, хорошо лежать в тени, смотреть в небо и слушать, как заливается жаворонок..., как будто ничего не видишь но очень приятно и радостно». «Картина производит на меня впечатление тишины и покоя» («Начало весны» И. И. Эндогурова). Или описание по картине художника Левитана «Над вечным покоем» ученицы 7 кл. Веры В. «Картина Левитана производит очень грустное впечатление. Кажется, что эти мрачные темно-лиловые тучи нависли на тобой. Эта картина производит странное впечатление одиночества... На картину можно все время смотреть, и она вызывает все новые мысли и чувства. Мне очень понравилась эта картина».

В эстетических суждениях о человеке ученики 7 класса начинают замечать красивое в его моральном облике. «Мне нравится

в людях честность и правдивость, как у Володи Ульянова». «Мне нравятся люди, на которых посмотришь и чувствуешь, что в них есть что-то хорошее». «Мы были на заводе ПРЗ, и мне понравились рабочие, хотя они были и грязные, но они быстро и хорошо работали; они делают много полезного для народа». «Запорожцы изображены Репиным сильными и веселыми».

Итак, особенностью эстетических суждений учеников 7 класса о человеке является то, что они свое понимание прекрасного в человеке связывают с имеющимися у них эстетическими идеалами. Уяснение прекрасного в моральном облике человека положительно влияет на формирование эстетических идеалов учеников и на их собственное поведение. А юность — это возраст идеалов, как указывал М. И. Калинин, — и у учеников 7 класса уже заметно в их эстетических суждениях, что они вступают в этот возраст.

Развитие эстетических суждений неразрывно связано с эстетическими переживаниями и пониманием их учениками. В своих суждениях ученики начинают описывать свои переживания. Эта особенность эстетических суждений в значительной мере связана с индивидуальными особенностями детей, с развитием их эмоционально — эстетического чувства, с тем, насколько ребенок уяснил свое эмоциональное переживание как таковое.

Например, ученики 5 класса бурно переживают свои чувства при восприятии красивого, но охарактеризовать свои переживания им еще трудно.

Ученики 5-го класса часто отвечают так:

«Я ничего не переживаю, вот когда не спрашивали я радовался, а сейчас подумал и ничего не чувствую».

Ученики же шестого и особенно седьмого классов в своих суждениях выражают эмоциональное отношение к красивому, свое переживание во время восприятия этого красивого, о чем уже говорилось выше.

Изложенные выше данные дают возможность сделать следующие педагогические выводы:

1. Эстетическое воспитание должно быть неотъемлемой составной частью всей работы учителя как на уроках, так и во внеурочное время. Недостаточное развитие эстетических суждений, которые мы констатировали у учеников 5, 6, 7 классов, главным образом, определяется недостаточным вниманием учителя к эстетическому развитию учеников, недостаточным использованием возможностей эстетического воспитания учеников на уроках.

В частности, это следует сказать об уроках труда, на которых надо больше внимания обращать на эстетическое развитие учеников, учить их видеть красивое в своем труде, в результатах своего труда.

2. Учебно-воспитательная работа с учениками должна быть так организована учителем, чтобы все время расширялся для

учеников мир прекрасного, круг объектов, в которых ученики должны учиться видеть и понимать красивое.

3. Особое внимание необходимо обратить на развитие у учеников эстетических суждений о прекрасном в человеке, его труде, в труде самих учеников, что будет в свою очередь играть решающую роль в формировании их профессиональных интересов.

4. Работая над развитием эстетических суждений учеников, педагог должен обращать особое внимание на то, чтобы каждое эстетическое суждение поддерживалось соответствующими переживаниями, соответствующей эстетической эмоцией.

О мастерстве учителя в деле эстетического развития учеников мы судим по результатам его работы. А эти результаты живут в учениках, в их суждениях, чувствах, идейных убеждениях, которые формируются у них в процессе усвоения всей системы знаний в период школьного обучения.

В. М. ГОРОДІВСЬКИЙ

ВИВЧЕННЯ ТВОРІВ ІВАНА ЯКОВИЧА ФРАНКА У П'ЯТОМУ КЛАСІ СЕРЕДНЬОЇ ШКОЛИ

За новою програмою восьмирічної школи з української літератури для 5—8 класів шкіл з українською і російською мовами навчання передбачається вивчення оповідання «Грицева шкільна наука» Івана Яковича Франка у п'ятому класі протягом трьох годин¹.

Матеріал на три уроки можна розподілити так:

1. Вступна бесіда про важке життя і неписьменність трудящих у Галичині під гнітом Австро-Угорської імперії.

Короткі відомості про письменника.

Читання оповідання вчителем і пояснення незрозумілих слів.

2. Коментоване читання п'яти розділів оповідання і переказування їх змісту. Визначити назву кожного розділу оповідання.

3. Характеристика позитивних і негативних персонажів твору.

Розкрити зміст оповідання. Спостереження над роллю художніх та мовно-стилістичних особливостей в творі, за допомогою яких розкривається зміст. Складання плану твору.

Під час вивчення оповідання «Грицева шкільна наука» І. Я. Франка вчитель повинен застосовувати різноманітні методи і прийоми: виразне читання та коментування уривків твору, розкриття змісту при допомозі художніх особливостей, використання бесіди, переказ змісту розділів та усього твору, складання плану, самостійна робота учнів над текстом.

Беручи до уваги, що оповідання складається з п'яти розділів, необхідно враховувати різне змістове навантаження частин твору і відповідно розподілити час на їх аналіз. Окремі розділи (перший і п'ятий) можна стисло переказати або тільки назвати зображені в них події, розкривши зв'язок цих подій з подіями в основних розділах (другий, третій і четвертий), які необхідно всебічно і глибоко проаналізувати.

¹ Програми восьмирічної школи. Українська література. 5—8 класи шкіл з українською і російською мовами навчання на 1960/1961 н. р., Київ, 1960 р.

Аналізуючи оповідання «Грицева шкільна наука», треба йти від розкриття загального змісту до часткових епізодів. Щоб учні добре засвоїли зміст твору, учитель повинен ставити учням чіткі, конкретні запитання.

На уроках з літературного читання необхідно привчати учнів робити самостійний аналіз подій у творі, оцінювати характери і вчинки дійових осіб, уміти пов'язати матеріал твору з сучасністю і робити правильні висновки. Учитель працює також над словниковим збагаченням і культурою мови учнів.

На першому уроці вчитель повинен познайомити учнів із умовами життя, показати деспотизм, що панував у школах Галичини, яка перебувала під соціальним, колоніальним і національним гнітом Австро-Угорської імперії — тюрми народів. Збудити в учнів співчуття до бідних людей і покривджених дітей трудового народу.

Виховати в радянських дітей почуття любові до нашої Батьківщини і рідної Комуністичної партії за щасливе дитинство у нашій країні та ненависть до гніту і деспотизму.

Перехід до подачі нового матеріалу робиться шляхом розповіді. Учитель говорить учням, що в минулому наш народ не корився гнобителям, виступав на боротьбу проти поневолення і гніту. Разом з народом виступали проти експлуататорів передові письменники. Вони, користуючись гострою зброєю художнього слова, викривали тодішню дійсність, закликали народ до боротьби проти експлуататорського ладу.

Одним із перших в українській літературі підняв клич до революційної боротьби проти гнобителів великий син трудового народу Тарас Григорович Шевченко.

За інтереси народу боролися також передові письменники, твори яких вже вивчали, Марко Вовчок, Леонід Глібов, Панас Мирний.

Серед письменників дожовтневого періоду в українській літературі після Т. Г. Шевченка одне з провідних місць належить Івану Яковичу Франкові.

Іван Франко народився у 1856 році в селі Нагуєвичах (тепер Львівська область), в родині сільського коваля. Іван Франко, як і Тарас Шевченко, вийшов з трудового народу. Помер письменник у 1916 році, не доживши одного року до перемоги Великого Жовтня, похований у місті Львові.

Письменник жив у кінці XIX і початку XX століття. На той час у Галичині починає розвиватися робітничий клас.

Все своє свідоме життя письменник присвятив боротьбі за інтереси трудового народу. Він з любов'ю ставився до братнього російського народу, його мови і культури.

У своїх творах Іван Франко гостро критикує експлуататорів, церкву і Ватикан, українських буржуазних націоналістів і кос-

мополітів, закликає народ до боротьби проти капіталістичного ладу і колоніального гніту. Радянський народ гідно вшановує пам'ять І. Франка.

Іван Франко як революціонер-демократ не зміг залишити поза увагою питання освіти народу. Він гостро засуджує шкільну систему в Австрії, показує її антинародний характер.

Іван Франко вірив, що український народ у сім'ї братніх народів здобуде світле майбутнє. Мрії Каменяра, як його називає народ за назвою революційного вірша «Каменярі», здійснилися за радянської влади. Дякуючи мудрій ленінській національній політиці, всі українські землі возз'єднані в єдиній Українській Радянській Соціалістичній Республіці — невід'ємній частині Радянського Союзу. Тепер український народ разом з народами всієї нашої країни будує світле майбутнє — комунізм.

По-батьківському турбується Комуністична партія про долю наших дітей.

Ніколи не повернуться ті страшні часи, про які так гостро писав Іван Франко у своїх творах.

У багатьох творах письменник різко засудив тодішню систему освіти, показав зв'язок знущання вчителів-деспотів над дітьми бідняків.

Цій темі присвячені твори «Грицева шкільна наука», «Олівець», «Отець-гуморист», «Красне писання» та ін. Учитель оголошує тему уроку, записує її на дошці, а учні — в зошитах: «Зміст оповідання «Грицева шкільна наука» Івана Яковича Франка».

Коротко вчитель розповідає про час і місце дії твору, зазначивши при цьому, що події, відображені в оповіданні, показані письменником правдиво.

Як показує досвід роботи вчителів, у п'ятому класі не слід розповідати учням зміст оповідання перед його читанням, щоб не притупити емоцій дітей.

Учитель чітко і виразно читає оповідання, лаконічно і в дохідливій формі пояснює слова і фразеологічні звороти, необхідні для правильного розуміння твору. Діалектизми перекладаються літературними термінами.

Радимо такі види роботи над роз'ясненням незрозумілих слів і мовних висловлювань під час вивчення оповідання: окремі незрозумілі слова можна включити до вступної бесіди з метою роз'яснення їх змісту, частина слів роз'яснюється під час читання тексту. Слова, до яких у підручнику подано зноски, у переважній більшості засвоюються учнями самостійно.

Пояснення можуть вимагати такі слова і звороти: Коломия — місто на Покутті (Станіславська область), біля міста протікає ріка Прут. Барз — дуже, а відтак — а потім, грива гуска — що має зверху чорне або сіре пір'я, внизу біле (Іван Франко), видіти — бачити, борзо — швидко, перепудитися — перелякати-

ся, не засмакував — не розкоштував, остроки — клапті, микати — смикати, скубти, вчилисьмося — ми вчилися, до більшої школи — до вищої школи, вийдеш на попа — станеш попом, туман вісімнадцятий — в розумінні: останній дурень. Так зневажливо називали бідних селянських дітей у школах колишньої Галичини, не міг спізнати — не міг розрізнити, з лица — на вигляд, паца — удар по долоні, кара у старій школі, причинки — причіпки, зачіпки; намісницька власть (намісництво) — найвища адміністративна і політична влада в колишній Галичині, тут вжито в іронічному значенні: глузливий натяк на царський деспотизм.

До твору письменник додає епіграф. Цей термін також треба пояснити учням. Епіграф — фраза, цитата, що поміщається в заголовку всього твору або перед окремим його розділом і є немовби авторською вказівкою, яка накреслює характер теми і її розвиток. У цьому творі епіграф не тільки накреслює розвиток дії, але й вказує на місце дії, що відбувається на Покутті біля міста Коломиї.

Скінчивши читати оповідання, учитель домагається глибшого розуміння учнями змісту твору шляхом бесіди.

До класу можна поставити ряд питань, а саме:

1. Чому оповідання названо «Грицева шкільна наука»?
2. Про що розповідається в творі?
3. Куди відвів батько Гриця?
4. Як зустріли Гриця у школі?
5. Якими методами навчав учитель селянських дітей?
6. Чого навчився Гриць першого дня у школі?
7. Чому дітям було ненависним навчання у школі?
8. Як закінчилося навчання Гриця?
9. Які думки породжує в нас це оповідання?
10. У яких умовах навчаються діти в радянській школі?

Домашнє завдання: прочитати оповідання, навчитися переказувати зміст, виписати незрозумілі слова, дати усно назву кожного розділу.

На другому уроці поглиблюється вивчення твору, звертається увага на розкриття дотепного висміювання і гострого засудження письменником старої школи. Необхідно з'ясувати учням, у яких важких умовах доводилося вчитися дітям селян-бідняків у школах колишньої Галичини, показати бездушне ставлення до учнів деспотів-учителів. Поряд з навчальною метою здійснюється виховання радянських учнів у дусі ненависті до капіталістичної дійсності.

Необхідно виробляти в учнів навички аналізу літературного твору, уміння розкривати зміст твору за допомогою художніх і мовно-стилістичних засобів.

Закінчивши опитування учнів, учитель за допомогою декількох запитань спрямовує увагу дітей на оповідання «Грицева шкільна наука» Івана Франка:

1. В яких умовах навчалися діти бідних селян у школах Галичини?

2. Чому Гриць за рік навчання в школі не одержав знань?

3. Що викриває і засуджує в оповіданні Іван Франко?

Після цього учні читають оповідання по частинах, переказують зміст прочитаного, знаходять епітети, порівняння, визначають їх роль у творі, ведуть спостереження над мовою твору, багатством лексичного складу, визначають синоніми, дають назву кожного розділу оповідання.

Коментоване читання тексту проводимо у формі бесіди. Учні читають розділи оповідання. Наводимо їх аналіз.

Перший розділ.

1. Про кого розповідається в першому розділі оповідання?

— Іван Франко починає твір розповіддю про селянського хлопчика Гриця, який пас гусей.

— Коли Гриць вставав до праці?

— Гриць рано вставав, снідав, трохи поплакавши, брав прут і, підскакуючи, гнав гуси на пасовисько.

— Про яку думку батька не знав Гриць?

— Гриць не знав, що батько мав намір відвести його в школу.

— Як ставився до цієї зміни у житті Гриця письменник?

— Іван Франко пише, що для Гриця це буде «далеко не так почесне становище», ніж пасти гусей.

— Чому гуси були здивовані, побачивши Гриця з батьком?

— Гуси здивувалися, бо Гриць був в іншому одязі: «в нових чобітках, у новім повстянім капелюшку і червоним ременем» підперезаний.

— Про що говорить одяг Гриця?

— Гриць був одягнений бідно, у нього не було нової сорочки, нових штанів, на ньому були тільки нові чобітки, капелюшок і ремінь.

— Як змальована школа?

— Школа була у великому старому будинку під соломою і з комином зверху.

— Які школи будують тепер у нашій країні?

— Радянський уряд і Комуністична партія піклуються про навчання і виховання дітей народу. В нашій країні найкращі будинки передані школам. У наш час будуються світлі, чудові школи з виробничим навчанням, школи-інтернати.

— Як Гриця записали до школи?

— В той час, коли батько з Грицем підходили до школи, «поза будинком на городі ходив пап у камізельці». Це був учитель. Батько попросив хлопців, які йшли до школи, щоб взяли

з собою Гриця, а сам пішов на город поговорити з професором (учителем), щоб записав його сина у школу.

Аналіз другого розділу також проводимо у формі бесіди.

— Яке враження справила на Гриця школа?

— Школа справила на Гриця гнітюче враження. Коли Гриць увійшов до сіней школи, то там було темно і сильно тхнуло торішньою гнилою капостою. У темному кутку була яма, де учні відбували кару. Вигадками і непристойними жартами зустріли Гриця також школярі. Вони побили його березовими різками, які були в класі, прамусили Гриця з'їсти кусок крейди.

— Яка зустріч готується першокласникам у радянській школі?

Діти пригадують свій перший день у школі, перший дзвінок, першого вчителя. Підсумовуючи спогади учнів про школу і дорогих вчителів, дітям треба сказати, що найкращі умови для навчання створені в Радянській країні. А тому вони повинні гарно вчитися і поводитися, любити свою Батьківщину, народ, бути гідними будівниками комунізму.

— Як вчитель зустрів Гриця?

— Вчитель непривітно зустрів вперше Гриця у класі. Про це свідчать слова: «Професор грізно зблизився до нього».

Мова вчителя груба, пересипана короткими запитаннями. Він не запитує, а кричить, не вислуховує уважно пояснення Гриця, а страхає бійкою.

— Для чого письменник вживає порівняння «як сполошені воробці»?

— Цим порівнянням Іван Франко підкреслює, що діти були залякані і дуже боялися вчителя.

— Яке значення епітета «добрі» у вислові «добрі березові різки»?

— Цей епітет має сатиричне значення. Для учнів ці різки були погані, ненависні, ними дошкульно били за будь-яку провину.

Для вчителя-деспота ці різки були добрими, бо він з насолодою міг наносити дошкульні удари дітям.

Вислів «добрі березові різки» — дотепне висміювання письменником навчання і виховання у старій школі.

Після цього переходимо до аналізу III розділу.

— Як описується навчання у тодішній школі?

— Те, що говорив учитель на уроці учням, було незрозумілим для них.

— Як розкривається ця думка в творі?

— Ця думка розкривається за допомогою повторення незначених займенників «щось», «якісь».

— Знайдіть це місце у творі і прочитайте.

Учень зачитує цитату: «Почалася наука. Професор гово-

рив **щось**, показував **якісь** дощечки... до слів «Гриць нічого того не розумів».

— Що робили учні під час пояснення вчителя на уроці?

— Діти займалися різними посторонніми справами і не слухали пояснення вчителя.

— Як про це описується в творі? Знайдіть і прочитайте цитату.

Учень зачитує: «Один довбав пальцем у носі...» до слів «Насцо то микаєс? — спитав Гриць».

Необхідно зосередити увагу учнів на аналізі побутової лексики цього уривка (кафтан, латки, нитки, остроки).

— Про яку одягу йде мова?

— Говориться про одягу стару, поношену.

— Чиї діти ходили до школи у старій і порваній одягу?

— Діти селян-бідняків не мали нової одягу і доношували стару одягу дорослих, часто порвану і з латками.

— Серед яких дітей сидів Гриць у школі?

— Гриць сидів разом з дітьми бідних селян.

Отже, аналізуючи побутову лексику даного уривка, розкриваємо соціальне становище трудящих колишньої Галичини та важкі умови життя їх дітей. З приводу цього слід нагадати дітям, що тепер трудящі західних областей України живуть радісно і щасливо. Діти вчаться у гарних школах, добре і чисто одягаються. Весело живеться радянським дітям.

— Якими методами навчав Гриця вчитель?

— Вчитель крикнув на Гриця і так покрутив його за вухо, що він перелякався і довгий час не міг думати.

Навчання Гриця на першому уроці закінчилося тим, що вчитель «потягнув його за понятливість різкою по плечах».

— Як письменник ставиться до такого навчання?

— Іван Франко гостро засуджує таку систему навчання, жорстокі методи виховання у тодішній школі. Він показує, що дітям доводилося протягом уроку «невтомно по сто разів співучими голосами» повторяти: «а-ба-ба-га-ла-ма-га». Цей влучний вислів «а баба галамага» є дуже дотепним і гострим висміюванням беззмістовності навчання дітей у старій школі.

— Що відповів Гриць батькові, повернувшись із школи?

— Вчилисьмося «а баба галамага»,— відповів Гриць.

Треба пояснити учням, що відповідь Гриця на запитання батька є влучним сатиричним висміюванням тодішніх учителів і школи Австрії.

— Чи могли здійснитися мрії батька про майбутнє Гриця?

— Ні. Бо, як це видно з опису письменником навчання учнів у школі, діти не одержували знань, над ними лише знущалися.

Необхідно звернути увагу на те, що II розділ написаний у формі діалогу, щоб надати розвитку дії твору більшої динамічності і напруженості. Значне місце займає діалог і в третьому

розділі. Потім учитель переходить до коментованого аналізу IV розділу, де переважає розповідь автора.

— Як називає письменник перший день Гриця у школі?

— Іван Франко називає іронічно цей день важливим днем, тобто пам'ятним, незабутнім у житті.

— Чого навчився Гриць протягом року у школі?

— Він не вмів читати, не міг розрізняти писані букви Ш і Т, Л і М.

— Чи можна назвати Гриця нездібним учнем?

— Ні, не можна. Гриць був звичайним селянським хлопчиком з природним розумом, допитливим.

— Чому в старій школі багато дітей вважалися нездібними учнями?

Якими словами про це розповідає автор?

Учень зачитує: «Чи причина тому була в його непонятливості, чи в кепській навчанню професора, цього не знати, то тільки певно, що, крім Гриця, таких «туманів вісімнадцятих» між тогорічними школярами було 18 на 30 і всі вони під час того шкільного року заєдно робили собі блискучі надії, як то буде гарно, як вони увільняться від щоденних різок, позаушників, штурканців, «пац» та «попідволосників» і як покажуться знов у повнім блиску своєї поваги на пасовищі».

З попередньої картини навчання на уроці можемо зробити висновок, що основне зло було у поганім навчанні і вихованні, яке здійснювалось при допомозі різок.

Засудження такої системи навчання досягається за допомогою епітета «проклятий». Таке навчання у галицьких школах спотворювало дітей, вбивало їх духовно і фізично. Цю думку письменник стверджує, говорячи про Гриця, що прокляте «а баба галамага» і прокляті професорські причинки та захооти до науки так надоїли йому, що він аж вихуд та поблід і ходив увесь час, мов сновида».

Ось у чому причина, що Гриць та інші учні не могли вчитися.

Слід звернути увагу дітей на те, що батько Гриця, простий селянин, зрозумів всю абсурдність тодішнього навчання в школі і забрав його додому пасти гусей.

Отже, учитель робить висновок, що здібності дітей у старій школі притупляло деспотичне знущання над ними і реакційна система виховання.

Коментоване читання п'ятого розділу проводиться у такий спосіб:

— Що сталося з гусьми того року, коли Гриць ходив до школи.

— Коли Гриць навчався у школі, гусей пас малий сусідський хлопчик Лучка. Він не дбав про гусей. За допомогою метафори письменник говорить, що і гуси зазнали біди: «нешастя кілька разів того року зловіщим крилом перелетіло понад чередою».

Слід звернути увагу на той факт, коли говориться, що сусід забив хворостиною стару попелясту гуску. Епітет «варварський» розкриває сільський ідіотизм на той час у галицькому селі, відсталість селян.

Потім учитель аналізує картину зустрічі Гриця з гусьми, коли він повертається знову їх пасти.

— Як гуси зустріли повернення до них Гриця? Зачитати слова.

Учень зачитує: «З голосними викриками радості і тріпотанням крил вони кинулися до нього».

— Пригадайте, діти, а як вчитель зустрів Гриця? Діти пригадують і розповідають.

— Яке ставлення письменника до Гриця?

— Іван Франко із симпатією ставився до Гриця, це підкреслюється за допомогою епітета «добрий», автор говорить, що гуси ще не забули свого колишнього «доброго пастиря», тобто доброго пастуха.

Що запитали гуси у Гриця?

— Гуси запитали, де він був і чого навчався?

— Що відповів Гриць?

— Гриць відповів коротко: «А баба галамага». Це вся наука, яку Гриць здобув за цілий рік навчання у школі. Цю науку за одну мить перейняв білий гусак і крикнув двічі своїм дзвінким голосом: «А баба галамага». Це іронія на тодішню освіту.

Закріплення вивченого матеріалу можна провести за такими питаннями:

1. Чому стара школа Галичини вбивала у дітей прагнення до науки?

2. Чому Гриць зненавидів школу?

3. Які зміни сталися в Західній Україні після возз'єднання з Радянською Україною?

Домашнє завдання: прочитати оповідання, вміти переказувати зміст кожного розділу, виписати епітети, за допомогою яких критикується тодішня система освіти.

На третьому уроці пропонується розглядати характеристику дійових осіб, розкрити правдиве зображення Іваном Франком реакційної системи навчання в Австро-Угорській імперії за допомогою гострої сатири, показати революційне спрямування оповідання.

При опитуванні учнів спрямовуємо їх увагу на розкриття змісту твору за допомогою художніх і мовно-стилістичних особливостей.

Можна опитати трьох учнів.

Першому учневі. Розповісти перший і другий розділи оповідання. Які художні засоби використовує І. Франко, змальовуючи навчання в австро-угорській школі?

Другому учневі. Про що розповідається в третьому розділі? З якою метою використовує письменник художній засіб повторення неозначених займенників? Який дотепний вислів вживає І. Франко, щоб висміяти тодішню систему освіти?

Третьому учневі. Розповісти зміст четвертого і п'ятого розділів. Пояснити значення епітетів «проклятий», «варварський».

Після індивідуального опитування учнів можна перейти до фронтальної бесіди.

Для глибшого розуміння змісту твору можна скласти з учнями план оповідання за таким зразком:

1. Несподівана звістка для Гриця.
2. Гриць у школі.
3. Почалася наука.
4. Надії батька розвіялися.
5. Гриць знову повернувся пасти гусей.

Характеристику дійових осіб оповідання можна провести у формі такої бесіди:

— Назвати дійові особи оповідання «Грицева шкільна наука».

— У цьому оповіданні є такі дійові особи: селянський хлопчик Гриць, його батько, вчитель-деспот, школярі.

— Дати характеристику Гриця.

— Гриць — хлопчик бідного селянина, пастушок гусей, любить працю, розумний, талановитий, але схоластичне навчання і палочна дисципліна вбивають у нього прагнення до науки.

Про Гриця І. Франко розповідає з любов'ю.

Письменник із співчуттям ставиться до Гриця, коли він знає неприємностей у школі першого дня. Цього досягає автор за допомогою емфатичного наголосу.

Школярі запитують Гриця:

— Ти того не знав?

— Не-е зна-а-ав! — відхлипнув Гриць.

— Чому не знав?

— Бо я-а-а пе-е-елсий ла-а-з у сколі.

Гриць — головна дійова особа оповідання.

— Які риси батька показано у творі?

— Батько Гриця працьовитий і розумний. Коли він переконався, що школа не дасть його синові освіти, забирає Гриця із школи пасти гусей. Вчинок батька — це один із стихійних виявів протесту проти царської влади. Проте прагнення батька вчити Гриця на попу свідчить про обмеженість його світогляду.

— Дати характеристику вчителя.

— Письменник негативно показує вчителя. Його портрет змалюваний скупо — пан у камізельці. Більшу увагу приділяє Іван Франко розкриттю його внутрішніх рис характеру. Побачивши перший раз у класі Гриця, він грізно підійшов до нього. Мова «пана професора» груба, лайлива, на уроці він поводить себе з уч-

нями, як деспот. Ці риси характеру письменник розкриває за допомогою використання дієслівної лексики: «крикнув, покрутив, потягнув».

— Але бо ти, Грицю-небоже, нічого не вважаєш, — **крикнув** на нього професор і **покрутив** його за вухо...», «...**потягнув** його за понятливість різкою по плечах».

Таке казармене навчання дітей було типовим для Австрії. Засуджуючи реакційну систему освіти, Іван Франко критикує цісарську владу. Епітет «намісницька власть» має сатиричне звучання, гострота якого спрямована проти найвищої адміністративної і політичної влади у Галичині.

Тому діти широко бажали звільнитися від такої науки: різок, позаушників, штурканців, «пац» та «попідволосників». Отже, Іван Франко правдиво розкриває мету шкільної системи: тримати дітей трудящих у повному неуцтві і темряві.

Всі мовні та художні засоби оповідання підпорядковані сатиричному змалюванню шкільного навчання в Австрії.

Загальні висновки вчитель робить за допомогою декількох запитань.

— Діти, для чого І. Франко написав це оповідання?

— Щоб привернути увагу народу до питань шкільної освіти, збудити обурення, різкий протест проти реакційної системи шкільного навчання і виховання. Іван Франко питання боротьби за освіту завжди пов'язував з боротьбою трудового народу за своє соціальне, політичне і національне визволення. Учитель повинен домогтися, щоб учні правильно розуміли цей висновок.

— До чого закликала оповідання?

— Оповідання закликала народ боротися за право дітей трудящих на освіту, за знищення капіталістичної дійсності.

Тому воно має революційну спрямованість.

— Коли змінилося життя трудящих колишньої Галичини?

— У 1939 році, коли Радянська Армія подала єдинокровним братам руку допомоги. На землі Франка засвітило сонце правди і свободи. Навіки возз'єднавшись в єдиній сім'ї братніх народів Радянського Союзу, трудящі західних областей України будують світле майбутнє — комунізм. Радісно живуть і працюють робітники, колгоспники та трудова інтелігенція. Для дітей трудящих, про яких з вболіванням за їхнє майбутнє писав Іван Франко, тепер відкрито багато восьмирічних і середніх шкіл, шкіл-інтернатів, шкіл робітничої і сільської молоді, технікуми, інститути, університет ім. Івана Франка у Львові.

Радянський уряд дбає, щоб діти усіх трудящих мали освіту. На західноукраїнських землях повністю ліквідована неписьменність. Тепер у кожній хаті є книги, газети, радіо і в багатьох трудящих телевізори.

Яким би щасливим був Іван Франко, коли б побачив, у яких

умовах навчаються діти трудящих, про яких він писав у своїх творах і, зокрема, в оповіданні «Грицева шкільна наука».

Домашнє завдання. Навчитися розповідати оповідання за планом. Вміти пояснити використання письменником у творі художніх засобів. Усно дати відповідь на запитання у підручнику.

Крім оповідання «Грицева шкільна наука», шкільна програма передбачає для додаткового вивчення учнями ще оповідання «Олівець».

Вчитель рекомендує учням самостійно прочитати це оповідання. Матеріал твору можна використати для глибшого розкриття теми та ідейного спрямування оповідання «Грицева шкільна наука», зокрема для доповнення негативного образу вчителя-ката та засудження шкільної системи навчання.

Для глибшого розуміння змісту твору необхідно скласти план оповідання «Олівець». Звертається увага учнів на те, що розповідь ведеться від першої особи, події у творі змальовані правдиво. Дія твору відбувається тоді, коли Іван Франко вчився у початковій школі у селі Ясениця-Сільна. Про події письменник розповідає у формі спогадів, велика увага звертається на розкриття психологічних переживань дитини, яка знайшла загублений олівець.

У цих переживаннях розкривається благородна і чесна душа селянської дитини, чисті її почуття. Різко засуджує письменник тогочасну шкільну систему, яка виховувала у дітей страх перед старшими, перед начальством.

Аналіз змісту твору найкраще можна провести за допомогою бесіди.

Рекомендуються для учнів такі запитання: «Про яку річ розповідається у творі?», «Який був олівець?», «Що міркував автор про знахідку олівця?», «Чи мав право міркувати так сільський хлопчик?», «Що сталося в школі?», «Знущення вчителя-деспота над дітьми», «Чому вчитель катував учня Степана?», «Переживання хлопчика, який знайшов олівця», «Про які новини другого дня вранці розповів дядько хлопчика?», «Хто повернув олівця?» та ін.

План оповідання може бути такий:

1. Міркування автора про знахідку олівця.
2. Сільський хлопчик знаходить олівця.
3. Вчитель катує Степана.
4. Страшні сни.
5. Олівця повернуто.

Цей план учні записують у свої зошити. Потім учитель переходить до фронтальної бесіди.

— Тепер поміркуємо, діти, для чого І. Франко написав це оповідання?

— Оповідання написане з метою засудити деспотичне знущан-

ня вчителів над дітьми трудящих і привернути увагу народу до питань шкільної освіти.

— Які думки викликає у нас це оповідання?

— Змальовані події у творі викликають у нас обурення і ненависть до деспотизму і гноблення.

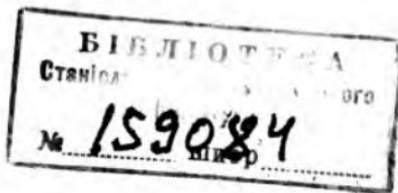
— До чого закликала це оповідання?

— Оповідання закликала до боротьби за краще майбутнє народу. Така головна думка оповідання «Олівець».

Опрацьовуючи оповідання, учитель повинен звернути велику увагу на вивчення і засвоєння учнями незрозумілих слів.

Робота над вивченням лексики твору може бути такою, як ми пропонували це під час визчеңня оповідання «Грицева шкільна наука». Увагу учнів треба звернути також і на те, за допомогою яких художніх особливостей автор розкриває внутрішні переживання дійових осіб.

Аналізуючи мову деспота-вчителя, слід показати її грубість, використання окличної уривчастої інтонації у мові вчителя сприяє змалюванню казарменого палочного системи навчання у школах Австро-Угорщини.

З М І С Т

	Стор.
В. І. ОМЕЛЬЧЕНКО. Т. Г. Шевченко на сторінках західно-українських періодичних видань 60-х рр. XIX ст.	3
Л. М. ТРЕТЯК. До характеристики художніх образів в історичній повісті Ів. Франка «Захар Беркут»	17
М. О. ВОЙТКО. Тема соціалістического строїтельства в поезії Д. Бедного 20-х гг.	34
І. П. БОРОДІН. К вопросу о характере лирического героя в трилогии К. Паустовского «Повесть о жизни»	61
Г. П. МАЗЕЦЬКИЙ. К характеристике романа Т. Драйзера «Оплот»	76
Л. Я. КІРІНА. Функции форм прошедшего времени глагола в публицистико-деловом языке первой трети XVIII века	87
Т. І. ВЕЛИЧКО. Об особенностях словорасположения в русских повестях Квитки-Основьяненко	109
С. Е. КУТОВЕНКО. Н. К. Крупская о роли пионерской организации в трудовом воспитании школьников	128
А. М. ВАРЧЕНКО. Первое высшее учебное заведение нашей страны — Киевская академия	143
О. В. СИСОЄВА. О развитии эстетических суждений учащихся V—VII классов	170
В. М. ГОРОДІВСЬКИЙ. Вивчення творів Ів. Франка у п'ятому класі середньої школи	181

Станіславський державний
педагогічний інститут
Научные записки, серия филологическая, т. V
(на українському мові)

Технічний редактор **О. А. Пономаренко**
Коректори **Л. Я. Кіріна** та **Г. С. Смірнова**

Здано на виробництво 24.XI—1960 р.

Підписано до друку 13.V—1961 р.

Формат 60x92 ¹/₁₆

Друк аркушів 12,25

Зам. № 137. Тираж 800.

Ціна 60 коп.

БЧ 01876

Коломийська міська друкарня Станіславського обласного книжково-газетного видавництва
м. Коломия, вул. Борисенка, 6